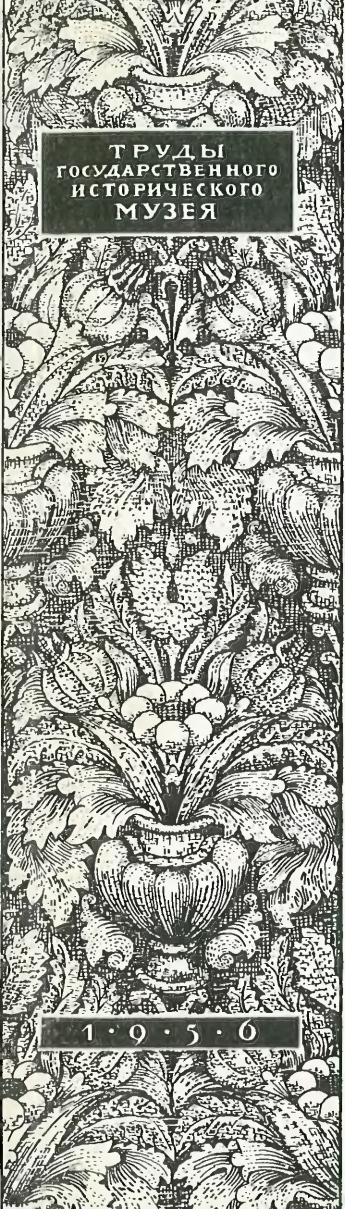

ТРУДЫ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИСТОРИЧЕСКОГО
МУЗЕЯ

М. В. ФЕХНЕР

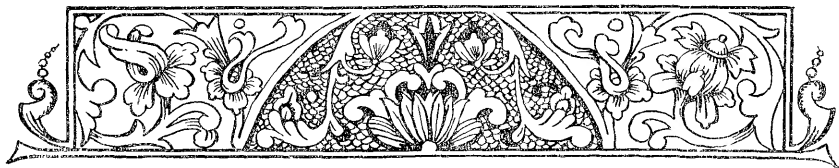

ТОРГОВЛЯ
РУССКОГО
ГОСУДАРСТВА
СО СТРАНАМИ
ВОСТОКА
В XVI ВЕКЕ

1 · 9 · 5 · 6

ГОСКУЛЬТПРОСВЕТИЗДАТ

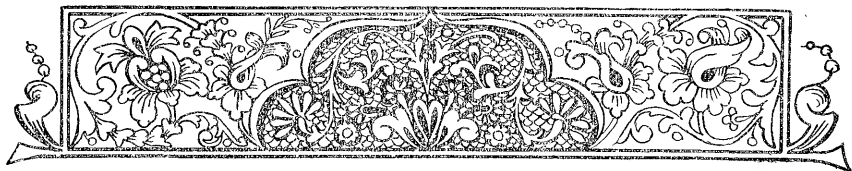

ТРУДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

ВЫПУСК
• 31 •

Государственное Издательство
Культурно-Просветительной
Литературы
Москва • 1956

М.В.ФЕХНЕР

ТОРГОВЛЯ
РУССКОГО ГОСУДАРСТВА
СО СТРАНАМИ
ВОСТОКА
В XVI ВЕКЕ

Под редакцией
академика М. Н. ТИХОМИРОВА

Государственное Издательство
Культурно-просветительной
литературы
Москва • 1956

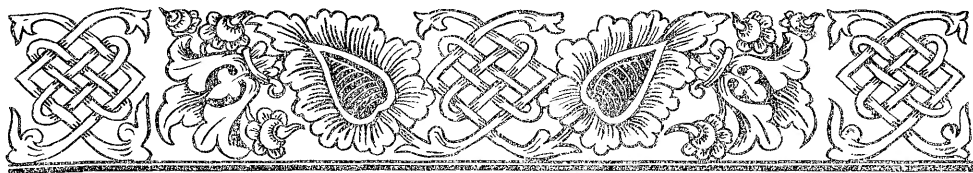
ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга М. В. Фехнер, выходящая вторым изданием, является, в сущности, единственной монографией, в которой рассматривается вопрос о торговле России с Востоком в XVI столетии. Правда, по этому вопросу были написаны отдельные статьи; касались этого вопроса и те книги, в которых изучались сношения России с восточными странами, но не было общей сводной работы, позволявшей судить о значении русской торговли с восточными странами в это столетие.

Результаты работы М. В. Фехнер получились несколько неожиданные. Историки, как правило, обращали свое внимание главным образом на торговлю России с Западной Европой. После выхода книги М. В. Фехнер стало ясным значение торговых отношений России с Востоком. При этом выяснился и активный характер этой торговли со стороны России. Не только предметы роскоши, но и различного рода изделия быта, оружие и пр. вывозились из России в восточные страны. Особенно большое значение имела русская торговля для среднеазиатских стран, сношения с которыми были оживленными и плодотворными для обеих сторон, уже в XVI веке.

В новом издании книги М. В. Фехнер сделаны необходимые поправки и дополнения к тексту первого издания при общем сохранении структуры книги.

М. Н. Тихомиров.

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа посвящена одной из мало разработанных и вместе с тем важных проблем социально-экономической истории России — торговле Русского государства со странами Ближнего и Среднего Востока в XVI веке.

В общих работах, посвященных русской торговле, внешние экономические связи Русского государства XVI века рассматриваются преимущественно как торговля с западными странами, в частности с Англией, о взаимоотношениях же со странами Востока в них говорится только вскользь. При этом Россия XVI века обрисована как страна, экспортирующая главным образом сырые материалы и импортирующая продукты обрабатывающей промышленности.

Между тем, в истории русской внешней торговли XVI век представляется временем большого стремления Русского государства к рынкам Востока. Торговые связи Москвы со странами Востока, завязавшиеся еще в XIV—XV вв., приобретают в это время постоянный характер, отличаются большой интенсивностью товарообмена и играют в общем внешнем товарообороте России первенствующую роль.

Изучая княжеские духовные грамоты, приходо-расходные монастырские книги, описи царского, боярского, церковного имущества, описи имущества посадских людей, мы убеждаемся, что в русском быту XVI века восточные товары имели значительно более широкое распространение, чем товары западного происхождения. Это, конечно, могло иметь место только в результате относительно большего ввоза в Россию восточных товаров, чем западных. Последние, повидимому, занимали в XVI веке еще скромное место на русском рынке. Характерно в этом отношении замечание Ивана Грозного, сделанное в письме к английской королеве Елизавете в 1570 году, что «Московское государство покамест без аглинских товаров не скудно было».¹

Следует также отметить, что восточная торговля имела в XVI веке несравненно большее значение для экономического развития страны, чем торговля с Западом. Если западные страны экспортировали из Русского государства преимущественно сырье, то восточный рынок предъявлял глав-

¹ «Голос минувшего», 1914, № 10, стр. 273.

ным образом спрос на изделия русского ремесла. Поэтому в экспорте России на Восток продукты отечественного ремесленного производства преобладали над сельскохозяйственной продукцией.

Это является, с одной стороны, показателем значительного развития производительных сил в стране, с другой же стороны, указывает на то, что вывоз изделий русского ремесла имел важное значение для дальнейшего развития отечественного производства; он не только способствовал увеличению продукции последнего, но и развитию в стране географического разделения труда. Известно, что производство кож и некоторых других товаров, экспортировавшихся в значительном количестве на Восток, постепенно оседало в районах, специализировавшихся на выработке этих изделий в соответствии с благоприятными естественными условиями, наличием удобных путей для вывоза товаров к пограничным пунктам рядом других условий.

Таким образом, связи, установившиеся на базе развития внешней торговли, и торговли с Востоком, в частности, нельзя не учитывать при изучении процесса складывания «всероссийского рынка».

Экономическая значимость восточной торговли для России еще больше повысилась после установления через ее территорию европейско-азиатского транзита, часть которого направлялась в порядке русского реэкспорта.

Контрагентами Русского государства в восточной торговле являлись в XVI веке узбекские ханства, Азербайджан, Иран, Турция, Крым, Ногайская Орда, а до середины века также Казанское и Астраханское ханства. Эти государства играли в экономических связях России не равноценную роль.

В первой половине XVI века наблюдалось интенсивное торговое общение России с Астраханским и Казанским ханствами, являвшимися связующим звеном между Русью и странами Ближнего и Среднего Востока. Особенно значительна была экономическая роль Казани, где ежегодно собиралась ярмарка, представлявшая собой центр, куда стекались купцы «изо всея Русския земли», из Средней Азии, Ирана и Закавказья. Ряд летописных данных свидетельствует о постоянном пребывании большого числа русских купцов в столице ханства. Так, в 1505 г., во время казанского погрома погибло русских гостей «больши 15 тысяць из многих городов»¹. Известно, что и казанские купцы посещали ряд крупных русских городов.

Одним из основных контрагентов России в рассматриваемое время являлась Турция, на долю которой приходилась наибольшая часть русского товарооборота. В развитии и укреплении торговых связей были одинаково заинтересованы как Россия, так и Турция. Поэтому торговые отношения между этими странами, возникшие еще в конце XV века, приобрели в XVI веке уже постоянный характер. Русские купцы систематически посещали Азов, Кафу, Токат, Бруссу, Константинополь, где они вели торговые операции не только с местным купечеством, но и с иранскими и среднеазиатскими тезиками². В свою очередь, турецкие купцы, среди которых

¹ Полное собрание русских летописей (далее сокращенно ПСРЛ), т. XXIII, стр. 197.

² Тезик — восточный купец. Тезиками обычно называли иранских и среднеазиатских купцов, но иногда, как это видно из наказа астраханским воеводам от 1625 г., тезиками называли и турецких купцов. (Акты Исторические (далее сокращенно АИ), т. III, стр. 212—213).

было много армян и греков, являлись частыми посетителями Новгорода, Москвы и Путивля.

С середины XVI века, после объединения в руках Русского государства всего волжского бассейна, огромное значение приобрела торговля с Ираном и Средней Азией, носившая в начале этого века еще нерегулярный характер. Установление прямого торгового пути в Иран и Среднюю Азию дало возможность русскому купечеству завязать прочные торговые сношения с этими странами. При этом в регулярном товарообороте России с узбекскими ханствами и Ираном во второй половине XVI века бухарские, хивинские и кизылбашские¹ купцы выступали в качестве равных и заинтересованных коммерческих контрагентов. Узбекские ханства, находясь в XVI веке во враждебных отношениях с государством Сефевидов (кизылбашей), оказались отрезанными от стран Ближнего Востока и Европы, в связи с чем они проявляли в это время большое тяготение к России, рассчитывая на ее экономическую и политическую поддержку.

Что же касается Ирана, который вел тогда ожесточенную борьбу с Турцией, то его толкали на сближение с Россией, помимо экономических причин, также политические соображения: Иран рассматривал Россию как возможного союзника в борьбе с Турцией. Кроме того, развитию русско-иранской и русско-узбекской торговли в это время безусловно содействовали старые связи Москвы с этими государствами, существовавшие еще до присоединения к Русскому государству Казанского ханства.

В течение всего XVI века активным контрагентом России являлась и Ногайская Орда.

Что касается торговли с Крымским ханством, то, с установлением в XVI веке непосредственных торговых сношений с Турцией, она представляла для России только второстепенный интерес, как посредствующее звено в торговле с Портой; агрессивная политика Крыма в отношении Русского государства не способствовала упрочению непосредственных русско-крымских экономических отношений. Вероятно, Россия в XVI веке имела торговые отношения и с казахами, однако почти полное отсутствие прямых источников для этого периода не дает возможности представить себе характер этой торговли даже в самых общих чертах.

В предлагаемой работе рассматривается структура русско-восточной торговли и ее организация, оценивается значение этой торговли в общем ходе экономического развития страны, а также дается характеристика торговых путей из Русского государства в страны Востока. Основным затруднением при работе над темой явилось отсутствие единого архивного фонда. Материал, разпыленный среди различных групп архивных документов, как не опубликованных, так и уже изданных, приходилось собирать буквально по крупицам. Столь неблагоприятное положение с источниками, повидимому, и было одной из основных причин того, что до настоящего времени, тема о торговле России со странами Востока в XVI веке не была подвергнута сколько-нибудь детальному изучению.

¹ В России иранцев часто называли кизылбашами: этот термин стали применять с XV в. в отношении тюркоязычных племен, составлявших ядро феодального войска державы Сефевидов. В XVI в. кизылбашами называли уже все население Ирана, а страну нередко именovali Кизылбашской землей.

Из имеющихся в нашей исторической литературе немногочисленных работ, посвященных восточной торговле, следует отметить монографию В. Е. Сыроечковского «Гости-сурожане»,¹ которая дает богатый фактический материал по вопросу внешней торговли Московской Руси XIV—XV вв. с юго-востоком. Она использована нами при характеристике торговых связей России с Турцией и Крымом в начале XVI века.

Из других работ, специально посвященных торговле Русского государства со странами Востока в XVI веке, только работы А. Шпаковского «Торговля Московской Руси с Персией в XIV—XVII вв.» и А. Чулошникова «Торговля Московского государства с Средней Азией в XVI—XVII вв.»² представляют значительный интерес, хотя обе они уделяют основное внимание торговле XVII века и лишь частично касаются русской торговли в XVI веке.

В первой из этих работ, изданной в 1915 г., рассматриваются русско-иранские отношения и формы торговли, поддерживавшиеся между Россией и Ираном в XVI веке. Несмотря на то, что для своего исследования А. Шпаковский привлек лишь материал посольских книг, его отдельные выводы о характере торговых отношений России с Ираном в XVI веке до сих пор сохраняют свою силу.

В работе А. Чулошникова, опубликованной в 1933 году, обращает на себя внимание вывод автора об активном характере торговой политики России этого периода, сделанный им вопреки господствовавшей в то время точке зрения, что во взаимоотношениях России и Средней Азии «инициатива» и «активная роль в них принадлежали не России, а азиатским владельцам», что Русское государство, следовательно, играло в развитии экономических связей с узбекскими ханствами пассивную роль. Этот ошибочный взгляд, разделявшийся В. А. Уляницким³, С. В. Жуковским⁴ и А. В. Панковым⁵ был построен в значительной степени по наблюдениям над чисто внешней стороной дипломатических отношений Русского государства с среднеазиатскими ханствами и недостаточно обоснован фактами.

Важнейшим источником, положенным нами в основу данной работы, явились документы Посольского приказа. Представляя огромный интерес для изучения внешнеполитических связей Русского государства, они содержат интересный и еще мало использованный в литературе фактический материал о торговле России со странами Востока. В большинстве эти документы, относящиеся к XVI веку, опубликованы. Из неизданных материалов нами были изучены в Центральном Государственном Архиве Древних

¹ В. Е. Сыроечковский. Гости-сурожане. М.-Л., 1935.

² А. Я. Шпаковский. Торговля Московской Руси с Персией в XVI—XVII вв. Сб. Историко-этнограф. кружка при унив. св. Владимира, Киев, 1915, в. VII; А. Чулошников. Торговля Московского государства с Средней Азией в XVI—XVII вв. Сб. «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР» (далее сокращенно МИУТ и ТССР), Л., 1933.

³ В. А. Уляницкий. Сношения России с Средней Азией и Индией в XVI—XVII вв. «Чтения». 1888, кн. 3.

⁴ С. В. Жуковский. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Труды общ. русских ориенталистов, № 2, СПб., 1915, XII.

⁵ А. В. Панков. К истории торговли Средней Азии с Россией в XVI—XVII вв. Сб. «Е. В. Бартольд туркестанские друзья, ученики и почитатели». Ташкент, 1927.

Актов турецкие дела, охватывающие период с 1512 по 1594 г.; Ногайская посольская книга за 1579—1580 гг., и ряд книг Крымского двора. В Центральном государственном архиве древних актов, кроме дел Посольского приказа, были использованы приходо-расходные книги Чудово, Волоколамского и Соловецкого монастырей второй половины XVI века, содержащие исключительно важные сведения о существовавших тогда ценах на ряд экспортных и импортных товаров в России: эти данные, при сопоставлении с натуральными показателями вывоза и ввоза, облегчают задачу установления общего размера коммерческих операций отдельных русских контрагентов, принимавших участие в восточной торговле.

Важными источниками для нашей темы послужили также некоторые духовные грамоты, описи царского, боярского и церковного имущества, таможенные уставные грамоты, торговые книги и описания путешествий XV—начала XVII вв. в Русское государство и в страны Востока. Нами был привлечен, кроме того, картографический материал и памятники материальной культуры, хранящиеся в музеях Москвы и Ленинграда. Последние имели большое значение при рассмотрении структуры русского ввоза, позволяя дополнить и уточнить данные письменных источников.

ТОРГОВЫЕ ПУТИ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА В СТРАНЫ ВОСТОКА

В настоящей главе рассматриваются пути торговых связей Москвы с государствами Ближнего Востока и Средней Азии в XVI веке, дается описание этих путей с указанием их экономической значимости, а также характеристика важнейших торговых центров на Востоке, где концентрировалась деятельность русских купцов.

Главным источником, послужившим нам для характеристики путей восточной торговли, являлись «крымские», «турецкие», «персидские», «бухарские» и «ногайские» посольские дела XVI века. Они дают возможность более или менее точно установить маршруты следования в пределы Русского государства восточных посольств, а также русских посольств на Восток. Как известно, теми же путями, какими направлялись на Восток русские послы, прибывали в Русское государство турецкие и кизылбашские гости и среднеазиатские тезики.

Нередко, ввиду опасности нападения на караваны в пути, купцы присоединялись к дипломатическим посольствам, обычно находившимся под усиленной охраной, и совместно следовали с ними дальше¹. Это подтверждается рядом указаний. В 1500 г. с Андреем Кутузовым, послом Московского великого князя, в Кафу шло множество московских, тверских и коломенских гостей². С турецким послом Скиндером в 1522 г. в Москву приехало 6 торговых людей царегородских и кафинцев³. Вместе с купцами возвращался в 1570 г. из Царьграда русский посол Новосильцев: «а гостей, государь, со мной идет из Царьграда к Москве, Ахамет Чилебеев племянник Бу-

¹ Например, посланника Григория Нащокина, направлявшегося в Турцию в 1592 г., провожали до Азова «детей боярских 8 человек, да казаков и стрелков из украинских городов 250 человек». См. дела Центрального Государственного Архива Древних Актов (сокращенно ЦГАДА), фонд 89, Турецкая посольская книга № 3, лист 2.

² Сборник Русского исторического общества (далее сокращенно РИО), т. 41, стр. 408—409.

³ ЦГАДА, фонд 89, Турецкая посольская книга № 1, л. 207.

станом зовут сам третей, а людей их с ними 17 человек, да из Кафы торговых людей 9 человек ...да из Азова идет торговый человек бухарец...»¹. В 1585 г. из Астрахани ехали с бухарским и юргерским послами также «тезики с товары да 5 стругов складных русских людей с товары ж»².

Купцы входили иногда даже в состав посольских караванов. Так, посольство в Иран 1588 г. Григория Васильчикова сопровождало 4 купца. По словам посла, купцы находились в его караване с той целью, «что наши люди наших рухлядишек, которая с нами взята на проесто продать не умеют, да и купить, что нам надобе и те торговые люди посланы с нами для того»³.

Таким образом, мы видим, что посольские пути являлись одновременно и торговыми дорогами, и что дипломатия и внешняя торговля — эти две формы связи с иностранными государствами, в ту эпоху были фактически почти неотделимы друг от друга: посол нередко являлся купцом, а купец часто выполнял обязанности посла. Про турецкого посла Скиндера, который в 1524 г. приехал к великому князю Василию III с уверением о дружбе султана, писали в Москву: «А Скиндер болшее сказывают идет на султана рухляди купити, денег с ним салтановых много, а дела за ним великого не чают». Гонец Кай, посланный в Москву иранским шахом Аббасом в 1592 г. с целью заключить союз с Россией против Турции, должен был выполнить и торговое поручение шаха. Вместе с тем гилянскому тезику Загиту, который прибыл в Русское государство с торговыми целями, было поручено шахом Аббасом отвезти грамоту царю Федору Ивановичу, а в грамоте объяснялись причины захвата Ираном области Гилян⁴.

Соответственно оживленности дипломатических и торговых сношений определялись главные направления торговых путей из России в страны Востока. В начале XVI века, когда Турция являлась одним из главных контрагентов России во внешней торговле, большое значение имели пути из Москвы в Константинополь.

Главным путем, по которому Русское государство в XVI веке поддерживало дипломатические и экономические связи с Турцией, была речная магистраль — донской путь⁵.

«По реке Дону — пишет Флетчер — можно из города Москвы доехать водою до Константинополя и во все части света... что недавно было доказано одним посланником, отправленным в Константинополь, который плыл

¹ ЦГАДА, ф. 89, Турецкая посольская книга № 2, лист 49 об.

² Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР (далее сокращенно МИУТ и ТССР), стр. 97.

³ Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, под редакцией Н. Веселовского (далее сокращенно Веселовский — Н.), т. I, стр. 30.

⁴ ЦГАДА, ф. 89, Турецкая посольская кн. № 1, л. 267; Веселовский — Н., т. I, стр. 185, 208.

⁵ Сб. РИО, т. 41, стр. 408, 411; т. 95, стр. 105, 130, 229; Полное собрание русских летописей (далее сокращенно ПСРЛ), т. XIII, стр. 38; ЦГАДА, ф. 89, Турецкая посольская книга № 1, лл. 193, 194, об., 195; книга № 2, лл. 50 об., 53, 192 об., 193, 206, 210 об., 211, 258 об., 317, 357, 357 об.; кн. № 3, лл. 19, 282 об. — 283; ЦГАДА, ф. 123, Крымская посольская книга № 6, л. 42, книга № 8, л. 26 об.

сперва Москвой-рекой, потом вошел в другую, называемую Окою, тут перетащил лодку свою на Дон, а оттуда уже всю дорогу плыл водою»¹.

Как известно, в конце XIV века этим путем воспользовались митрополит Пимен, проехавший через Азов в Царьград, и митрополит Киприан, направлявшийся из Царьграда в Москву². Еще в конце XV века на донском пути постоянно можно было встретить караваны русских купцов, двигавшиеся в Азов и Кафу³.

Путь в Азов и далее в Кафу и Царьград обычно начинался от г. Данкова (в верхнем течении реки), откуда река становилась судоходной, или от устья реки Воронежа. Направляясь к Дону, посольские и купеческие караваны шли из Москвы водой или сухим путем на Коломну и Рязань, где дорога разветвлялась: один путь, колесный, вел через Михайлов на Данков, другой, также колесный, через Ряжск к верховьям реки Воронежа, откуда на судах спускались к Дону, и, наконец, третий путь шел водой на Старую Рязань и далее по рекам Проне, Ранове, Хупте, Рясе и Воронежу приводил к Дону⁴.

Выходили к Дону и через каширскую и веневскую окраину. Когда ехали этим путем, то погрузка в суда производилась на р. Красивой Мече (недалеко от г. Ефремова). Этой дорогой пользовались главным образом на рубеже XV—XVI вв.⁵

Сплав судов по Дону происходил весной или осенью, так как верховья реки летом сильно мелели. Но и в большую воду плавание по Дону затруднялось мелями и перекатами. Об этом, между прочим, сообщалось в грамоте, посланной Ивану IV русским послом Андреем Кузминским, который отправился 15 мая из Данкова вместе с турецким послом Али Бустаном: «А шел яз холоп твой... от Донкова неспешно для того, что турецкого гонца Бустан Чилибея суды тяжелы, а отмели были многие и переволоки великия, а на иных мелях... суды у них портило. А твои, государь, холопи донские Бустан Чилибеев товар на мелях из судов на себе носили, и Бустан Чилибеев товар уберегли»⁶.

Как показывает посольская переписка, на Дону в XVI веке применялся весельный флот — струги. Эти суда длиной в 17—20 м имели грузоподъемность до 5—6 тн⁷. Их изготовляли, кроме Данкова, еще в Коломне и Ряжске, откуда суда доставлялись на подводах к Воронежу⁸.

Водный путь в Турцию через Азов был не единственным. Существовал

¹ Д. Флетчер. О государстве Русском. СПб., 1906, стр. 12.

² М. Н. Тихомиров. Древняя Москва. М., 1947, стр. 92.

³ РИО, т. 41, стр. 161—163, 269, 280, 361, 410, 411, 433.

⁴ ЦГАДА, ф. 89, Турецкая посольская книга № 2, лл. 50об., 52, 53, 192об., 193, 206, 212, 258об., 357об.; кн. № 3, лл. 287, 350; РИО, т. 95, стр. 95, 105, 130, 428; т. 41, стр. 403, 411, 412; С. Герберштейн. Записки о Московских делах. СПб., 1908, стр. 104, 106.

⁵ В. Е. Сыроечковский. Пути и условия сношений Москвы с Крымом на рубеже XVI в. Известия Академии наук СССР отделение общественных наук (далее ИАН, ООИ), № 3, 1932.

⁶ ЦГАДА, ф. 89, Турецкая посольская книга № 2, лл. 210—211.

⁷ А. А. Новосельский. Из истории донской торговли в XVII вв., «Исторические Записки» (далее сокращенно ИЗ), 1948, № 26, стр. 201.

⁸ ЦГАДА, ф. 89, Турецкая посольская книга № 2, лл. 192 об. — 193, 285 об.

Турецкое парусное судно XVI—XVII вв.
(с фаянсовой тарелки XVII в. типа «родос»)

кроме него сухой путь «коньми и полем»¹. Однако установить по имеющимся у нас источникам точное направление этого пути не представляется возможным. Единственное указание на эту дорогу находится в наказе послу Новосильцеву (1569 г.), но оно весьма лаконично: «А велел государь Ивана Новосильцева отпустить на Рыльск, да на Азов». Известно, что из Рыльска Новосильцев отправился к Северному Донцу и «пошел Донцом к Азову», но других более точных данных в последующих донесениях нет².

Азов, как свидетельствуют документы Посольского приказа, был в конце XV — начале XVI века значительным торговым городом. Его часто посещали русские купцы, сбывавшие здесь меха, кожу, железные изделия и закупавшие для русского рынка шелковые ткани, драгоценные камни, пряности и другие восточные товары³.

Из Азова путь проходил на Кафу — главную гавань Крыма. Последняя со своими многочисленными каравансараями и базарами являлась типичным восточным городом и крупным центром морской торговли. В торговых рядах Кафы купцы торговали турецкими, армянскими, кизылбашскими, бухарскими и татарскими товарами. Здесь же продавались изделия русского ремесленного производства и промыслов⁴.

Несмотря на то, что на рынках Азова и Кафы русские купцы могли сбыть свои товары и находили богатый ассортимент восточных изделий,

¹ РИО, т. 41, стр. 78, 111, 127, 298; т. 95, стр. 235.

² ЦГАДА, ф. 89, Турецкая посольская книга № 2, лл. 2, 36 об.

³ РИО, т. 41, стр. 155, 156, 161, 235, 407, 298, 411; т. 95, стр. 127; В. Е. Сыроечковский. Гости-сурожае. М., 1935, стр. 47.

⁴ Там же, стр. 45, 46, 53, 58.

они не ограничивались в своих торговых операциях этими турецкими городами. Из Кафы они направлялись с товарами дальше, в Царьград. Плавание по Черному морю, как и по Азовскому, обслуживалось исключительно турецкими судами. За проезд из Кафы в Царьград брали на рубеже XVI века 120—200 денег с человека и до 100 денег с «рухляди»¹.

Из грамот Менгли-Гирея (1498 г.) и правителя Кафы (1501 г.) к Ивану III видно, что корабли из Кафы направлялись к г. Синопу, от которого дорога вела в г. Токат — важный текстильный центр Малой Азии, постоянно посещавшийся русскими купцами. От Синопа суда шли в Константинополь вдоль берега Малой Азии мимо г. Пендерекла, где с гостей взимались таможенные сборы².

Но суда не всегда по дороге в Царьград заходили в Синоп. Например, в статейном списке Григория Нащокина, посланного в 1592 г. из Москвы в Царьград, говорится: «а как от Кафы отошли и на море стало погоде неустройное и принесло корабль на другую сторону моря к городу к Синопу»³. Из этих слов можно заключить, что корабль зашел в Синоп лишь из-за бури. Вероятно, суда, направлявшиеся в Константинополь, обычно шли вдоль южного берега Крыма и, пересекая Черное море в наиболее узком месте, держали курс прямо на Пендерекл. От последнего дорога вела к г. Бруссу — значительному центру шелкоткачества.

Константинополь — столица Османской Порты и крупный торговый город на пути, соединявшем страны Европы со странами Востока, являлся конечным пунктом торговых экспедиций русских купцов в Турцию.

Интересно отметить, что для Турции рассматриваемого периода характерным являлся необычайно разнородный национальный состав ремесленников, населявших ее города. В Константинополе, Бруссе, Токате и в других ремесленных центрах государства мастера-турки упоминаются в документах редко; большей частью ремесленниками были армяне, греки, персы, грузины, евреи и албанцы. Эвлия Челеби, турецкий дипломат и путешественник, неоднократно указывает в своей «Книге путешествий», что турки обучались ремеслам у мастеров других национальностей, передающих им свое искусство⁴.

Весь путь (без остановок) из Москвы до конечного пункта русской торговли в Передней Азии — Константинополя, как показывает помещаемая ниже таблица, занимал приблизительно два с половиной месяца, причем большая часть этого времени (около 40 дней) падала на путешествие по Дону⁵.

Кроме пути по Дону, русские купцы нередко пользовались для поездок

¹ ЦГАДА, ф. 89, Турецкая посольская книга № 1, лл. 310; кн. № 2, лл. 449 об., 459 об.; В. Демченко. Торговля Москвы с Литвой, Крымом и Турцией по дипломатическим сношениям эпохи Ивана III и Василия III. (Сб. «Minerva», Киев, 1917, в. VI, стр. 56).

² РИО, т. 41, стр. 269, 392, 408, 409, 410.

³ ЦГАДА, ф. 89, Турецкая посольская книга № 3, л. 204 об.

⁴ В. С. Гарбузов. Эвлия Челеби о стамбульских ювелирах XVII в.; Труды отдела истории культуры и искусства Востока Гос. Эрмитажа. Л., 1940, т. III, стр. 316.

⁵ Плавание по Дону происходило медленнее, чем по Волге, что объясняется трудными условиями судоходства по Дону.

ПУТЬ ИЗ МОСКВЫ В КОНСТАНТИНОПОЛЬ

(через Азов и Кафу)¹

Название пунктов	Расстояние в км	Путь в днях
Москва — Рязань — Дапков	около 380	около 15
Дапков — Азов	» 1 850	» 40
Азов — Кафа	» 400	6—10
Кафа — Синоп — Константинополь . .	» 800	10—14
около 3 430		71—79

в Константинополь сухопутной дорогой на Белгород (Аккерман), которая была известна еще в XIV веке².

Дорога к Белгороду проходила через г. Перекоп, где, по словам Герберштейна, «бывает знаменитое торжище многих народов... и всякому предоставлена полная возможность продавать и покупать»³. Этим «сухим» путем через Адрианополь—Белгород—Очаков—Перекоп возвращался в 1524 г. в Москву, сопровождаемый турецкими купцами, московский посол Иван Семенович Брюхов (Морозов). По его словам, путь от Царьграда до Перекопа (около 1100 км) караван совершил в 37 дней⁴. Нам известно, что этой же дорогой шли в составе большого купеческого каравана московские гости Ивашка Карпов и Юрий Грек (около 1590 г.)⁵.

Повидимому, из Константинополя до Белгорода можно было добраться и морским путем, что значительно сокращало расстояние. Так, в «Хождении» Зосимы (1419—1422 гг.) указано, что в устье Днестра «бяше пристаны корабления», откуда путешественник и отправился на судне в Царьград⁶.

Данные дипломатической переписки Русского государства с Турцией и Крымом показывают, что из Перекопа дорога на Москву проходила через Путивль, Новгород-Северский, Брянск, Брынь и Калугу⁷. На этом пути от Москвы до Новгорода-Северского в начале XVI века были устроены «ямы», т. е. станции для смены лошадей царскими посланцами, ехавшими в Крым и Турцию с дипломатическими и торговыми поручениями, а

¹ Расчет длительности прохождения пути между отдельными городами сделан на основании отрывочных данных, встречающихся в посольских грамотах и статейных списках А. Кузминского, Б. Благово, Г. Нащокина. (ЦГАДА, ф. 89, Турецкая посольская кн. № 2, лл. 117 об., 186, 186 об., 187, 200, 200 об., 204 об., 205 об., 251 об., 252, 261, 263).

² М. Н. Тихомиров. Древняя Москва. М., 1947, стр. 96—97; ЦГАДА, ф. 89, Турецкая посольская книга № 1, лл. 266 об., 267.

³ С. Герберштейн. Указ. соч., стр. 106.

⁴ ЦГАДА, ф. 89, Турецкая посольская кн. № 1, лл. 237, 273, об., 285 об.

⁵ Там же, книга № 3, лл. 9 об., 10, 64.

⁶ Палестинский сборник, СПб., 1889, вып. 24, стр. 3. В «Хождениях» Аграфеня (ок. 1370 г.) и Елифания (1415—1417 гг.) морской путь из Белгорода в Царьград тоже обозначен (Палестинский сб., вып. 15, стр. 2; вып. 48, стр. 1).

⁷ ЦГАДА, ф. 89, Турецкая посольская книга № 1, лл. 275, 276, 302 об., 314 об., ЦГАДА, ф. 123, Крымская посольская книга № 6, лл. 48, 61, 153, 198, 200, 239; кн. № 8, л. 6; РИО, т. 41, стр. 441, 443; т. 95, стр. 149, 187, 225, 334, 508, 561, 631.

также для обслуживания послов и торговых представителей иноземных государств¹. Организация «ямов» свидетельствует, что по этой дороге постоянно совершались поездки послов. Случалось, что через Перекоп — Путивль — Новгород-Северский возвращались из Кафы и русские купцы².

Любопытное описание речной переправы на участке между Перекопом и Путивлем имеется в «Записках» Герберштейна, составленное, вероятно, со слов восточных купцов. Через реки Конские Воды и Молочные Воды «переправляются неким своеобразным способом переправы, а именно, нарубают кустарники, связывают их пучками, садятся на них сами, кладут имущество и, таким образом, гребя вниз по реке, относятся к другому берегу. Другие привязывают подобные связки к хвостам лошадей; они, погоняемые бичами, плывут к другому берегу, влекут с собой людей и таким образом перевозят их»³.

Значительный отрезок пути от Перекопа до Путивля шел Муравским шляхом, который проходил через верховья рек Молочные и Конские Воды, огибал верховья Самары и Коломака и поворачивал затем на северо-восток; у истоков Коломака Путивльская дорога выходила на Муравский шлях⁴. Но известен был и более короткий путь в Путивль, отмеченный в грамоте Василия III «гостем турецким» (1516 г.). Из грамоты видно, что, желая сократить свой путь и избежать оплаты пошлин в Перекопе, купцы шли из Белгорода прямо на Таванский перевоз, далее степью следовали к устью Псёла и через верховья р. Сулы выходили к Путивлю⁵.

В конце XVI века для поездки в Крым и Турцию пользовались еще одним степным путем, выводившим через Тулу, Ливны и Валуйки прямо к Азову. Но эта дорога, окончательно определившаяся лишь в начале XVII века, навряд ли имела торговое значение в рассматриваемое время. Второстепенную роль играла в XVI веке и та дорога из Москвы в Перекоп, которая шла на Тулу, Мценск, Кромы, Курск и далее выводила на Муравский шлях. Этой дорогой обычно пользовались для посольских поездок в конце XV века⁶.

Описанные здесь степные пути были чрезвычайно опасны для купеческих караванов. Особенную тревогу внушала дорога южнее Путивля, где купцам угрожали нападения литовских людей, азовцев и крымских татар⁷.

Разбой последних в степи особенно участился в годы разрыва союза Москвы с Крымом. Недаром в наказах послам говорилось, чтобы они возвращались из Царьграда «на Кафу ж и на Азов, а не на Крым». Тем не

¹ И. Я. Гурлянд отмечает, что на протяжении XVI и XVII вв. купцам, ведущим частный торг, как правило, не разрешалось нанимать ямских лошадей. (Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII в. Ярославль, 1900, стр. 43—49, 53).

² РИО, т. 95, стр. 229.

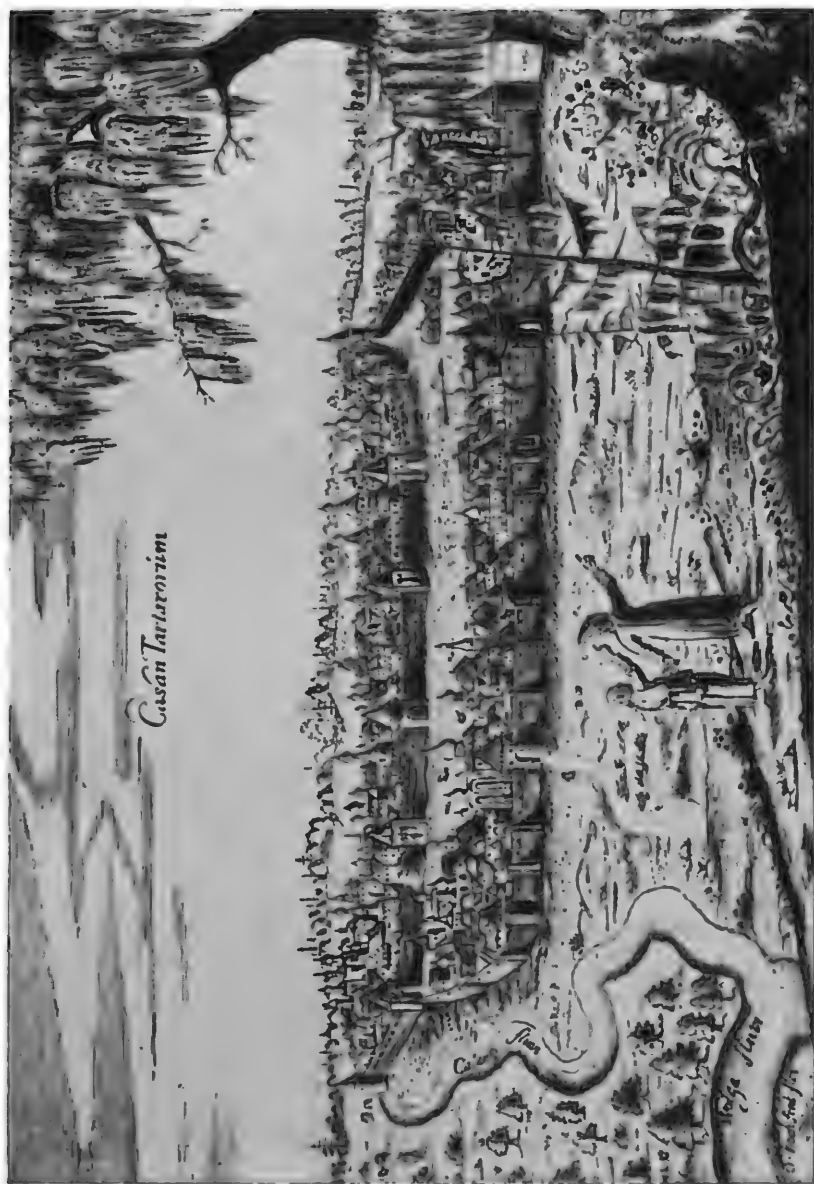
³ С. Герберштейн. Указ. соч. стр. 111.

⁴ В. Е. Сыроечковский. Пути и условия сношений с Крымом на рубеже XVI в. Указ. изд., стр. 225—226.

⁵ РИО, т. 95, стр. 337.

⁶ В. Е. Сыроечковский. Указ. соч., стр. 209—210, 233—234.

⁷ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, Киев, 1890, т. I, стр. 52; Д. Багалей. Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. М., 1886, стр. 75.

г. Казань в XVI—XVII вв.
Западная сторона XVII века

г. Шемаха
 в XVI—XVII вв.
 Г. Ормуз в XVI в.

менее, еще до конца XVI века многие пользовались степными путями для поездок в Крым и Османскую Порту.

Помимо степных дорог, ведущих в Турцию через территорию Крымского ханства, и Донского пути, торговые люди ездили и круглыми дорогами через литовские земли. От Таванского перевоза на Днепре дорога вела безлюдной степью в Черкассы и далее в Киев. Яркое описание этого торгового пути дает Михайло Литвин в середине XVI века: «Киев изобилует иностранными товарами, ибо нет пути более обычного, как древняя, давно проложенная и хорошо известная дорога, ведущая ...на Таванский перевоз на Днепре, а оттуда степью в Киев; по этой дороге отправляют из Азии, Персии, Индии, Аравии и Сирии на север в Московию, Псков, Новгород ...все восточные товары, как-то: дорогие камни, шелк, шелковые ткани, ладан, благовония, шафран, перец и другие пряности. По этому пути часто отправляются иноземные купцы; они составляют отряды, иногда в 1000 человек, называемые караванами, и сопровождают обозы, состоящие из многочисленных нагруженных возов и навьюченных верблюдов»¹.

От Киева путь продолжался водою или «коньми». Турецкий купец Ромазан в 80-х годах XVI века приехал в Москву из Киева через Чернигов. Через Чернигов же и Литовскую землю возвращался в 1586 г. из Москвы в Турцию Дмитрий Сыренак, торговый представитель султана Мурада². Но чаще, как свидетельствуют данные посольской переписки, турецкие гости ездили в Москву и возвращались обратно в Турцию через Смоленск — Вязьму — Можайск³.

Следует отметить, что из Смоленска дорога в Турцию шла не только по Днепру, но и сухим путем через Минск. Например, в 1593 г. дьяк Трифон Коробейников отправился из Москвы в Царьград по маршруту: Смоленск — Минск — Слуцк — Туров — Каменец-Подольск — Яссы и далее к низовьям Дуная.

Однако, все названные пути через владения Литвы имели в торговле Москвы с Турцией и Крымом небольшое значение, так как, по политическим условиям, они были мало доступны для торговых и посольских караванов. Известно, что в тот период, когда «литовской з государем нашим царем и великим князем в недружбе», Литва не пропускала русских людей через свои земли⁴.

Итак, из всех рассмотренных нами путей основными, которыми пользовались при сношениях с Турцией в XVI веке, следует считать дорогу через Путивль — Перекоп — Белгород и водный путь по Дону, Азовскому и Черному морям, причем последний играл в русско-турецкой торговле большую роль, чем сухопутная дорога через территорию Крымского ханства. Донской путь предпочитали, несмотря на значительную его протяженность (около 3430 км по сравнению с 2400 км через Белгород — Перекоп — Путивль), из-за дешевизны перевозок товаров, большей безопасности и удобств.

¹ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Киев, 1890, т. I, стр. 51.

² ЦГАДА, ф. 89, Турецкая посольская книга № 2, лл. 487 об., 511—511 об.

³ Там же, книга № 1, лл. 323, 328 об., 329, 330, 333, 412 об.—413; книга № 2, лл. 241, 256, 489 об.

⁴ Там же, книга № 2, л. 181 об., книга № 3, лл. 5—5 об.

Бывали, конечно, случаи, что и на Дону купцы подвергались нападениям крымских, ногайских и азовских людей¹, но, повидимому, случаи ограбления здесь были более редкими, чем на степных дорогах.

Отправки по Дону посольских караванов, к которым, как правило, присоединялись купцы, обычно приурочивались к весне, что также способствовало известной безопасности плавания, так как в полоую воду на просторе широкой реки суда были менее досягаемы для нападения с берега.

С установлением более регулярных торговых сношений Русского государства с Турцией в начале XVI века оба государства стали принимать некоторые меры для охраны донского пути. Известно, например, что из Кафы в Азов для «донского бережения» были высланы султаном три судна с пушками и пищальми, которые в 1521 г. вышли для охраны на Переволоку². Со своей стороны, московское правительство выдвинуло свой план охраны Дона: русские и турецкие суда, провожавшие и встречавшие караваны, должны были сходитьсь на Переволоке, либо в устье Медведицы или близ впадения р. Хопра в Дон³.

Но постоянную речную охрану Дона наладить не удалось. Как свидетельствуют данные посольских книг Турецкого двора, из России послов провожали «коньми» от Данкова до Азова служилые люди украинских городов, а из Азова до русских границ азовские казаки⁴.

Отрывочные данные о путях в Ногайскую Орду содержатся в переписке московского правительства с ногайскими князьями. Грамота князя Юсупа от 1549 г. содержит жалобу на ограбление ногайских гостей на Дону казаками. В другой своей грамоте Юсуп уточняет место нападения на ногайский караван: «... о сей год исторговав люди наши пошли назад. И на Ворониже тех людей наших, которые ходили торговати, и твои люди Сары Сазманов зовут разбойник твой пришед потоптал и взял их». В донесениях посла Ивана Федцова Ивану Грозному (1549 г.) имеется еще указание, что ногайские послы направились в Москву через Рязань⁵.

Эти свидетельства дают возможность предполагать, что одна из дорог, связывавших Ногайскую Орду с Москвой, проходила по следующему маршруту: на Переволоку, оттуда вдоль берега Дона до устья Воронежа и далее на Рязск, Рязань и Москву. Этим маршрутом во второй половине XVI века обычно отправлялась почта из Астрахани в Москву⁶.

Другая известная нам дорога шла через Самару—Казань—Нижний Новгород и Владимир; в грамоте Исмаила к думному дьяку Ивану Михайловичу Висковатому (1555 г.) говорилось: «...поволил еси нам дорогу Казанскую, чтоб гости наши туда ходили того для, что на сей дороге рати

¹ ЦГАДА, ф. 89, Турецкая посольская книга № 2, лл. 212, 314.

² Сб. РИО, т. 95, стр. 669, 675, 680.

³ Там же, стр. 689, 690; В. Е. Сыроечковский. Пути и условия сношений с Крымом на рубеже XVI в. Указ. изд., стр. 232.

⁴ ЦГАДА, ф. 89, Турецкая посольская книга № 2, л. 206; кн. № 3, л. 2.

⁵ Продолжение Древней Российской Вивлиофики (далее сокращенно ПДРВ), т. VIII, стр. 147, 171, 177.

⁶ П. Х. Хлебников. Астрахань в старые годы. СПб., 1907, стр. 50.

есть»¹. Повидимому, эта дорога служила основной магистралью, по которой в XVI веке происходило движение между Москвой и Ногайской Ордой.

Кроме того, перевозка грузов в Ногайскую Орду из Москвы производилась во второй половине XVI века еще через Астрахань. Через Астрахань — Царицын — Саратов перегонялся в Москву также ногайский скот². Относительно же дороги, по которой ордобазарцы ездили в сибирские города, в наших источниках нет указаний.

Во второй половине XVI века Волга стала главной торговой магистралью, связывавшей Россию с рынками Востока и соединявшей вместе с тем государства Востока и Запада.

По Волге и далее Каспийским морем, вдоль западного его побережья, проходил ближайший путь из Русского государства в Азербайджан и Иран. Этим путем пользовались еще в XIV—XV вв. Например, посольство ширваншаха Феррух-Есара, владельца Ширванского ханства, к Ивану III в 1465 г., и ответное посольство великого Московского князя во главе с Василием Папиным в 1466 г., к которому, как известно, присоединился тверской купец Афанасий Никитин, шли от Астрахани по Каспийскому морю до Дербента и далее сухопутьем в столицу Ширвана — Шемаху³.

Через Ширван, Каспийское море и устье Волги возвращался в 1475 г. из Тебриза от Усун-Хасана⁴. Марк Росо, «Посол Великого князя Московского, государя Белой России» и венецианец Контарини⁵. В Дербенте к ним присоединились купцы, «ехавшие в Цитрахань (Астрахань — М. Ф.) с сарачинским пшеном, шелковыми тканями и мелкими товарами для промена оных русским и татарам на меха и иные предметы, требуемые в Дербенте»⁶.

Описание волго-каспийского пути в Азербайджан и Иран, помимо посольских дел, встречается еще в записках и донесениях путешественников-купцов XVI — начала XVII века⁷. Последние представляют большой интерес своими ценными экономико-географическими данными; они не только дают подробные маршруты с перечислением посещенных путешественниками пунктов, но характеризуют также торги и называют товары, которые можно было достать в том или ином городе.

Отправным пунктом волго-каспийского пути служила Москва. Из столицы Русского государства путники на судах спускались по Москве-реке,

¹ ПДРВ, т. VIII, стр. 85, т. IX, стр. 169. ЦГАДА, д. 127. Ногайская посольская книга № 9, л. 8об.

² ПДРВ, т. X, стр. 5.

³ ПСРЛ, т. VI, стр. 331—345.

⁴ Усун-Хасан (1453—1477 гг.), — глава Азербайджанского государства Ак-Коюнлу, в состав которого входили Карабах, южный Азербайджан, Ирак и большая часть Ирана.

⁵ В. Семенов. Библиотека иностранных писателей о России. СПб., 1838, т. 1, стр. 63.

⁶ В. Семенов. Указ. изд., стр. 83.

⁷ Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Перевод с англ. Ю. В. Готье. М., 1937 (далее сокращенно Готье — Ю.) Федот Афанасьев Котов. О ходу в Персидское царство (1623—1624 гг.); «Временник», М., 1852, кн. 15; Хождение на Восток Ф. А. Котова в первой четверти XVII в. (более полный список), Известия отдел. русского языка и слов. имп. Академии Наук (сокращенно ИАН, ООИ), 1907, т. XII, кн. 1.

Оке и Волге в Астрахань¹. Английские же купцы, агенты Московской компании², обычно в Москву не заезжали и начинали свой путь на Восток прямо из Ярославля³.

Так как волжский путь не отличался безопасностью, то суда, следовавшие по этой реке, обычно собирались в большие караваны, иногда доходившие до 500 судов разных водоизмещений. Главным пунктом сборов служил Нижний Новгород, куда в одиночку и небольшими группами приходили суда с верховьев Волги, с Оки и Москва-реки. Особенно опасным считался участок пути от Казани до Астрахани, проходивший по слабо заселенной местности. В этом отношении характерен рассказ английских купцов Томаса Бэнистера и Джеффри Дэкет, которые недалеко от Астрахани подверглись в 1558 г. нападению ногайских татар. Путешественники так пишут об этом: ногайцы... «подъехали на 18 лодках, вооруженные, кто мечами, кто копьями, иные луками и стрелами; их общее число достигало... до 300 человек... завязалась страшно жестокая битва, жарко продолжавшаяся в течение двух часов, во время которой наши люди так хорошо поиграли своими мушкетам, что заставили татар обратиться в бегство»⁴.

Известно также, что в 80-х гг. XVI века на Волге подвергся нападению казаков кызылбашский посланник Анди-бей, который со своими товарами и товарами шаха ехал в Москву. По приказу царя Федора Ивановича ему за ограбленную рухлядь было «в двадцатеро» уплачено, а «казаков вольных казнено «больше 400 человек», — так сообщалось иранскому шаху в царской грамоте⁵.

Чтобы обезопасить волжский путь, московским правительством был организован вблизи Переволоки, наиболее опасного для купечества места, и ниже по реке ряд сторожевых постов. Дженкинсон, торговый агент Лондонско-Московской компании, проезжавший эти места в начале 60-х гг., в описании путешествия по Волге еще не упоминает о них, купец же Христовор Бэрроу, который прошел этот путь лет 20 спустя после Дженкинсона, определенно указывает на организованную охрану участка между Переволокой и Астраханью. Он пишет: «в 7 верстах ниже (Переволоки — М. Ф.), на острове, называемом Царицыным, русский царь держит в лет-

¹ Иногда до Коломны ехали на подводах (Готье — Ю., стр. 200—201; Ф. Котов. О ходу в Персидское царство. Указ изд., стр. 1; Веселовский — Н., т. I, стр. 149, 214—215, 389).

² «Московская» компания была организована английским купечеством в 1555 г. в целях регулярных торговых сношений с Русским государством и через последнее со странами Востока.

³ Обратный путь в Москву проходил чаще всего через Ярославль, так как эта дорога была короче, чем путь через Рязань.

От Нижнего до Ярославля шли, в зависимости от времени года, на судах или на подводах, а из Ярославля сухим путем — через Ростов — Переяславль-Залесский — Троице-Сергиевскую лавру приезжали в Москву (Веселовский — Н., т. I, стр. 112, 183, 288).

Иногда из Нижнего ехали водой до Муром, а затем на подводах через Владимир попадали в Москву. Этим путем пользовались в тех случаях, когда необходимо было в короткий срок с Волги доехать до Москвы или из последней до Нижнего. (Готье — Ю., стр. 188; Веселовский — Н., т. I, стр. 6; т. II, стр. 319).

⁴ Готье — Ю., стр. 250.

⁵ Веселовский — Н., т. I, стр. 36.

нее время отряд из 50 стрельцов для охраны дороги, называемый татарским словом «караул». Между этим местом и Астраханью есть еще 5 караулов или сторожевых отрядов»¹.

Несколько позднее правительством были воздвигнуты на Волге между Казанью и Астраханью укрепленные города: Самара (1586 г.), Царицын (1588 г.), на месте бывшего здесь раньше «караула», и Саратов (1590 г.), игравшие первоначально роль городов-сторожей².

Таким образом, мы видим, что плавание по Волге в XVI веке являлось далеко не безопасным делом. Оно представляло также большие трудности и в чисто техническом отношении: русло реки, в особенности в верхнем и среднем ее течении, изобиловало перекатами и мелями, которые затрудняли движение судов.

Перевозка грузов и пассажиров по Волге производилась во второй половине XVI века на стругах, насадах, коломенках, паузках и др.³.

Волжские струги представляли собой легкие плоскодонные суда с отвесными бортами, которые приводились в движение при помощи весел, при попутном же ветре ставились на стругах еще паруса. Струги встречались самых различных размеров (от 6 до 20 м в длину) и водоизмещений. Большинство из них имели лубяные крыши, а на некоторых были устроены даже «чердаки», т. е. крытые помещения для команды и грузов.

Насады, в отличие от стругов, были тяжелыми судами водоизмещением в несколько десятков и даже сотен тонн, достигавшими 35—40 м длины. Будучи судами гребными, они вместе с тем ходили под парусами и бечевой; продвижение этих судов вверх по реке, особенно при встречном ветре, бывало чрезвычайно затруднительным.

С развитием торгового движения на Волге в конце XVI века появились грузовые суда нового типа, так называемые «коломенки», которые употреблялись для перевозки тяжелых грузов, вроде металлов. Это были суда с совершенно плоским дном, отвесными штевнями и бортами почти везде равной вышины; управлялись они потесями, от двух до четырех штук на судно, которые размещали поровну на носу и корме. Для хода вверх по реке под парусами на коломенках ставились большие мачты с реей⁴.

За насадами и коломенками обычно следовали небольшие речные мелководные суда — паузки, для помощи грузовым судам при переходе через перекаты и мели.

Путь водой из Москвы до Астрахани (3312 км) или из Ярославля до Астрахани (2655 км) продолжался в среднем 1,5—2 месяца. Правда, в некоторых городах купцы подолгу задерживались, то из-за неблагоприятной погоды, то дожидаясь каравана, к которому они могли бы примкнуть. Если же отбросить остановки, то все это расстояние покрывалось за 30—40 дней⁵.

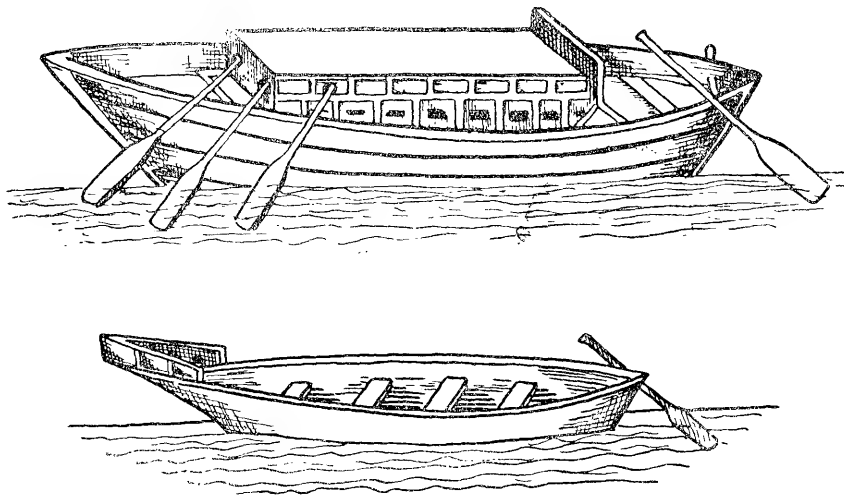
¹ Готье — Ю., стр. 265.

² М. Н. Тихомиров. Малоизвестные летописные памятники XVI в., ИЗ, № 10, стр. 94.

³ Крупнейшими центрами судостроения являлись Москва и Нижний Новгород с прилегающими к ним районами, а также Астрахань, Казань, Ярославль.

⁴ И. А. Шубин. Волга и Волжское судоходство. М., 1927, стр. 75—76, 78, 80, 82—84.

⁵ Готье — Ю., стр. 168, 188, 200—201, 216, 237, 264—265.

Струг (вверху) и паузок (внизу) — русские гребные суда
XVI—XVII вв. (С рисунков XVII в.)

По прибытии купеческого каравана в Астрахань, он тотчас же распался. Многие из приехавших оставались здесь торговать с тезиками, прибывшими из Ирана, Шемахи, Хивы и Бухары. Те, которые собирались ехать в прикаспийские страны, перегружали свои товары на морские суда и выходили в море. Из-за большого количества мелей в устье Волги перегрузка товаров на морские суда происходила чаще всего у острова Четырех Бугров при впадении Волги в море, куда товары доставлялись на паузках¹.

Русские купцы, решившие ехать на рынки Азербайджана и в Иран, старались выйти в открытое море еще летом, так как в осеннее время года из-за ветров, как указывается в «статейном списке» Григория Васильчикова, Каспийское море было «не устройливо»².

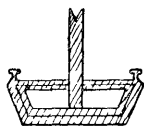
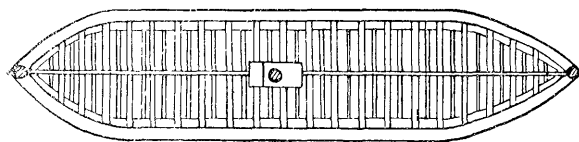
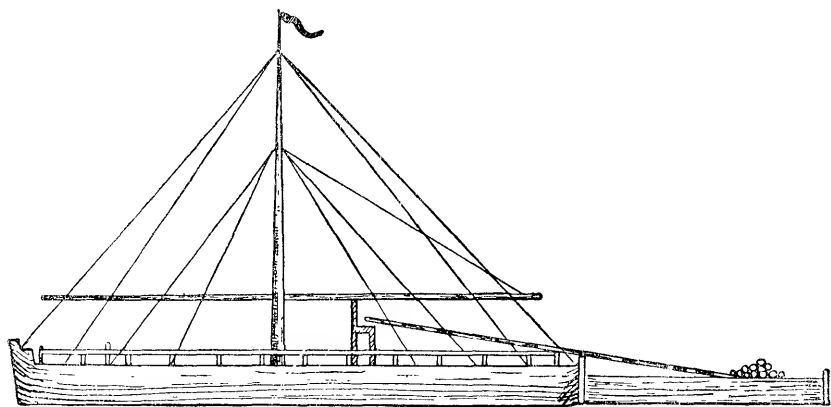
В источниках имеются некоторые указания о составе судов каспийского флота и их национальной принадлежности в XVI веке. По словам московского гостя Федота Котова (начало XVII в.), по Каспийскому морю «ходят на Руских бусах и на стругах больших»³.

Бусы, большие круглодонные однопарусные морские суда, строились в Астрахани. Так, Григорию Васильевичу, ехавшему в 1589 г. посланником в Иран, «воеводы (астраханские. — М. Ф.) приговорили делати бусу новую из государевых из вятцких судов, чтоб было бесстрашно ехать и вместитца со всеми людьми и с рухлядью и с кизылбашским посланником в одном

¹ Веселовский — Н., т. I, стр. 303, 412; Готье — Ю., стр. 281; Хождение на Восток Ф. А. Котова в первой четверти XVII в. Указ. изд., стр. 74, 75.

² Веселовский — Н., т. I, стр. 18.

³ Ф. Котов. О ходу в Персидское царство. Указ. изд., стр. 2.

Коломенка, русское судно XVI—XVII вв.,
для перевозки тяжелых грузов

судне»¹. Послы Звенигородский и Тюфякин ездили в Гилян также на бусах, построенных в Астрахани². В 1592 г. иранский гонец Кай возвращался в кизылбашскую землю на русской бусе, которую ему разрешили купить в Астрахани³. То, что Россия в XVI веке имела на Каспийском море свои собственные суда, свидетельствует о существовании в ту эпоху регулярных связей с прикаспийскими странами.

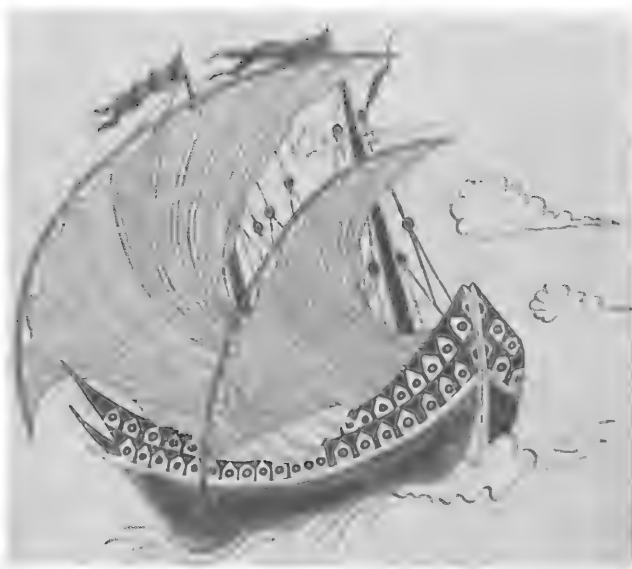
Кроме бус, по Каспию иногда плавали и на речных судах — стругах, которые, благодаря их малой осадке, были удобны для плавания близ берегов, где во многих местах глубина моря была незначительна.

Перевозка товаров по Каспийскому морю производилась, кроме того, гилянскими бусами, напоминавшими по своей конструкции русские, а также

¹ Веселовский — Н., т. 1, стр. 15.

² Там же, стр. 282, 342.

³ Там же, стр. 172.

Иранское судно XVI—XVII вв. (с фаянсовой иранской тарелки XVII в.)

ширванскими судами¹. Последние, по словам Контарини, «имеют совершенно форму рыбы и носят даже это название, ибо узки в корме и в носу, а на боках очень выпуклы... для управления же имеют они две мачты и большой шест, служащий им вместо руля... в дурную погоду они прибегают к парусам; иногда же употребляют и весла»². В 70-х гг. XVI века на Каспийском море можно было встретить и английские суда³.

От устья Волги суда продолжали свой путь вдоль западного побережья моря: от острова Четырех Бугров плыли к устью реки Терек, затем, обойдя остров Чечен⁴ с Востока (проход между последним и Аграханским полуостровом был затруднителен из-за множества имеющихся здесь островков), мимо Тарковского княжества, подходили к Дербенту, городу Ширванского ханства⁵.

¹ М. М. Альтман. Из истории торгово-дипломатических связей Москвы и Ширвана. Труды Ин-та истории им. Бакиханова, Баку, 1947, т. I, стр. 156.

² В. Семенов. Указ. изд., стр. 82.

³ Готье—Ю., стр. 220, 222. Английские суда (крайеры) для плаванья по Волге и Каспийскому морю строились в Ярославле.

⁴ Дженкинсон, проезжавший этим путем в Иран в 1562 г., писал, что когда его суда приблизились к устью Терека, к «стране Тюмен, где обыкновенно держатся пираты и разбойники», то, из опасения встретиться с ними, они вышли в открытое море. Дженкинсон называет остров Чечен—«Чаталет» (Готье—Ю., стр. 201).

⁵ Ширванское ханство занимало в XVI в. север Азербайджана и ту часть Дагестана, которая прилежала к Дербенту. Ширван находился в вассальной зависимости от Ирана. Главные его города: Шемаха, Баку, Дербент, Шабран.

В XIII—XIV вв. Дербент был основным портом на западном побережье Каспия и крупным торгово-ремесленным центром на караванном пути из стран Передней Азии и Закавказья в Золотую Орду, русские княжества и страны Западной Европы. Но в конце XIV века, в связи с перемещением торгового пути (после разрушения Астрахани Тимуром в 1395 г. переднеазиатские товары стали поступать на внешние рынки через сирийские порты) и возвышением Баку, обладавшим превосходной естественной гаванью, Дербент стал терять свое прежнее экономическое значение. Уже в конце XV века итальянские путешественники поражались малой населенностью этого города и отмечали, что дербентскую гавань посещает незначительное число судов¹.

В середине XVI века купцы, направлявшиеся из Астрахани в Шемаху, важный пункт восточной торговли, нередко совсем не заходили в Дербент, не привлекавший их более своими базарами, а бросали якорь юго-восточнее последнего, на побережье Азербайджана, «где берег мягкой, камня нет, пристань добра»; тем более, что в Дербенте взимались с торговых людей «великие пошлины»².

Наши источники упоминают три пристани, где происходила выгрузка товаров: Низовая, при устье речки Низабат (Низабат — рукав Кудиял-Чай); Бильбиль, близ устья р. Бельбель-чай (или Вельвель-чай) и Шабран, при устье реки того же имени: две последние пристани были расположены несколько южнее Низовой: Бельбель находилась в 10 км от нее, а Шабран — в 20 км.

Эти открытые пристани посещались русскими судами также в XVII и в начале XVIII века, т. е. в течение всего того времени, когда Шемаха являлась главным центром иранской торговли³.

От указанных пристаней шел выючный путь на столицу Ширвана — Шемаху⁴. До города Шаберана (Шаберан), именуемого в наших источниках также Ширваном, который был расположен примерно в 20 км от берега моря, путь проходил по низменности, местами заболоченной, затем начинался трудный подъем в горы: «ход в Шамаху по горам высоко и нужно, а ходят на конех и верблюдах и на быках и на ослятах на выюках, а тележного пути нет»⁵. Вдоль всей этой дороги стояли, на расстоянии дневного перехода друг от друга, каравансарай, служившие местом отдыха для путешественников. Каждый такой каравансарай имел вид маленькой крепости и являлся надежной защитой от нападений. Московский гость Федот Афанасьев Котов в начале XVII века писал о них: «Каменные крепки и добры

¹ И. П. Петрушевский. Государство Азербайджана в XV в. Известия АзФАН, 1944, № 7, стр. 85; В. В. Бартольд. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1925, стр. 144; В. Семенов. Указ. изд., стр. 81.

² Ф. А. Котов. Указ. изд., стр. 1, 4.

³ Готье — Ю., стр. 202, 221, 239, 251; Ф. А. Котов. Указ. изд., стр. 1; М. А. Полиектов. Проект хозяйственной эксплуатации оккупированных в XVIII в. Россией прикаспийских областей Кавказа. Материалы по истории Грузии и Кавказа, Тифлис, 1937, вып. IV, стр. 263; Ф. И. Соймаонов. Описание Каспийского моря в начале XVIII в. с дополнениями издателя историографа Миллера. СПб., 1763, стр. 37.

⁴ От Низовой пристани до Шемахи расстояние короче, чем от Баку до Шемахи.

⁵ Ф. А. Котов. Указ. изд., стр. 2; Готье — Ю., стр. 251, 253.

с анбары и с конюшнями и с вороты, и стоят пусты, ставлены исстари для проезжих людей наслегу от разбоя¹.

Шемаха — «лучший город во всей Мидии»² (т. е. в Азербайджане) — была расположена в горах, близ реки Пирсагат, на древнем караванном пути из стран Ближнего и Среднего Востока в Восточную и Западную Европу. «А Шамаха стоит промеж высокими горами в услоне, город каменной и посады каменные, ...а посад и ряды и гостинные дворы стоят за горс-дом. А в Шемахе семь гостинных дворов все каменные... а стоят гостинные дворы промеж рядами: Тезичей, Арменьской, на том Русские люди торгуют, Лязгинской, Гилянкой и иные дворы и местом велик»³, — писал о столице Ширвана тот же купец Котов. Можно предполагать, что торговая часть города имела примерно такой же вид и в XVI веке.

Шемаха издавна славилась своим шелководством и, наряду с Аррашем (Ареш), была основным центром производства шелка-сырца в Ширване и одним из главных поставщиков шелка-сырца на мировой рынок⁴. На рубеже XVII века Шемаха и ее окрестности экспортировали в год этого товара до 100 тысяч пудов⁵. Ширванский шелк, тонкий и хорошего качества, вывозился в Иран, Индию, Турцию и Италию, купцы которой являлись посредниками в торговле Ширвана с Западной Европой; за шелком-сырцом приезжали в Шемаху русские купцы, а также англичане, стремившиеся через Русское государство установить непосредственные торговые связи с Ширваном⁶.

На шемаханском рынке, кроме шелка-сырца, русские купцы могли найти шелковые ткани местного производства, большей частью гладкие, а также привезенные из Средней Азии, Ирана, Турции и Индии хлопчатобумажные материи, москательные товары, пряности, орехи, сорочинское пшено (рис.)⁷. Английские купцы, прибывшие в Шемаху в 1568 г., жаловались, что они застали «этот город настолько насыщенным товарами всякого рода», что никто не хотел у них купить «ни одного куска каразеи»⁸.

Следует отметить еще торговлю Шемахи нефтью, которую доставляли туда из Баку. За нефтью приезжали из самых далеких мест Ирана, так как «во всей стране она служит для освещения домов»⁹. Интересно, что в Торговой книге конца XVI века среди советов купцам, торговавшим со странами Западной Европы, говорится: «и ты сговаривайся о нефтях, а держи на выгоре, в запасе: а не будет хода до Шемахи мирной, ино не сговаривай-

¹ Ф. А. Котов. Указ. изд., стр. 4.

² Английские купцы называли Ширван нередко древним названием — Мидия (Готье — Ю., стр. 255).

³ Ф. Котов. Указ. изд., стр. 4.

⁴ Арраш находился на р. Куре, на границе с Грузией.

⁵ Heud. Histoire du Levant, т. II, 672.

⁶ Готье — Ю., стр. 207—208, 223, 228—229, 233, 244—245, 247. В. Семенов. Указ. изд., стр. 78.

⁷ Там же, стр. 51; Готье — Ю., стр. 205, 244, 229.

⁸ Готье — Ю., 239.

⁹ Готье — Ю., стр. 261.

ся»¹. Из этого можно заключить, что уже в XVI веке нефть вывозилась русскими купцами в Западную Европу из Шемахи.

Шемаха не являлась конечным пунктом торговых экспедиций русских купцов. Они посещали со своими товарами также Ардебиль, Тебриз, Казвин, Кашан и другие города Ирана; как отмечали агенты Лондонско-Московской компании, русские купцы были хорошо знакомы с условиями тамошней торговли².

Из Шемахи купеческие караваны шли следующим маршрутом: через город Джават³ по Муганской степи, где, по словам Федота Котова, «ни городов, ни посадов, ни деревень, ни гостиных дворов нет», в город Ардебиль, где «товаров всяких много»⁴. У Ардебилля дорога раздваивалась: на запад путь лежал в Тебриз, один из самых крупных городов Ирана, торговля которого к середине XVI века значительно сократилась в связи с ирано-турецкой войной⁵; на юго-восток дорога шла в Казвин и Кашан — самые оживленные в торговом отношении города страны. Последние были богаты разнообразными товарами: шелковыми тканями⁶ (бархат, обьярь, камка), пряностями (перец, имбирь, мускатный орех, гвоздика), жемчугом и драгоценными камнями (яхонты, лалы, бирюза). Сюда съезжались индийские купцы, бухарцы, грузины, турки. Кашан был, кроме того, крупнейшим ремесленным центром; он издавна славился своими глиняными и медными изделиями и шелкоткачеством. По сообщению московского гостя Котова и английских купцов, в Кашане вырабатывали «дороги Кашаньские и бархаты и Кизылбашские камочки»⁷.

Путь из Шемахи в Казвин и Кашан был чрезвычайно труден, так как проходил по сильно пересеченной местности, бедной водными источниками. Здесь редко встречались и поселения, где купцы могли бы найти ночлег и пищу. «Часто за 3 дня пути не найдешь ни одной капли воды, годной для питья человеку и скотине» — говорится в письме купца Лоренса Чэпмэна, отправленном им из Казвина 28 апреля 1569 г. к одному из членов Московской компании в Лондоне⁸. К тому же путникам постоянно угрожала опасность быть ограбленными местным населением.

Итак, торговая деятельность русских купцов в Иране сосредоточивалась в XVI веке преимущественно в Шемахе, Ардебиле, Тебризе, Казвине, Кашане и других городах северной части государства. Однако известно, что иногда русские купцы доходили со своими товарами даже до далекого Орму-

¹ Торговая книга. Записки отд. русской и славянской археологии. СПб., 1851, стр. 134.

² Готье — Ю., стр. 217, 224.

³ Город Джават лежал на юго-западе от Шемахи, на левом берегу р. Куры, при впадении в нее р. Аракса.

⁴ Ф. Котов. Указ изд., стр. 5.

⁵ Тебриз, как и Ардебиль, находится на территории иранского Азербайджана. Через Тебриз шла дорога в Турцию. До 1554 г. он являлся столицей Ирана, когда после разрушения его турками, столица была перенесена в Казвин. В конце XVI в. шах Аббас (1587—1628 гг.) перенес столицу из Казвина в Исфахан.

⁶ Из шелковых тканей большой известностью пользовались материи, выделанные в г. Иезде. Иездские или джездские ткани проникали в Москву еще в XV в.

⁷ Ф. Котов. Указ. изд., стр. 8; Готье — Ю., стр. 235.

⁸ Готье — Ю., стр. 242.

за (Гурмыз). Так, в летописи под 1567 г. указывается, что московские гости Дмитрий Ивашев и Федор Першин были посланы с царской «бологодетью» в Гурмыз¹, который в течение ряда десятилетий играл исключительную роль в торговле Индии с Европой и Ближним Востоком.

Об этом удивительном рынке мировой торговли, выросшем на скалистом безводном островке 18 км в окружности, говорили: «еще бы свет был перстнем, Ормузд был бы его камнем. Там торгуют купцы всякого народу»². Близ Ормуза производился лов самого крупного в мире жемчуга, который был известен под названием «гурмыжских зерен»³. Повидимому, «гурмыжские зерна» и являлись той притягательной силой, которая заставляла русских купцов преодолевать все трудности далекого, изобилующего опасностями пути в Ормуз.

Путешествие от Астрахани до Ормуза (около 2635 км) занимало почти 2,5 месяца чистого пути, на всю же дорогу от Москва до Ормуза (ок. 5947 км) уходило не менее четырех месяцев.

Приводимая ниже таблица показывает длительность прохождения отдельных участков пути (см. стр. 29).

Описанным путем в Иран пользовались до конца 70-х гг. XVI века, когда, в связи с захватом Турцией Азербайджана и западного побережья Каспия от Баку до Дербента⁴, путь из Астрахани в Иран был перенесен к восточному побережью Каспийского моря.

В росписи «Дорога, куды ходят государевы посланники из Астрахани в Кизылбаши» (1588 г.) сказано: «от Асторахани итти налево на Караганское пристанище; а от Караганского пристанища итти до Камени до Илтиря; а от Илтиря к Дельдюлю. А. Дербент и Баки на правой стороне»⁵.

Для уточнения маршрута попытаемся определить географическое положение пунктов, упоминаемых в этой росписи. В статейном списке Григория Васильчикова указывается, что Караганское пристанище находилось «на

¹ ПСРЛ, т. XII, стр. 408. Из грамоты Годунова к шаху Аббасу от 1601 г. мы узнаем, что московским купцам не удалось дойти до Ормуза: Дмитрия Ивашева «на море, идучи в вашу земаю, не стало, Федора Першина в вашей земле в Казбине не стало», (Веселовский — Н., стр. 55).

² И. Е. Забелин. Домашний быт русских царей. М., 1901., стр. 554, примеч. 1. Город Ормуз находился на острове в Персидском заливе, недалеко от Иранского побережья. В 1507 г. он был захвачен португальцами, которые им владели более ста лет. В 1622 г. при Аббасе I Ормуз был отвоеван персами. С тех пор город потерял свое значение, т. к. торговля была перенесена во вновь построенный г. Бендер-Аббас (на материке).

³ Лов жемчуга производился на Бахрейнских островах, о которых местное население говорило, что «земля на них — серебро, а море жемчуг». И. П. Минаев. Старая Индия, СПб., 1881, стр. 17—18.

⁴ Турция, после неудачного похода на Астрахань в 1569 г., не отказалась от мысли овладеть устьем Волги; заняв своими войсками важнейшие пункты Северного Кавказа. Османская Порта держала под угрозой неожиданного нападения Россию, а также и Иран, с которым на протяжении почти всего XVI в. турки находились в состоянии войны. Вместе с тем, захватив Азербайджан, Турция стремилась расстроить налаженную торговлю Москвы с Кавказом и Ираном. (Н. А. Смирнов. Россия и Турция в XVI—XVII вв. М., 1947, т. I, 120—127; М. Полиектов. Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений. Тбилиси, 1937, стр. IX—X).

⁵ Веселовский — Н., т. I, стр. 66.

ПУТЬ ИЗ МОСКВЫ В ОРМУЗ¹

Название пунктов	Расстояние в км	Путь в днях		Итого
		на судах	на вьюках	
Москва — Астрахань	3 312	40	—	40
Астрахань — Низовая	около 650	7—9	—	7—9
Низовая-Шабран — Шемаха	„ 110	—	7 ²	7
Шемаха — Ардебиль	„ 325	—	10	10
Ардебиль — Казвин	„ 350	—	11—12	11—12
Казвин — Ормуз	„ 1 200	—	42	42
	Около 5 947	47—49	70—71	ок. 117—120 дней

Мышлаке»³, т. е. на полуострове Мангышлак, на восточном побережье Каспийского моря. Согласно описанию путешествия в Бухару Дженкинсона (1558 г.), на Мангышлак плыли из Астрахани вдоль северо-восточного берега Каспия, не решаясь удалиться на одномачтовых судах в открытое море, очень бурное во время ветров. Тот же путь следования судов отмечает Федот Котов в начале XVII века: «на Акраганьское пристанище ходят мимо Яицкое устье»⁴.

В XVI веке на полуострове были известны четыре пристани, через которые проходил главный путь по Каспийскому морю в направлении с северо-востока на юго-запад и откуда начинались караванные пути в Хиву и Бухару. По указаниям Дженкинсона, одна из пристаней находилась на северном побережье Тюб-Карагана (западный выступ Мангышлакского полуострова), «в 12 лигах внутри залива». Эту гавань, где он собирался пристать, Дженкинсон называл Мангышлаком⁵. Кроме того, на северном берегу Тюб-Карагана находились еще две пристани. Так, Григорий Васильчиков в своем статейном списке отмечал: «а на Карагани в трех местех на пристанищах стоят турецкие бусы торговых людей»⁶.

Очевидно, под Караганским пристанищем, упоминаемым в «Росписи

¹ Расчет длительности прохождения пути между отдельными городами сделан на основании записей английских купцов — агентов Московской компании и московского гостя Федота Котова (Готье — Ю., стр. 201, 202, 207, 212, 216, 221, 229, 232, 239, 264, 265, 251; Ф. Котов. Указ изд., стр. 1, 5—8).

² Путь от моря к Шемахе отнимал на один день больше времени, чем обратный путь (6 дней), из-за подъема в горы.

³ Веселовский — Н., т. I, стр. 106.

⁴ Готье — Ю., стр. 173—174; Ф. Котов. Указ. изд., стр. 1.

⁵ Готье — Ю., стр. 174.

⁶ Веселовский — Н., т. I, стр. 106.

дороги» в Иран, и подразумевались все эти три пристани северного побережья Тюб-Карагана, которые представляли для мореходов большие удобства. Что касается четвертой пристани, то она, очевидно, находилась также на Мангышлаке, где-то на южном побережье Тюб-Карагана (близ острова Кулалы), а не на полуострове Бузачи, как это предполагал А. Чулошников¹. Местоположение четвертой пристани на южном побережье Тюб-Карагана подтверждается рассказом о возвращении посольства князя Андрея Звенигородского из Ирана в 1595 году². На карте Колодкина начала XIX века тоже показан след старой караванной дороги, шедшей от южного берега Тюб-Карагана в Хиву³.

От караганских пристаней, согласно «Росписи» дороги в Иран, путь шел «до Камени до Илтирия; а от Илтирия к Дельдюлю». Камень или Камель являлся мысом, расположенным близ Карабогазского залива (возможно, что под Илтирем подразумевался последний), а Дельдюлю⁴ — небольшим заливом на южном берегу Каспия у Гилянского берега, близ современного мыса Сефидруд.

Определив местоположение этих пунктов, мы увидим, что от караганских пристаней суда шли вдоль восточного берега до мыса Камеля (современный Бек-Даш), далее они пересекали море по диагонали в самом узком месте (по направлению Камель—Баку) и шли затем вдоль западного побережья к Гилян⁵. Последний, наряду с Шемахой, был крупнейшим производителем шелка и вел оживленную торговлю шелком-сырцом. Английские купцы считали даже, что гилянский шелк лучше по качеству и дешевле шемахинского⁶.

Приведенный в «Росписи» путь хорошо был знаком гилянским купцам, которые систематически ходили на своих бусах в Баку (за нефтью) и на пристани Мангышлака, откуда караванный путь шел в Хиву и Бухару. Через пристани на восточном побережье Каспия они ездили торговать и в Астрахань. Русские же купцы в 80-х гг. XVI века еще недостаточно хорошо освоились с этой дорогой. Так, для посольской бусы Васильчикова пришлось взять кормщиком «гилянца з гостина двора», который «хаживал на туркменское пристанище и к гилянской пристани»⁷.

Торговые люди, которые в конце XVI века пользовались этим путем, всегда испытывали страх, как бы их бусу случайно «не принесло ветром

¹ А. Чулошников. Торговля Московского государства с Средней Азией в XVI—XVIII вв. МИУТ и ТССР, стр. 74—75, и карта.

² Веселовский — Н., т. I, стр. 282—283, 318—319, 322.

³ Атлас Каспийского моря сочинен при чертежной Государственного Адмиралтейского департамента с описи и астрономических наблюдений, произведенных с 1809 по 1817 г. штурманом VIII класса и кавалером Колодкиным. СПб., 1826. (Картографический отдел Государственного Исторического музея, ГО 2079).

⁴ Ф. И. Соймовонов. Указ. соч., стр. 210, 252. В описании Каспийского моря Ф. Соймовонова залив носит название Тюрюлю, так же, как на карте Каспийского моря Колодкина (нач. XIX века).

⁵ Гилян, провинция Ирана, занимавшая узкую прибрежную полосу на юго-западном побережье Каспийского моря. В XV—XVI вв. в Гиляне правила местная династия, находившаяся в вассальной зависимости от Ирана. Она прекратила свое существование при Аббасе Великом. Главным городом Гиляна был Лахиджан.

⁶ Готье — Ю., стр. 232.

⁷ Веселовский — Н., т. I, стр. 15.

к турецкого городам». Эти тревоги были вполне обоснованы, так как Турция одним из условий дружбы с Москвой выставила требование, чтобы Москва не имела сношений с шахом¹. В 1593 году турки ограбили бусу гилянского купца Хозя Магмета за то, что «гилянский царь московского посланника пропустил в Кизылбаши через свою землю»². В посольских делах конца XVI века мы находим ряд случаев, когда бусы русских послов, на которых находились и купцы, подвергались налетам турецких сторожевых морских судов³.

На морское путешествие от Астрахани до Гиляна затрачивалось обычно 25—26 дней, при условии благоприятной погоды. По словам иранского гонца Анди-беки, «к Тюркменскому пристанищу из Асторохани поспевают днище в 15, а от Тюркмен до Кизылагача днище с 8»⁴. От Кизыл-Агача же до Гилянской пристани (около 200 км) можно было доехать в два—три дня⁵.

Пристань, где разгружались суда, находилась близ залива Дельдюлю (Тюрюлю) у устья речки Лянгурки (совр. р. Ленгеруд), в 10—15 км от города Лянгуры (Ленгеруд), из которого дорога шла в Казвин через гилянский город Дилеман. В Казвин можно было ехать и через Лагозен, столицу Гиляна, как это и сделал, например, в 1594 г. русский посол Звенигородский: «и шел князь Андрей от Лагозена до Казвина горами и полем. семь дней»⁶.

Итак, поездка из Астрахани в Казвин через Гилянскую область продолжалась около 33 дней, т. е. почти столько же, как дорога через Ширван⁷.

Только что описанным морским путем русские купцы пользовались лишь в те годы, когда была закрыта дорога в Ширван. В начале же XVII века, после того как Турция была вытеснена с кавказского побережья Каспия, главная масса торговых грузов в Иран вновь пошла вдоль западного берега моря через крупнейший центр восточной торговли — Шемаху, которая являлась конечным пунктом торговых экспедиций многих купцов, направлявшихся в Иран.

Помимо водных путей, Русское государство было связано с Ираном и сухопутными дорогами. Описание одной из сухопутных дорог, а именно кав-

¹ ЦГАДА, ф. 89, Турецкая посольская книга № 2, л. 479.

² Веселовский — Н., т. I, стр. 106.

³ Там же, стр. 453.

⁴ Там же, стр. 295.

⁵ Селение Кизыл-Агач находится на западном берегу моря, близ залива того же имени (совр. залив Кирова). Из Кизыл-Агача шла сухопутная дорога в Лагозен, столицу Гиляна. Английские путешественники сообщают фантастические сведения, собранные ими во время их пребывания в Персии, что из Астрахани в Гилян можно доехать в 7—8 дней. (Готье — Ю., стр. 224).

⁶ Веселовский — Н., т. I, стр. 254.

⁷ Описанным путем вдоль восточного побережья Каспия шли в 1602—1603 гг. Какаш и Тектандер, послы имп. Рудольфа к шаху Аббасу. Они затратили на переезд из Астрахани до Ленкорана, расположенного несколько южнее Кизыл-Агача, 31 день, так как в пути их застигла сильная буря. Из Ленкорана Тектандер (Какаш скончался в Ленкоране) направился сухопутным путем в Казвин, которого достиг через 5 дней. Таким образом, дорога из Астрахани в Казвин заняла 36 дней. (Какаш и Тектандер. Путешествие в Персию через Московию в 1602—1603 гг. М., 1896, стр. 28, 31)

казско-прикаспийской, имеется в тексте к карте «Книга Большому Чертежу» конца XVI века, а также в «Записках» Федота Котова начала XVII века¹. Из Астрахани эта дорога вела через степь в Терский городок², «стоящий над рекою над Тюменскою», а далее в находящийся в земле кумыков город Тарки³. Последний был расположен от Тюмени километрах в ста по прямому пути. Но ввиду того, что в низовьях Терека имелось множество озер, протоков и плавней⁴, тянувшихся на значительном расстоянии, в Тарки приходилось ехать в обход: из Терского городка путники с вьюками направлялись вверх по Тереку до места впадения в него р. Сунши, перейдя эту реку вброд шли «степью да камышом» к низовьям р. Койсы⁵, через которую переправлялись на пароме или на стругах и далее обычно на колесах, доезжали берегом моря до г. Тарки⁶. Этот обходной путь от Терки (Тюмени) до города Тарки составлял около 240 км, что почти совпадает с данными книги Большого Чертежа: «А от Торков до устья Терка до Тюменского града 180 верст»⁷. Из Тарков «промеж гор и ровным место» дорога вела в Дербент⁸ и далее она проходила по Самурской долине, через Шабран в Шемаху. Весь этот путь от Астрахани до Шемахи, общим протяжением около тысячи километров, проходили в 25—27 дней.

Описанная сухопутная дорога из-за значительной своей протяженности и неблагоприятных транспортно-технических условий (неоднократные перегрузки в пути, а также болотистая местность, в период разливов затапливаемая водой) представляла большие трудности даже для вьючного движения и поэтому никогда не имела большого значения в торговле Русского государства с Ираном.

¹ Г. И. Спасский. Книга глаголемая Большой Чертеж. М., 1846, стр. 61; Ф. Котов. Указ. изд., стр. 2—4.

² Терский городок был поставлен русскими в 1567 г. «на реке Тереке (Терке) на устье Сююнчи реки» или «Сунши», как ее называет Книга Большого Чертежа. Город был вскоре снесен, но в 1578 г. появился снова, просуществовав опять недолго. Наконец, в 1588 г. город на Тереке, как имеющий большое стратегическое значение, был московским правительством еще раз восстановлен, но на другом месте, «на устье Терском» близ Тюменки — протоки Терека, вследствие чего он назывался и «Теркою» и «Тюменью», место же в устье р. Сунши, где раньше находился Терский городок, стало известно под именем «Сунши городища, где был стал город на Терке». В Терки приезжали торговать купцы из Ирана, Шемахи, Дербента.

³ Город Тарки являлся столицей Шамхала, известного в Московском государстве под именем Шевкала. В XVI в. шамхалат Тарку, вокруг которого группировались кумыкские феодалы, был одним из наиболее значительных феодальных образований северного и прикаспийского Кавказа. Этому отчасти благоприятствовало то выгодное положение, какое он занимал на прикаспийском торговом пути.

⁴ Плавни — места, залитые водой и поросшие камышом и другими болотными растениями.

⁵ После впадения Аворской Койсы в Андийскую Койсу последняя известна под именем Сулака.

⁶ Ф. Котов. Указ. изд., стр. 3.

⁷ Г. И. Спасский. Указ. изд., стр. 61; 180 верст равны приблизительно 210 км. Расстояние, указанное в книге Большого Чертежа, определялось, очевидно, по времени, которое требовалось, чтобы пройти это расстояние.

⁸ Дербент был известен еще под названием «Железных ворот» в связи с его положением в узкой равнине между Главным Кавказским хребтом и морем. Эта равнина служила проходом из Северного Кавказа в Закавказье.

Пески Усть-Урт (Средняя Азия)

Караван в пути
(изображение на карте конца XVI века)

СУХОПУТНЫЙ ПУТЬ ИЗ АСТРАХАНИ В ШЕМАХУ ¹

Название городов	Расстояние в км	Путь в днях		Итого
		на вьюках	на колесах	
Астрахань—Терский городок . . .	около 450	—	ок. 10 ²	10
Терский городок—Тарки	„ 240	5	1	6
Тарки—Дербент	„ 140	—	3	3
Дербент—Шабран—Шемаха	„ 170	6—8	—	6—8 ³
	около 1000	11—13 дня	14	25—27 дней

Еще меньшую роль в торговом отношении играли остальные сухопутные дороги в Иран, но сведения о них настолько скудны, что удастся наметить лишь общее их направление.

В статейном списке Васильчикова упоминается дорога «...из Астрахани на Терек и на Черкассы и на Грузы» ⁴. Эта дорога вела от Терки до Суншина городища, затем шла вверх по р. Сунше и через владения мелких феодалов (на территории позднейшей Малой Кабарды) проходила по трассе современной Военно-Грузинской дороги, а далее поворачивала на восток, в Кахетию (Восточная Грузия) ⁵.

Существовала также дорога из Терки в Кахетию через землю кумыков, ее можно было пройти в 15 дней. Этой дорогой шли в Москву в 1598 году годец иранского шаха Анди-бек, а в 1604 году Тектандер, посол имп. Рудольфа II, возвращавшийся из Ирана через Россию к себе на родину ⁶.

¹ Расчет длительности пути между городами сделан на основании данных статейного списка русского посла Ивана Брехова (он был послан в Иран в 1614 г.) и записок Федота Котова. (Н. Веселовский, т. II, стр. 332—333; Ф. Котов. Указ. изд., стр. 3—4).

² Наши источники не указывают, в течение какого времени можно доехать из Астрахани в Терки. Вероятно этот путь, проходящий по ровной местности, покрывали не больше чем в 10 дней.

³ Посольство Брехова доехало из Дербента в Шемаху на девятый день, что совпадает с данными Контарини (путь от Шемахи до Дербента занимал на один день больше времени из-за подъема в горы), Котов же указывает, что эта дорога занимает лишь 6 дней.

⁴ Веселовский—Н., т. I, стр. 29.

⁵ С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом. Чтения. 1888, кн. III, стр. 127—154; Polysktow. The ways of communication between Russia and Georgia in the XVI and XVII centuries. The Journal of modern history, 1930, vol II. № 3.

⁶ Веселовский—Н., т. II, стр. 1—2; С. А. Белокуров. Указ. изд., стр. 59; Какаш и Тектандер. Путешествие в Персию через Московию 1602—1603 гг., М., 1896, стр. 39, 40.

Таким образом, мы видим, что в XVI веке основной торговой магистралью, связывавшей Москву с Азербайджаном и Ираном, служил морской путь вдоль западного побережья Каспия.

Этот путь имел то преимущество перед сухопутным движением, что, благодаря более быстрой и сохранной доставке товаров (при каждодневном перевыучивании неизбежно происходила порча товаров), перевозка купеческой клади водой стоила меньше, чем провоз ее по суше. Вместе с тем водный путь являлся для купеческих караванов менее опасным, чем сухопутные дороги.

Наши источники не дают возможности подробно проследить для XVI века пути, которыми шли торговые караваны из Средней Азии в Москву и обратно. Между тем, географические данные о Средней Азии, приведенные в книге Большого Чертежа, которые могли быть получены как путем расспросов приезжавших из Азии купцов и послов, так и в результате непосредственного знакомства русских людей с этими областями, свидетельствуют о постоянных торговых и политических сношениях Москвы с узбекскими ханствами. В XVI веке русские не только знали о существовании Аральского моря и имели приблизительно верное понятие о его размерах, но их сведения простирались и далее до Ургенча¹ и Бухары: «и всего от Астрахани Хвалимским морем вдоль до Юргенчской земли 1200 верст»². Однако в книге Большого Чертежа отсутствуют указания на то, как бралось расстояние от Астрахани до Ургенча и через какие пункты.

Из всех дорог в Ургенч и Бухару только путь через полуостров Мангышлак прослеживается с некоторыми подробностями благодаря запискам Дженкинсона — единственному из дошедших от XVI века описанию путешествия в Среднюю Азию³.

В 1558 году Дженкинсон предпринял свое путешествие в Среднюю Азию с целью установить через последнюю непосредственные торговые связи Англии с Индией и Китаем.

Из Москвы до Астрахани он доехал обычным путем — по Москва-реке, Оке и Волге. В Астрахани, перегрузив товары на морское судно, которое он купил в компании с несколькими татарами и персами, Дженкинсон направился к мангышлакским (караганским) пристаням по хорошо известному в Астрахани пути вдоль северо-восточного берега Каспийского моря⁴.

Из-за шторма судно не могло подойти к пристаням на полуострове и купцы принуждены были бросить якорь «у очень низкого берега против

¹ Хивинское ханство было известно в XVI в. под именем «Юргенской земли» от города Ургенча, расположенного на месте современного селения Куны-Ургенч.

² Г. И. Спасский. Указ. изд., стр. 72.

³ Готье — Ю., стр. 167—188.

⁴ Гилянские купцы ездили в Астрахань всегда через караганские пристани. В Записках Дженкинсона также указывается, что на Мангышлак прибыло судно из Астрахани с татарами и русскими, причем этот факт передается Дженкинсоном как обычное явление.

Мангышлака», где «ни одно судно и ни одна лодка никогда не приставали», и где, как отмечает Дженкинсон, место очень неудобно для причала.

Из описания морского берега, вдоль которого плыл английский купец, можно заключить, что судно пристало к северному побережью залива Кочак, между полуостровами Бузачи и Мангышлак¹. Отсюда купцы выехали караваном, состоявшим из 1000 верблюдов, в город Селлизюр. Трудно предположить, что для товаров, которые были привезены на одном судне из Астрахани, действительно потребовалось такое количество верблюдов, да едва ли и возможно было приобрести столько животных в той пустынной местности, где произошла высадка. Очевидно, купцы вышли на караванную дорогу, идущую с караганских пристаней в узбекские ханства и примкнули к одному из больших караванов, направлявшемуся туда².

Дженкинсон жаловался, что туркмены, через владения которых они проезжали, с каждого груженого верблюда брали большую пошлину кожей и деревянной посудой, «ибо денег они не употребляют»³.

От Мангышлака до города Селлизюр дорога проходила через плато Усть-Урт. В течение 20 дней караван шел по выжженной солнцем степи, не встречая на своем пути поселений и кочевьев туркмен: «Мы не находили другой воды, — писал в своих записках Дженкинсон, — кроме той, которую добывали в старинных глубоких колодцах, солоноватую и совсем соленую, а иногда дня по два-по три оставались и без такой воды»⁴. Свежую пресную воду путники получали лишь подойдя к озеру Сары-Камыш, которое английский купец принял за залив Каспийского моря⁵.

¹ Так полагают многие исследователи, разбиравшие путь Дженкинсона и его географические сведения. (Например, В. В. Бартольд. Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII в. Изв. Турк. отд. Русского геогр. об-ва, т. IV, стр. 100, и Н. Веселовский. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве с древнейших времен до настоящего. СПб., 1877 г.). По мнению же Ленца, Дженкинсон не доехал до Мангышлакского полуострова, а проплыл по Мертвому Култуку в залив Кара-кичу и высадился на северном берегу последнего. Игнорируя замечание путешественника, что он пристал к берегу против Мангышлака, Ленц основывается на том, что на карте Дженкинсона западный берег Мангышлакского п-ва изображен неверно и в самых грубых чертах, в то время как Кара-кичу и Мертвый Култуку нарисованы значительно более верно, хотя также в грубых чертах. (Р. Э. Ленц. Наши сведения о прежнем течении Аму-Дарьи. Записки Русского геогр. об-ва, СПб., 1871, т. IV, стр. 113).

² В. В. Бартольд. Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII в. Изв. Турк. отд. Русского географич. об-ва, т. IV, Ташкент, 1902, стр. 100.

³ «За каждого груженого верблюда, несущего только 400 фунтов нашего груза, мы согласились уплатить по 3 русских кожи и по 4 деревянных блюда, а князю или правителю здешнего народа — 9 штук одного и дважды семь другого, итого 9 и дважды по семи отдельных предметов» (Готье — Ю., стр. 175).

⁴ Путь по Усть-Урту не представляет никаких затруднений, он удобопроходим во всякое время года, для любого транспорта, как для вьючного, так и колесного (Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1895, вып. XV, стр. 18—27).

⁵ В. А. Леницин. Несколько замечаний о путешествии Дженкинсона в Хиву в 1559 г. СПб., 1880; Записки русского географического общества, т. VI, 2-й отд., стр. 51—52; В. В. Бартольд. Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII века. Изв. Турк. отд. Русского географич. общества. Ташкент, 1902, т. IV, стр. 104.

Здесь, как и на Мангышлаке, купцы должны были заплатить пошлину «таможенникам короля туркменов». Этот факт взимания пошлин в определенных пунктах показывает, что Дженкинсон ехал от Мангышлака в Ургенч обычным путем торговых караванов.

От озера Сара-Камыш через город Селлизюр или Везир² караван прибыл на 27-й день своего пути в Ургенч — столицу Хивинского ханства². Дженкинсон следующим образом характеризует этот город: «Ургенч стоит на равнине и обнесен земляными стенами окружностью около 4 миль. Здания также земляные, но разваливающиеся и в беспорядочном состоянии; одна длинная улица крыта сверху: она служит им рынком. Четыре раза за 7 лет город переходил из рук в руки вследствие междоусобных войн; поэтому в нем очень мало купцов и те очень бедны; во всем городе я смог продать только четыре куска караеи. Главнейшие товары, которые здесь продают, — это те, которые привозят из Бухары или из Персии, но их так мало, что не стоит и писать»³.

Действительно, феодальная междоусобица чрезвычайно губительно отразилась на производительных силах ханства; ремесленное производство и торговля Ургенча, одного из крупнейших городов мусульманского Востока XIII—XIV вв., расположенного на оживленном торговом пути из юго-восточной Европы в Среднюю Азию, Монголию и Китай, находились в упадке, первые признаки которого уже появились в середине XV века⁴.

Из Ургенча караванная дорога шла вдоль левого берега Аму-Дарьи через г. Кят в Бухару. В каком месте происходила переправа через реку, Дженкинсон не указал. Из описания его путешествия известно лишь, что дорога от Ургенча до Бухары занимала 15—18 дней. В XVII веке торговые караваны переправлялись обычно через Аму-Дарью несколько южнее г. Хазарасп⁵. Этим путем расстояние между Ургенчем и Бухарой составляло около 500 км. Исходя из того, что на верблюдах можно сделать в среднем за один день 25—30 км, следует считать, что переход между этими городами занимал не больше 17—20 дней, что вполне совпадает с данными Джен-

Р. Ленц считал, что Дженкинсон вышел к Аральскому морю (Наши сведения о прежнем течении Аму-Дарьи. Записки Русского географич. об-ва, СПб., 1874, т. IV). Н. Веселовский, находя это мало вероятным, предполагал, что Дженкинсон принял за залив Каспия Айбугир — южный залив Аральского моря (Очерки историко-географ. сведений о Хивинском ханстве с древних времен до настоящего. СПб., 1877, стр. 114—115). Но вода Аральского моря, как и Айбугира, не является пресной, а Дженкинсон говорит о пресноводном бассейне, что опровергает точку зрения Н. Веселовского.

¹ Город Селлизюр (или Шах-Зюр) есть город Везир, полное название которого должно быть Шехр-Везир, т. е. «город везира». Город Везир, находящийся в 40 км от Ургенча, был основан незадолго до 1464 г. В XVI в. он считался одним из главных городов Хивинского ханства. Здесь нередко имел свою резиденцию хан.

² Ургенч до половины XVII в. являлся столицей Хивинского ханства, затем столицей ханства становится Хива.

³ Готьё — Ю., стр. 177.

⁴ А. Якубовский. Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европы в X—XV вв. МИУТ и ТССР, 1933, стр. 43, 60; А. Якубовский. Развалины Ургенча. Л., 1930, стр. 16, 17, 20—22; Готьё — Ю., стр. 186, 189.

⁵ Карта А. Чулошникова «Средняя Азия в XVII в.», МИУТ и ТССР.

кинсона. Вероятно, из Хивинского ханства в Бухару английский купец шел тем же путем, что и торговые караваны XVII века¹.

Дорога от Ургенча до Бухары была небезопасна: во время междоусобиц «побежденный... бежит в степь с теми, кто за ним последует, живет в пустыне поблизости от колодцев с водой и разбойничает и грабит торговые караваны...»². Караван Дженкинсона тоже подвергся такому нападению по дороге из города Кят в столицу Бухарского ханства.

В начале зимы, в самый разгар торгового сезона, Дженкинсон прибыл в Бухару. Город поразил его своей величиной и богатством: «Бухара... окружена высокой земляной стеной с различными воротами и разделена на три части; две из них принадлежат королю, а третья отведена купцам и рынком; каждое ремесло имеет здесь особое место и свой особый рынок. Город очень велик, дома по большей части земляные, но есть также не мало каменных домов, храмов и сооружений, роскошно построенных и позолоченных; в особенности бани так искусно выстроены, что подобных им нет на свете»³.

Ежегодно осенью в Бухару приходили караваны из Ирана, Индии, Балха, Китая, а также из Русского государства. Всю зиму в городе происходил оживленный торг и лишь ранней весной купцы покидали его. В числе важнейших товаров, которые можно было приобрести в Бухаре, Дженкинсон называет белые хлопчатобумажные ткани из Индии, цветные хлопчатобумажные материи из Бухары, иранские и бухарские пестрые шелка, русские шерстяные материи и деревянную посуду, а также хлопок и сырые кожи.

Ознакомившись с местной торговлей, размеры которой показались ему незначительными, Дженкинсон выяснил, что из Индии не привозят в Бухару ни пряностей, ни драгоценных камней, и что последние Индия экспортировала исключительно в Ормуз. Он пришел к заключению, «что нет никакой надежды на то, чтобы завести здесь выгодную торговлю, стоящую дальнейших усилий», тем более, что и путь из Бухары в Китай в течение последних трех лет был закрыт из-за войны «между двумя большими татарскими странами и городами (Ташкент и Кашгар—*М. Ф.*), расположенными как раз по пути между Бухарой и Китаем»⁴.

В Астрахань Дженкинсон возвращался той же дорогой, которой ехал в Бухару.

Описанным здесь путем нередко приезжали в Россию бухарские и хивинские купцы, что подтверждается челобитной бухарского посла Мухамед Али царю Федору Ивановичу (1589 г.) по поводу взимания незаконных поборов с тезиков, приезжавших в Астрахань. В этой грамоте сказано: «приходят, государь, за море из Астрахани на твоих государевых бусах

¹ В. В. Бартольд считает, что из всех мест переправы через Аму-Дарью наибольшее значение всегда имела переправа близ города Чарджуй, происходившая в наиболее узком месте реки (История орошения Туркестана, стр. 77.) Навряд ли Дженкинсон шал через Чарджуй, т. к. в своем описании поездки в Бухару он после г. Кят не упоминает ни об одном городе до самой Бухары, из Чарджуй же дорога в Бухару шла через г. Каракол.

² Готье—Ю., стр. 178.

³ Там же, стр. 182.

⁴ Там же, стр. 184, 185.

ПУТЬ ИЗ МОСКВЫ В УЗБЕКСКИЕ ХАНСТВА¹
(через мангышлакские пристани)

Название пунктов	Расстояние в км	Путь в днях		Итого
		на судах	на вьюках	
Москва—Астрахань	3 312	40	—	40
Астрахань — Мангышлак (Караганские пристани)	около 900	10—15 ²	—	10—15
Мангышлак—Ургенч	„ 700	—	25	25
Ургенч—Бухара	„ 500	—	18 ³	18
	около 5 412	50—55	43	93—98

на пристанища твои государевы юртовские астраханские татаровя и возят нас из-за моря с товаром в Астрахань». Морским же путем прибывали в Астрахань среднеазиатские посольства, направлявшиеся в Москву⁴.

Помимо водной дороги на Мангышлак, торговые грузы шли в Среднюю Азию и обратно сухопутным: от Астрахани дорога вела через степь на Яик и Эмбу. Так, в 1558—1559 гг. Ричарду Джонсону сообщили купцы, бывшие в среднеазиатских городах, что из Астрахани в Ургенч можно ехать через Сарайчик и что эта дорога занимает 30 дней⁵.

Повидимому, это та самая дорога, которая известна была во второй половине XVII века под названием хивинской. А Чулошников указывает, что последняя начиналась от г. Хивы и выходила к Шамским Копаням на плато Уст-Урт; далее дорога проходила через три потока Учкуна (ключи Учукан) к берегам Эмбе и Сагизу и, круто повернув на юг, она подходила к Яицкому городку и шла затем берегом моря к Астрахани⁶. В XVI веке эта дорога от р. Сагиза шла не к низовьям р. Яик, а на г. Сарайчик, уничтоженный казаками лишь в 1580 г.

Сухопутная дорога от Астрахани до Ургенча составляет около 1300 км, т. е. она была несколько короче дороги через пристани на Мангышлаке.

¹ Расчет пути сделан на основании записей Дженкинсона о времени прохождения отдельных участков.

² Не считая времени, когда судно стояло на якоре из-за неблагоприятной погоды, дорогу от Астрахани до Мангышлака Дженкинсон проделал в 15 дней. По сведениям же Ричарда Джонсона, собранным им у купцов, побывавших в Хиве и Бухаре, этот путь обычно проходили в 10 дней.

³ Из Ургенча в Бухару Дженкинсон ехал около 25 дней в связи с задержками в пути, вызванными нападениями на его караван; обратный путь занял у него 18 дней.

⁴ МИУТ и ТССР, стр. 101, 103, 104.

⁵ Ричард Джонсон ездил с Дженкинсоном в Бухару (Готье — Ю., стр. 189, 190).

⁶ А. Чулошников. Указ соч., стр. 78 и карта.

Путь Волга—Яик—Эмба—Ургенч (и далее через Отрар в Китай) был известен еще в XIII—XIV вв. как мусульманским, так и европейским купцам¹. А. Ю. Якубовский считает, что этой дорогой шли Плано Карпини в 1246 г. и братья Поло (с заходом в Бухару) в 1282 г.² По словам Пигалотти, агента флорентийской торговой фирмы (середина XIV века), из Сарая Берке до Сарайчика водой шли 8 дней, а из Сарайчика до Ургенча на арбах 20 дней.

Несколько более определенной представляется для данного периода степная дорога в узбекские ханства через Казачью Орду. Краткое описание этого пути имеется в отписках русского посла Вельямина Степанова царю Федору Ивановичу от 20 мая и 3 октября 1595 г.³ Дорога шла от Казани на Каму и через землю башкир на город Уфу или же, минуя последний, к верховьям реки Яик⁴. Далее она шла к реке Ирғиз и по безводным степям современного Казахстана к Пегим Горам (совр. Таласский Алатау): «и шел, государь, я от Казани до Пегих гор 9 недель, а шел, государь, и лошади, государь, многие померли з безводицы и с нужи и немногие дошли до Казацкой Орды» — сообщал Вельямин Степанов царю.

Из Казачьей Орды дорога шла через Ташкент и Самарканд или, как показывает документ конца XVII века, более коротким маршрутом, сообщаемым тобольским казаком Скибиным: «да от Туркестана же в Бухарию до Сырта реки коням ходу пол дня, а переправясь до колодца название Дерт-Кутука ходу 3 дни; а от Кутука через 3 колодца ходу степью 5 дней до Аштлы; а от колодца Аштлы малозимовья до города в Бухарию на верблюдах ходу 6 дней топкими и безводными степями, а воду де везут на верблюдах»⁵. Этот отрезок пути обычно проходили в 14—15 дней, а на всю дорогу от Казани до Бухары, протяженностью около 2500 км затрачивали более 2,5 месяца.

Из Казачьей Орды (из г. Туркестана) на Волгу Вельямин Степанов пошел иным путем: с Ирғиза он повернул на Ногайскую дорогу и вышел к Самаре. Обратный путь занял у него меньше времени, чем дорога в Орду, 51 день вместо 63 дней.

Дорога от Самары «Нагайской степью на Яик, а с Яика на Енбу, а с Енбы на Юргенч и далее в Бухару (около 2000 км), являвшаяся в XVII веке одной из основных артерий среднеазиатской торговли, упоминается еще в XVI веке. Восточные купцы говорили (в начале XVII века), что «от Самары до Юргенча мочно поспети в полтора месяца, только какие

¹ В. В. Бартольд. Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII века. Указ. изд., стр. 55—63.

² А. Ю. Якубовский. Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв. (МИУТ и ТССР, стр. 46).

³ МИУТ и ТССР, стр. 293, 294.

⁴ Вельямин Степанов в 1595 году шел из Казани на Яицкие верхи, минуя Уфу. Известно, что бухарские купцы направлялись в 1598 г. с верховьев Яика на Казань через Уфу (Веселовский — Н., т. II, стр. 101).

⁵ МИУТ и ТССР, стр. 266.

Расстояние от Туркестана до Бухары через Ташкент составляет около 750 км, а расстояние от Туркестана до Бухары мимо колодцев Дерт-Кутук и Аштлы около 500 км.

помешки на дороге не будет», и советовали идти с Самары «по пластом, чтоб Яик по льду перелезть»¹.

Наши источники не дают возможность решить вопрос, какой из упомянутых выше путей имел в XVI веке наибольшее экономическое значение в торговле Москвы с узбекскими ханствами. По мнению А. Чулошникова, основная масса товаров в XVI веке направлялась не через караганские пристани, к которым путь считался более безопасным, а степными дорогами. Он считает это бесспорным фактом для торговых операций среднеазиатских купцов, так как, не имея собственных морских судов, последние всецело зависели от русских и гилянских бус, которые прибывали на Мангышлак, степные же дороги имели для них то большое преимущество, что они не ограничивали ни числа людей, ни количества товаров.

Что касается дороги, связывавшей Русское государство с Средней Азией через Азербайджан и северный Иран², то ею пользовались лишь в исключительных случаях, и она в XVI—XVII вв. не имела значения в торговых сношениях обеих стран.

С конца XVI века регулярные сношения Москвы со Средней Азией происходили, кроме того, через Сибирь. Однако отсутствие источников для того времени не дает возможности определить пункты, через которые проходил этот сибирский путь. Мы располагаем данными лишь для конца XVII века³ согласно которым дорога шла из Тобольска вверх по р. Иртышу на Адбашский острог, затем, перейдя на реку Ишим, шла до Каменного Брода, и далее в сторону Туркестана: «от Тобольска до Тевки — ханова города Туркестана средним ходом 2 месяца, а скорым ходом 30 дней, а тихим ходом 9 недель», а из города Туркестана до Бухары, как уже было выше отмечено, можно было доехать за 14—15 дней. В этом документе, где подробно перечислены урочища, реки, озера и болота, по которым проходила дорога, приведен еще другой вариант пути из Тобольска в Туркестан: от «верхних Тобольских слобод с Царева городища и из Утяцкой и Камыцкой через степь до Ишима», откуда шли через Каменный Брод в Туркестан. Несомненно, что это направление сибирских путей возникло ранее XVII века, так как еще в тот период, когда существовало самостоятельное Сибирское царство, между ним и среднеазиатскими ханствами поддерживались торговые сношения.

¹ Веселовский — Н., т. II, стр. 271.

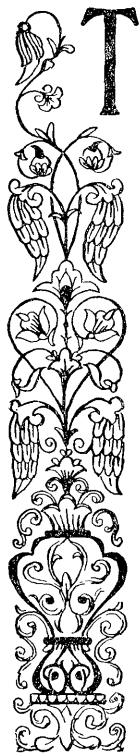
² Этот путь шел через Шемаху — Ардебиль — Казвин — Мешхед — Дрюн — Ургенч (Веселовский — Н., т. II, стр. 283).

³ 1697 г. «Распросные речи возвратившихся из Казачьей Орды тобольского казака Федора Скибина с товарищами в Тобольской приказной избе о путях в Среднюю Азию». (МИУТ и ТССР, ч. 1, стр. 263—267).

ОСНОВНЫЕ ЦЕНТРЫ ТОРГОВЛИ РОССИИ С ВОСТОКОМ

Торговые операции восточных купцов в Русском государстве производились в XVI веке в небольшом числе городов. Одним из пунктов средоточия восточной торговли являлась Астрахань, пограничный город, расположенный при выходе волжского торгового пути в Каспийское море.

Астрахань, благодаря своему положению в устье Волги, по которой издавна проходили пути из Европы в Китай, Среднюю Азию, Индию и Иран, уже в XII—XIV вв. являлась крупнейшим экономическим центром. Неудивительно, что этот город, как сообщает Барбаро, «славился своей обширностью и богатством. До разрушения его Темерланом пряные коренья и шелк, отправляемые ныне (т. е. в XV веке — М. Ф.) через Сирию, доставлялись в Тану через Цитрахань и потом уже на шести и семи венецианских галерах перевозились в Италию»¹.

Правда, в XV и в первой половине XVI века, в период существования Астраханского ханства, торговое значение Астрахани заметно упало, о чем свидетельствуют Контарини, посетивший столицу ханства в 1473 г.² и Дженкинсон, проезжавший Астрахань по пути в Бухару в 1558 г., т. е. вскоре после присоединения владений Астраханского ханства к Москве. Дженкинсон, отмечая факт посещения города русскими, иранскими, ширванскими и среднеазиатскими купцами, считал, что размеры астраханской торговли настолько ничтожны, что «и не стоит надеяться, что торговля здесь будет стоить того, чтобы ее продолжать»³.

Если можно согласиться с Дженкинсоном, что торговый

¹ В. Семенов. Указ. изд., т. I, стр. 56.

² Там же, стр. 90—91.

³ Готье—Ю., стр. 172.

оборот города в середине XVI века был незначительным, то трудно, однако, поверить в искренность его слов о перспективах астраханской торговли, так как с первых же лет присоединения к России, Астраханского ханства город обращал на себя внимание европейских держав, заинтересованных в торговле с Востоком. Так, известно, что сам Дженкинсон, как и другие английские послы, усиленно добивался того, чтобы завязать через Астрахань и Каспийское море непосредственные торговые связи с Средней Азией, Ираном и Индией.

Во второй половине XVI века, после объединения всего волжского пути в руках России, Астрахань приобрела вновь крупное торговое значение. Через нее направлялись из Москвы, как это уже выше отмечалось нами, торговые караваны и посольства в Иран, Бухару, Хиву и обратно; здесь сосредоточивалась и основная коммерческая деятельность восточных купцов в Русском государстве. В Астрахани можно было встретить, наряду с русскими и татарскими купцами, множество бухарских, юргенских, кизылбашских, гилянских, шемахинских, ногайских, армянских и турецких купцов¹, которые, пользуясь правом свободного приезда в пограничный город Русского государства, вели здесь постоянную торговлю.

Послы из Ургенча и Бухары, проезжавшие в 1567 году Астрахань по пути в Мекку, сообщили турецкому султану: «а в Асторохань, деи, изо многих земель кораблем с торгом приход великой, а доходит, деи, ему (русскому царю — М. Ф.) тамга на день по тысяче золотых»². Несомненно, что послы сильно преувеличивали доходы казны от астраханской торговли, но все же из их слов видно, каким оживленным городом была в то время Астрахань.

Как указывается в дипломатической переписке Москвы с Ираном, русская казна содержала на астраханском посаде специально для восточных купцов два гостинных двора — Гилянский и Бухарский, где купцы хранили свои товары и производили торговые операции³.

Товары восточных купцов по привозе их в Астрахань осматривались и переписывались таможенными головами и целовальниками. Повидимому, и здесь, как и в других русских центрах средоточия иноземной торговли, таможенникам предписывалось «у гостей и у иноземцев у всяких, и у всех людей, которые привозят бархаты, и камки, и всякое узорочье, и лошади, смотрети на себя Государя, что ему Государю пригодится; и какой гость какой товар привезет и таможником тому выпиши приносить к дьяком, а доколе о том к дьяком выпиши принесут и доколе осмотрят, что Государю пригодится, того товару таможником не отдавати и продавати не велети»⁴...

¹ ПСРА, т. XIII, стр. 281, 284; Веселовский — Н., т. I, стр. 56, 146—147, 176; т. II, стр. 101; ПДРВ, т. X, стр. 5; МИУТ и ТССР, стр. 106; ЦГАДА, ф. 89, Турецкая посольская книга № 3, л. 7.

Путь из Турции в Астрахань проходил через Азов. Обычно из Азова купцы подымались по Дону до Переволоки, затем сухим путем добирались до Волги, после чего по этой реке спускались в Астрахань. Существовал также путь из Азова в Астрахань степью.

² ЦГАДА, ф. 123, Крымская посольская книга № 13, л. 163.

³ Веселовский — Н., т. I, стр. 15, 199, 279; АИ, т. III, № 154.

⁴ Таможенная уставная грамота 1571 г. о взимании в Великом Новгороде на Торговой стороне всяких пошлин. Собрание Государственных Грамот и Договоров (далее сокращенно СГГ и Д), т. III, стр. 57—58. Это право «первой купли» казны отмечает также Герберштейн (см. указ. соч., стр. 90).

Восточный базар у Астрахани
(с гравюры XVII века)

Иранские и среднеазиатские купцы, торгуя в Астрахани главным образом своими собственными товарами, нередко привозили на продажу также ханские и шаховы товары. Например, в 1587 году бухарский посол Кадыш приезжал в Астрахань для продажи казенных товаров. Один из «лучших» гиланских торговых людей Хози Асан неоднократно приезжал сюда с «царевыми товарами». Известно, что в 1597 году купец Кирилл Хормаметев повез в Астрахань на продажу «бологодеть» кизылбашского шаха Аббаса¹.

Товары, продававшиеся на астраханском базаре, были так же разнообразны, как разнообразен был национальный состав купцов, торговавших на базарной площади. Русская кожа различных сортов и изделия из нее поступавшие из окского района, верхнего и среднего Поволжья, меха из Владимирской и Смоленской областей и из окрестностей Казани и из Сибири² встречались здесь с иранскими, турецкими и среднеазиатскими тканями, с индийскими пряностями, москательными товарами и другими предметами восточного импорта. Однако лишь незначительная часть привозимых в Астрахань восточных изделий потреблялась на месте; главная масса их направлялась вверх по Волге в Москву и в другие города Русского государ-

¹ МИУТ и ТССР, стр. 104; Веселовский — Н., т. I, стр. 20—21, 421—422.

² В продукции самого Астраханского края — соли и рыбе, имевших большое значение во внутренней торговле Русского государства, восточные страны не были заинтересованы.

ства. Табуны лошадей, которые пригонялись ногами в Астрахань, также переправлялись в Казань и далее в Москву.

Таким образом, Астрахань во второй половине XVI века имела большое значение для Русского государства как передаточный пункт по товарообороту Москвы с Средней Азией, Азербайджаном и Ираном.

Другим пунктом средоточия восточной торговли являлась Казань, куда тезики также имели свободный доступ. Об этом определенно говорится в «Памяти» из Посольского приказа казанскому воеводе кн. Григорию Андреевичу Булгакову с товарищами от 11 ноября 1585 года: «а тезиков бы есте, которые приедут з бухарскими послы и со юргеньскими отпустил их вместе с ними, а которые у них... торговые люди пришли в Казань и вы б о том к нам отписали и вы б их из Казани не пропускали по прежнему нашему указу»¹. Из этих слов видно, что восточным купцам часто не разрешалось торговать далее Казани. В челобитной казанских воевод царю Борису Федоровичу (1598 г.) тоже указывается, что иранских купцов из Казани воеводы «к Москве отпустить без ...государеву указу не смели»². В городах же русского центра торговля тезиков могла иметь место лишь на основании специально выданных Посольским приказом жалованных и проезжих грамот³.

Еще в XV и в начале XVI века «град многолюдный Казаньской», как называет его летописец, являясь столицей Казанского ханства, представлял собой богатый торговый город, который посещался русскими и восточными купцами⁴. Ежегодно весной на Гостинном острове близ устья р. Казанки собиралась ярмарка, имевшая большое значение в развитии торговых связей Руси со странами Востока. На ярмарку съезжались «изо всея Русская земля богати купцы и многия иноземцы дальния и торговаху с Русью великими драгими товары»⁵. Как отмечается в «Казанском летописце», во время осады города русскими войсками в 1552 году «казанцы... пять тысяч с собою затвориша иноземских купцев, Бухар, и Шамахеи, и Турчан, и Армян и инех»⁶. Участник же Казанского похода князь Курбский свидетельствует, что в момент присоединения Казани она была местом, которое «воинстину полно было дражайших корыстей, златом и серебром, и камением драгоценным, и собольми кипело и другими великими богатствами»⁷.

Именно поэтому сразу после присоединения Казанского ханства к Москве русское правительство стало принимать меры для быстрого восстановления торговых сношений через Казань с восточными странами, нару-

¹ МИУТ и ТССР, стр. 98.

² Веселовский — Н., т. I, стр. 7.

³ Основная разница между желованной грамотой и проезжей заключалась в том, что последняя была действительна только на один раз, в то время, как жалованная грамота служила пропуском в Москву на неопределенное время.

⁴ В. Семенов. Указ. изд., стр. 96.

⁵ ПСРЛ, XIX стб. 23, 229.

На Гостинном острове Казанская ярмарка собиралась до 1525 г., когда она в силу осложнившихся взаимоотношений между Русским государством и Казанским ханством была переведена в Нижний Новгород. М. Н. Тихомиров. Новый памятник Московской политической литературы XVI века. В кн. «Труды общества изучения Московской области», в. 6.

⁶ ПСРЛ, т. XIX стб. 130.

⁷ Сказания кн. Курбского. СПб., 1842, стр. 31.

шенных в период военных действий. Так, уже в январе 1553 года, т. е. спустя три месяца после взятия Казани, в грамотах царя Ивана Васильевича к ногайским мирзам говорилось: «А которые будут ваши земли гости или иных земель гости похотят от вас ити в Казань торговати и ты б им велел ходити торговати в Казань безо всякого опасу. А мы наместнику своему казанскому кн. Ал. Бор. Суздальскому приказали гостем вашим, и иных земель гостем в Казани торг давати безо всякие обиды»¹.

Из посольских дел второй половины XVI века явствует, что бухарцы, хивинцы, гиланцы, шемахинцы и иранцы вели в Казани постоянную торговлю², главным объектом которой являлись ткани. Этим и объясняется такое изобилие восточных материй в церковных описях Казани. На постоянное пребывание в Казани армянских купцов указывает наличие в городе многолюдной армянской слободы (в районе современной Спартаковской ул.), образовавшейся здесь еще в первой половине XV века³.

«Тезицкий двор», где производилась торговля восточными товарами, расположен был в центре Казанского посада, на Спасской площади⁴. Недалеко находилась конная площадка, на которой шла продажа ногайских лошадей, до 20 тыс. голов ежегодно. Казань являлась рынком и для рогатого скота. Количество пригоняемых из Ногайской Орды овец доходило в иные годы до 20300 голов⁵.

Размахом торговых операций Казань была обязана не только своему положению на важнейшем торговом пути из России в государства Востока. Дело в том, что этот город с прилегающим к нему районом являлся центром производства тех продуктов (кожа, воск, мед, меха), которые имели большое значение в экспорте на Восток. Вот почему Казань вскоре после присоединения к России приобрела значение крупного русского центра по торговле с Востоком.

Что касается Нижнего Новгорода, то в рассматриваемый период он являлся главным пунктом всего волжского судоходства, через него проходило все движение товаров между Астраханью и внутренними рынками государства. Сюда стекались из Москвы и «верховых» городов товары, предназначенные для отправки весной на судах в Астрахань и далее на Восток. Сюда же поздней осенью прибывал караван «с низу», с которым следовали с товарами восточные купцы, имевшие разрешение правительства на проезд в Москву. Обычно из Нижнего эти товары увозились внутрь страны уже зимой по снежному пути.

Через Нижний перегонялись в Москву и табуны ногайских лошадей. Строго наказывалось, чтобы при прогоне коней «от ногайских послов и от торговых людей русским всяким людям обиды и насильства никоторых не было и кормов бы своих и конских силно не имали и хлеба и сен кошенных

¹ ПДРВ, т. IX, стр. 66, 68, 71.

² Веселовский — Н., т. I, стр. 23, 56, 103, 152, 153, 198—199, 241, 242, 295, 389; т. II стр. 56—57, 101, 104, 108; МИУТ и ТССР, стр. 107.

³ Б. В. Миллер. Об армянских надписях в Болгарах и Казани. Известия Российской Академии материальной культуры, т. IV, Л., 1925 г.

⁴ Т. Заринский. Очерки древней Казани. Казань, 1877, стр. 158, 159.

⁵ ПДРВ, т. IX, стр. 209.

не травили, а ставились с ними на пустошах или на кошенных лугах бережно, чтоб от них хлеба и кошеному сему убытка... не было»¹.

Однако Нижний Новгород являлся для восточных купцов не только транзитным пунктом на пути из Астрахани в Москву, он сам привлекал их изделиями местного производства. Здесь тезики нередко закупали кожу, спрос на которую был на Востоке очень велик². Известно, что значительная группа татарского купечества постоянно проживала в Нижнем Новгороде»³.

Из восточных изделий только часть оставалась и потреблялась в Поволжье, преобладающая же масса их направлялась дальше к Москве и растекалась большими и малыми партиями по разным городам Русского государства. Например, в Таможенной Белозерской грамоте (1551 г.) перец назван среди основных товаров Белозерского рынка⁴. По всей видимости, в Белозерск восточные продукты поступали из нижнего и среднего Поволжья через Ярославль или через город Дмитров, который, как известно, вел оживленную торговлю с северными городами,⁵ а также с Казанью. В «Записках о Московитских делах» Герберштейн указывает, что купцы города Дмитрова «имеют великие богатства, так как они без особого труда возят из Каспийского моря по Волге товары по различным направлениям и даже в самую Москву»⁶. Выписка «из грамоты таможенные Дмитровские» 1521 г. свидетельствует о том, что казанцы приезжали торговать в Дмитров⁷.

Восточные товары можно было встретить и в Сольвычегодске. Так, в описи имущества Благовещенского собора этого города за 1579 год упоминается множество среднеазиатских, иранских и турецких шелковых и хлопчатобумажных тканей и восточная керамическая посуда⁸.

В Москве, являвшейся в XVI веке крупнейшим центром русской торговли и ремесленного производства, восточные изделия находили наиболее широкий сбыт. Этим объясняется настойчивое стремление восточных купцов проникнуть со своими товарами в русскую столицу. Стремлению тезиков в Москву способствовала также царская торговля заповедными товарами.

Из материалов посольской переписки XVI века нам известно, что приезд и торговли в Москве пользовались только те из восточных купцов, которые сюда были направлены своими государями с казенными товарами⁹; несомненно, что вместе с казенными товарами купцы привозили

¹ ЦГАДА, ф. 127, Ногайская посольская книга № 9, л. 12 об.

² Веселовский — Н., т. II, стр. 71—72.

³ Ш. Ф. Мухамедьяров. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства. М., 1950, стр. 260, 261.

⁴ ААЭ, т. I, стр. 225.

⁵ М. Н. Тихомиров. Город Дмитров. Дмитров, 1925, стр. 17.

⁶ С. Герберштейн. Указ. соч., стр. 122.

⁷ ААЭ, т. I, стр. 138.

⁸ И. Савваитов. Строгановские вклады в сольвычегодский Благовещенский собор. СПб., 1886, стр. 57—71.

⁹ ЦГАДА, ф. 89, Турецкая книга № 1. лл. 206, 216, 315 и 315 об., 323, 324 об., 328, 333, 335—336, 341, 386, 400 об., 406 об.; кн. № 2, лл. 137, 227 об., 241; Веселовский — Н., т. I, стр. 208, 292, 310; т. II, стр. 11, 58.

План Москвы конца XVI — начала XVII вв.

на продажу и свою «рухлядь». Кроме того, тезики попадали в Москву и в свитах посланников и с гонцами, которые приезжали в Русское государство из Турции, Ирана, Средней Азии и Ногайской Орды¹. Повидимому, это было в то время обычным явлением. В «Памяти» переводчику Богдану Тенишеву, посланному в 1585 г. встречать в Коломне турецкого посла, мы читаем: «Роспросити ему турецкого посланника Ибрагима Чауша вместе с приставом с Федором с Писаревым, что с турецким посланником идет торговых людей и что с ними каких товаров, а роспрся товары их написать в росписи, да тое роспись прислати им к Москве в Приказы к Андрею Щелкалову наперед себя»². Из этих слов можно заключить, что почти всякий посол имел в своей свите купцов, причем входивший в состав посольств торговый элемент, непричастный к дипломатической миссии, был нередко очень значителен. Например, с 13-ю ногайскими послами в 1553 году приехало в Москву 1000 человек гостей³. Так как товары, принадлежавшие чле-

¹ ЦГАДА, ф. 89, Турецкая книга № 1, лл. 328 об., 329; книга № 2, л. 49 об., Веселовский — Н., т. I, 305; МИУТ и ТССР, 98; ПДРВ, т. VIII, стр. 92, 188, 219, 249, 289, 293; т. IX, стр. 16, 35, 51, 72, 90, 105, 189, 203, 219; т. X, стр. 10, 14, 90, 153, 210; т. XI, стр. 173.

² ЦГАДА, ф. 89, Турецкая посольская книга № 2, л. 468.

³ ПДРВ, т. IX, стр. 72.

нам посольства, не подлежали оплате пошлиной, то правительство Федора Ивановича, желая ограничить пределы беспошлинного торгова, дало в 1587 году строгий наказ астраханским воеводам сократить состав пропускаемых в Москву посольских свит до 10—15 человек¹.

В источниках XVI века не встречается указаний на то, в каком гостинном дворе производилась в Москве торговля восточными товарами, и существовал ли здесь в это время Персидский двор, упоминаемый в XVII веке. Под 1599 годом в «Памяти» из Посольского приказа Савину Воейкову о выезде с Кучумовым семейством из села Ростокина в Москву упоминается лишь Армянский двор², что указывает на то, что армянские купцы являлись частыми посетителями русской столицы.

Следует отметить, что в рассматриваемое время армянское купечество играло в восточной торговле значительную роль. Оно развивало широкую экономическую деятельность в Азербайджане и Иране и было связано оживленными торговыми сношениями с европейскими государствами. Наряду с шелком-сырцом, главным объектом торговых операций армян последнее веки еще крупную торговлю драгоценными камнями, мехами, кожей и воском.

В отношении торговли ногайских купцов, пригонявших в Москву табуны лошадей в несколько тысяч голов, известно, что их «ставили» или на Ногайском дворе (в Замоскворечье) или же, что бывало чаще, за городом «на лугу против Симонова» и близ Красного села. Караван ногайский ставили «повместнее не широко, чтоб уберечи было лъзя ото всякого воровства», и около него ставили охрану. Торговля на месте стоянки ордобазарцев не разрешалась. В «Памяти» воеводам Сабурову и Маркову, приставленным к ногайским послам, было сказано: «и того беречи накрепко, чтоб в корованы не ездили никаких человек и не торговал в корованах никто ни чем». До тех пор, пока «государь, царь и великий князь ногайским послам и торговым людям базар велит дати»³, ногайские купцы не смели выйти «из заставы». Повидимому, продажа лошадей производилась на Конной площади.

Из проекта договора с султаном об условиях пребывания русских купцов в Турции и турецких купцов в Русском государстве, составленного в Москве в 1515 году, видно, что кроме столицы государства, «турчане» торговали преимущественно в Великом Новгороде⁴. В конце XVI века, как можно судить по таможенным уставным грамотам царя Федора Ивановича, в Великом Новгороде торговали не только турецкие купцы, но и армяне. Так, в грамоте 1586 года о сборе явчей, пятинной и привозной пошлины в этом городе, говорится: «а с иноземцев, с Литвы, и с турчан, с Армен и с иных иноземцев, oprичь немец, явки с головы с человека имати по 2 алтына...»⁵. Из этих слов явст-

¹ П. Х. Хлебников. Астрахань в старые годы. СПб., 1907, стр. 108.

² АИ, т. II, стр. 19. Армянский двор, согласно этому документу, находился в Белом городе, близ Ильинских ворот.

³ ПДРВ, т. VIII, стр. 95, 188, 289; т. IX, стр. 91; т. X, стр. 10, 14, 50, 58; ЦГАДА, ф. 127, Ногайская посольская книга № 9, лл. 16 об., 17 об., 19 об.

⁴ РИО, т. 95, стр. 120.

⁵ ААЭ, т. I, стр. 401.

вует, что наряду с западными купцами «турчане» и «армене» систематически посещали этот город.

В грамоте 1586 года о сборе на гостиных дворах Новгорода поворотной¹ пошлины турецкие и иранские ткани и шелк-сырец названы среди основных товаров, облагаемых данной пошлиной²; этот факт в свою очередь подтверждает наличие регулярного привоза в Великий Новгород продуктов восточных стран.

Вероятно, взамен шелковых, шерстяных и хлопчатобумажных тканей и шелка-сырца турецкие и армянские купцы увозили из Новгорода произведения местного края — меха и кожу. Во всяком случае в отношении армян известно, как это и выше указывалось, что в XVI веке они вели крупную торговлю этими товарами³.

Торговля восточными изделиями производилась в Новгороде не на особом дворе, как в других русских городах, а на Псковском и Тверском гостиных дворах, где ставились «гости из всяких городов»⁴.

Неизвестно каким путем направлялись в XVI веке восточные купцы в Новгород, лежал ли их путь через Москву или они проезжали туда, минуя столицу. В отношении армянских купцов известно, что во второй половине XVII века они обычно ездили в Новгород через Москву⁵.

В приходо-расходных книгах Соловецкого монастыря второй половины XVI века имеется интересное указание, что восточные товары — камка, бархат и другие нередко приобретались старцами монастыря в Сумском посаде у новгородских купцов⁶. Следовательно, в Великом Новгороде товары, привезенные турецкими и армянскими купцами, только частично потреблялись на месте; повидимому, значительная их часть развозилась русскими купцами по городам Новгородской области. Кроме названных городов, следует указать еще Рязань, где торговали крымские базаряне и Путивль на западной границе государства, где русские купцы торговали с турками, татарами, армянами и греками. Известно, что в конце XV века Путивль посещали «люди торговые Коломничи и Можгаичи» и приобретали здесь шелк-сырец, шелковые и шерстяные ткани, краски и другие товары Востока⁷. В новоторговом уставе Путивль назван как город, через который ввозились в Россию продукты Ближнего Востока, и как центр торговых операций с греческими купцами⁸.

В первой половине XVI века, согласно данным Герберштейна и Штадена, восточные купцы могли ещё беспрепятственно приезжать в Холопий

¹ Пошлина на вывоз товара с гостиного двора, которая платилась покупателем.

² ААЭ, т. 1, стр. 399.

³ С. В. Тер-Аветисян. Город Джуга. Тбилиси, 1937, стр. 45.

⁴ Лавочные книги Новгорода Великого за 1583 год под ред. Бахрушина. М., 1930, стр. 91—92.

⁵ В «Хождениях» Аграфенья и Епифания (XIV—XV вв.) обозначен путь в Царьград. Он шел из В. Новгорода через В. Луки на Минск — Слуцк и Белград; из Верхних Лук шли на Слуцк так же через Витебск (см. Палестинский сб., вып. 15. СПб., 1887, стр. 1, и Палестинский сб., вып. 48, СПб., 1896, стр. 1).

⁶ Е. С. Зевакин. Персидский вопрос в русско-европейских отношениях XVII в. Изд. № 8, 1946, стр. 158.

⁷ ЦГАДА, ф. 1201, № 5, л. 54; № 209, л. 81 об.

⁸ РИО, т. 35, стр. 26.

⁸ СГГид, т. IV, № 55.

городок в устье Мологи, где ежегодно устраивалась большая ярмарка, действовавшая в течение нескольких месяцев. Но в 60—70 годах этого века ярмарка в устье Мологи более не собиралась, и Холопий городок запустел¹.

Из других русских городов, в которых велась восточная торговля, необходимо отметить также сибирские города Тобольск и Тару, основанные в конце XVI века. Сюда приезжали для торговли ногайцы и среднеазиатские тезики², которым, по словам бухарского посла Муллофора (был в Москве в 1671 году), «ход... на Тобольск податнее Астрахани»³.

В XVII веке эти города играли уже большую роль в торговле Москвы со Средней Азией.

Итак, деятельность восточных купцов в Русском государстве была в XVI веке территориально ограничена. Наряду с Москвой, важнейшим центром сбыта восточных изделий, торговля ими производилась преимущественно в пограничных городах России — Астрахани, Казани, Путивле, Великом Новгороде, Таре и Тобольске, причем первые три города являлись не только центрами самостоятельных торговых операций, но и важными транзитными пунктами.

Характерна известная локализация торговых операций этих городов, обусловленная в значительной мере их удобным географическим положением по отношению к контрагентам Русского государства: сибирские города посещались исключительно среднеазиатскими и ногайскими купцами; Казань торговала с Ираном, узбекскими ханствами и с Ногайской Ордой, но не имела, повидимому, прямых сношений с Турцией; Новгород Великий, который вел оживленную торговлю с Оттоманской Портой, обусловленную, вероятно, более ранними торговыми связями новгородцев с этой страной, не производил торговых операций с бухарскими, хивинскими и ногайскими купцами; Путивль, стоявший на западной границе России, был центром торговли с Турцией и Крымом.

Территориальное ограничение торговли восточных купцов пограничными городами проводилось московским правительством в целях более полного охвата этой торговли пошлинным обложением, т. е. в интересах фиска.

Несмотря на ограниченное количество пунктов, открытых правительством для торговли восточных купцов, предметы восточного импорта имели в России широкое распространение. Русское купечество снабжало восточными товарами не только города русского центра, но и весьма отдаленные районы севера и северо-востока государства.

Это свидетельствует о немаловажном значении восточной торговли для русского внутреннего рынка.

¹ С. Герберштейн. Указ. соч., стр. 90; Г. Штаден. О Москве Ивана Грозного, М., 1925, стр. 66.

² МИУТ и ТССР, стр. 107—108.

³ Сборник кн. Хилкова. СПб., 1879, стр. 527.

ПРЕДМЕТЫ РУССКОГО ВЫВОЗА И ВВОЗА

Имеющиеся в нашем распоряжении источники не дают возможности составить полное представление об общем объеме торговых операций и об экономической структуре русской внешней торговли XVI века. Однако эти материалы все же позволяют определить круг товаров и их удельный вес в русском экспорте и импорте.

Рассмотрение структуры русско-восточной торговли XVI века начнем с обзора русского экспорта, имевшего, как будет показано ниже, гораздо большее экономическое значение во внешних торговых связях России, чем импорт изделий восточного производства.

Прежде всего, следует подразделить весь русский вывоз на две основные группы: 1) на товары отечественного происхождения (изделия ремесла и промыслов, продукция сельского хозяйства) и 2) на реэкспортные товары, т. е. изделия западных стран, вывозившиеся Русским государством на Восток¹.

Первая группа товаров имела несравненно большее значение в русском вывозе, причем внутри ее преобладали изделия ремесленного производства и промыслов.

Изделия ремесленного производства, составлявшие одну из важнейших статей экспорта, складывались в основном из продукции кожевенного, металлообрабатывающего и текстильного производств.

Самую значительную часть в этой группе экспортных товаров составляли кожи, отличавшиеся высоким качеством, относительной дешевизной и имевшие поэтому широкий

¹ Помимо торговли вышеперечисленными группами товаров можно еще отметить торговлю ясырем, т. е. пленными, хотя она имела ничтожное значение во внешней торговле России.

Восточным купцам разрешалось покупать пленный в ограниченном числе (1—10 человек) со строгим наказом, чтобы «они русских людей за неметцкой полон и неметцкого полону крещенного не покупали». Покупка пленный происходила преимущественно в гг. Касимове, Переяславле Рязанском, Нижнем Новгороде и Свияжске.

сбыт на рынках Востока. Известно, например, что в числе товаров, которые бухарский царь и иранский шах поручили закупать своим тезикам в Москве, одно из первых мест занимала кожа¹. Просьба о присылке из России кожи и изделий из нее неоднократно встречалась и в грамотах ногайских князей².

О размерах вывоза кож в Среднюю Азию и Иран известное представление дают сохранившиеся в дипломатической переписке перечни товаров, приобретенных отдельными тезиками в Русском государстве. В 1589 году бухарские послы Мухаммед-Али и Достум вывезли к себе на родину 700 кож «юфтей мостовых»³. В 1595 году с иранским гонцом Анди-беком и купцом Али-Хосровом «пошло из Москвы» 200 «юфтей телятин» и ролдуги и 2400 гзов конских. В 1601 году иранский купец Магметя купил в Москве 150 «юфтей кож телятиных красных»⁴.

Повидимому, в относительно меньшем количестве кожи экспортировались в Турцию, где кожевенное производство было достаточно развито⁵, а также в Крым. Наши источники содержат данные, что кожа и кожевенные изделия — сёдла, уздечки и другие предметы конского снаряжения встречались среди товаров, вывозившихся в эти государства в конце XV и начале XVI века⁶. В середине и в конце XVI века кожа однако уже не фигурирует в списке товаров, которые закупались в России турецкими купцами.

Главными центрами производства экспортных кож являлись Казань, Нижний Новгород, Муром, Москва, Кострома и Ярославль⁷. Сырьем для кожевников служили лосиные, воловьи, козлиные, овечьи и конские шкуры, а также шкурки пушных зверей (лисиц, соболей, песцов), мех которых не мог быть использован по тем или иным причинам. Эти шкурки шли на изготовление мелких кожаных поделок.

Вывозившиеся на Восток кожи имели весьма широкий сортимент. Среди них мы находим красную юфть — кожу, окрашенную растительными красителями, юфть мостовую — выдубленную неокрашенную кожу, ролдугу — шкуру, выделанную в замшу, гзы или хозы — «задок» конской шкуры особой выделки. Последний сорт кожи отличался большой прочностью и использовался обычно на изготовление ножен для сабель, ножей, кинжалов. Известно например, что среди даров бухарского посла царю Федору Ивановичу встречается «сабля булатная навожена золотом, ножны хоз черной»⁸.

¹ МИУТ и ТССР, стр. 100—102; Веселовский — Н., т. I, стр. 213.

² ПДРВ, т. IX, стр. 268, 285; т. X, стр. 162.

³ МИУТ и ТССР, стр. 104—105.

⁴ Веселовский — Н., т. I, стр. 311; т. II, стр. 58.

⁵ В первой половине XVII в. изделия кожевенного производства являлись важнейшей статьей турецкого вывоза. (А. А. Аджан. Ремесленная промышленность Константинополя в первой половине XVII в., Л., 1936, стр. 3).

⁶ РИО, т. 41, стр. 394, 396, 406, 408—409; В. Семенов. Указ. изд., стр. 91; С. Герберштейн. Указ. соч., стр. 96.

⁷ МИУТ и ТССР, стр. 100, 105; Веселовский — Н., т. II, стр. 71—72; Флетгер. О государстве Русском. СПб., 1906, стр. 16; Н. Костомаров. Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII вв. СПб., 1889, стр. 314.

⁸ МИУТ и ТССР, стр. 98.

Вывозились и «сырые яловичьи» шкуры¹, под которыми, повидимому, следует понимать то, что в настоящее время принято называть «сыромятью» — тяжелый кожевенный товар, идущий главным образом на изготовление конской упряжи и ремней. «Яловичья сырая» кожа, благодаря ее сложной обработке и величине, стоила значительно дороже других сортов кожи.

По данным Торговой книги конца XVI века стоимость кожевенного товара в Москве была следующая: кожи яловичьи сырые продавались по 2 рубля 10 алтын с деньгою, красная юфть стоила от 40 алтын до 2 рублей, а роддуга — 1 рубль 10 алтын 4 деньги².

Кожа, имевшая большой спрос на Востоке, была в царствование Федора Ивановича причислена к «заповедным товарам»³, т. е. к товарам, изъятым из свободного торгового обращения, торговля которыми являлась монополией казны.

Что же касается торговли кожевенными изделиями, то, по всей видимости, она не была стеснена. В числе последних в русском экспорте упоминались сбруя и обувь, вывозившиеся преимущественно в узбекские ханства и Ногайскую Орду⁴. Повидимому, в конце XV и начале XVI веков Россия отправляла кожевенные изделия также в Казанское ханство⁵ и в Астраханское.

Большой интерес представляет вывоз из России предметов вооружения, находивших большой спрос на рынках Ирана, Средней Азии, Ногайской Орды и Крыма.

Оружие также относилось к числу заповедных товаров. Так, в 1579 году, в «Памяти» воеводе Сабурову, приставленному в Москве к ногайским послам, железные наконечники стрел, сабли и рогатины названы заповедным товаром, для покупки которого требовалось особое разрешение правительства. Из проезжей грамоты 1589 года, выданной отпущенным из Москвы бухарским послам, известно, что и кольчатые оборонительные доспехи были изъяты из свободного торгового обмена. В наказе 1595 г. Юрию Стромилову, провожавшему иранского посла Анди-бека и купца Али-Хосрова, встречается еще одно указание, какие предметы вооружения считались в России заповедными. К последним, кроме вышеупомянутых, относились также шлемы и саадаки⁶ (полный прибор вооружения, состоявший из стрел с луком).

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы указывают, что в Иране спрос на кольчуги «очень хорошего качества, которые могли бы выдержать удары стрелы» был значительным. В грамотах кизылбашских шахов часто

¹ Веселовский — Н., т. 1, стр. 213; Готье — Ю., стр. 184.

² Записки отдел. русск. и слав. археологии, 1851, т. I, стр. 131—132.

³ МИУТ и ТССР, стр. 99—100; Веселовский — Н., т. I, стр. 311; т. II, стр. 72, 75.

⁴ Готье — Ю., стр. 184; ПДРВ, т. IX, стр. 268; там же, т. VIII, стр. 72.

⁵ Ш. Ф. Мухамедьяров. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства. М., 1950, стр. 274.

⁶ ЦГАДА, ф. 127, Ногайская посольская книга № 9, л. 17 об., МИУТ и ТССР, стр. 105—106; Веселовский — Н., т. I, стр. 310.

встречалась просьба разрешить шаховым купцам покушку панцырей в Русском государстве»¹.

Но казна разрешала приобретать предметы вооружения на вывоз лишь в ограниченном количестве. В дипломатической переписке мы встречаем один только случай, когда кизылбашским купцам разрешено было вывезти из России 120 панцырей, обычно же количество панцырей, купленных среднеазиатскими и иранскими тезиками, составляло не более 10—50 штук².

Панцыри, как наиболее ценный объект торговли, поступали в Иран также в виде «поминков», служивших своеобразной формой товарообмена с восточными странами³. В качестве поминков они посылались и в Крым, и в Ногайскую Орду в связи с постоянными запросами последних на панцыри, которых «стрела бы... не иняла»⁴. В Ногайскую Орду, как явствует из переписки Москвы с ногайскими мурзами, вывозились, кроме того, шлемы, наручи, наколенки, сабли, саадаки и военные музыкальные инструменты: накры, сурны, бубны⁵.

Особое значение имел вывоз из Русского государства огнестрельного оружия, являвшегося большой редкостью на Востоке. В виде «поминков» оно вывозилось и в Ногайскую Орду, впервые познакомившуюся с этим видом оружия через торговлю с Русским государством, и в Иран, где огнестрельное оружие имело еще очень слабое распространение»⁶.

К сожалению, источники не позволяют установить удельный вес этих изделий отечественного производства в общем вывозе страны. Отсутствуют даже указания на стоимость русского оружия. Можно только предполагать, что огнестрельное оружие, так же как и многие другие предметы вооружения, составляло в натуральном и ценностном выражении малочисленную группу экспортных товаров. Вывоз вооружения, по всей видимости, имел больше политическое, чем экономическое значение.

К предметам уникального значения в вывозе относилась ещё продукция московских серебряников. Серебряные кубки, стопы, ковши, золотые перстни, серебряные с позолотой рукоятки и лохани попадали в Иран, Но-

¹ Готье — Ю., стр. 235; Веселовский — Н., т. I, стр. 190, 213, 306. В дипломатической переписке под общим названием «панцырь» обычно понимали различные виды кольчатых оборонительных доспехов — кольчуги, собственно панцыри и байданы. Основное различие между отдельными видами кольчатого доспеха заключалось в форме колец и способе их крепления. Так, например, круглые кольца кольчуги крепились заклепкой — гвоздем, образующим по круглой головке на обеих сторонах кольца. Уплощенные кольца панцыря крепились при помощи шипа; последний, укрепленный на одном конце кольца, ударом молотка или отжимными щипцами вгонялся острием в другой расплюснутый конец кольца. Крепление плоских колец байданы происходило внакладку, т. е. концы колец накладывались один на другой. (Н. В. Гордеев. Русский оборонительный доспех. Сб. «Государственная Оружейная палата Московского Кремля». М., 1954.).

² МИУТ и ТССР, стр. 105, Веселовский — Н., т. I, стр. 213.

³ Веселовский — Н., т. I, стр. 169, 246.

⁴ РИО, т. 95, стр. 25; ПДРВ, т. VIII, стр. 29, 48, 112, 197; т. X, стр. 31—32.

⁵ ПДРВ, т. VIII, стр. 27, 29, 47, 182—183, 197; т. IX, стр. 156, 280; т. X, стр. 107.

⁶ ПДРВ, т. VIII, стр. 86; т. X, стр. 107; Веселовский — Н., т. I, стр. 149, 304.

Образец русского огнестрельного оружия —
пищаль с фитильным замком и кнопочным спуском конца XVI века
Государственный Исторический музей

гайскую Орду и Крым исключительно в виде «поминков»¹, служивших в XVI веке, как выше отмечалось, одной из форм товарообмена.

Из других предметов русского ремесленного производства наибольшее экономическое значение в экспорте на Восток имели металлические изделия хозяйственного значения — топоры, ножи, гвозди и др.

Основными центрами металлообрабатывающего производства были в XVI веке в России Тверь и Вологда. Тверь славилась изготовлением гвоздей, а Вологда специализировалась на производстве топоров и ножей, причем продукция тверских и вологодских ремесленников шла не только на широкий внутренний рынок, но также и на внешний².

Несмотря на то, что в XVI веке металлические изделия относились к заповедным товарам, они, повидимому, имели широкий сбыт на рынках Востока³. По свидетельству Герберштейна, топоры и ножи уже в первой четверти столетия относились к числу важнейших предметов русского вывоза в «Татарию»⁴. Изделия из железа вывозились также в Ногайскую Орду и Иран.

Особенно велик был спрос на железные товары в Ногайской Орде. В 1556 году из Орды пришел запрос в Москву о присылке 500 тысяч штук гвоздей, в 1557 году — о присылке 300—400 тыс. гвоздей (повидимому, сапожных), в 1558 году один из ногайских князей просил прислать 4 тыс. гвоздей седельных⁵.

Хотя нам неизвестно, была ли просьба ногайских князей удовлетворена полностью, все же приведенные примеры дают некоторое представление о размерах вывоза этого вида изделий.

В Иран экспортировались главным образом железные ножи. В 1595 году с кизылбашским купцом Али Хосровым «пошло из Москвы» 200 «тахи-лей» ножей; в 1601 году для шаха Аббаса было куплено 1½ бочки ножей⁶.

¹ Веселовский — Н., т. I, стр. 149, 158, 246; ПДРВ, т. XI, стр. 18, 112; РИО, т. 95, стр. 25.

² Б. А. Колчин. Обработка железа в Московском государстве в XVI в. Материалы и исследования по археологии СССР, т. XII, стр. 203.

³ ЦГАДА, ф. 127, Ногайская посольская книга № 9, л. 17 об.; Н. Веселовский, т. I, стр. 310.

⁴ С. Герберштейн. Указ. соч., стр. 91.

⁵ ПДРВ, т. IX, стр. 241, 303; т. X, стр. 31—32.

⁶ Веселовский — Н., т. I, стр. 311; т. II, стр. 58.

Мы не располагаем прямыми указаниями о сбыте в XVI веке металлической продукции русского производства в Средней Азии. Между тем, основываясь на приказе царя Федора Ивановича татарскому воеводе от 1596 г. о предоставлении тезикам права беспошлинной торговли в городах Сибири с одним лишь ограничением в отношении заповедных товаров, в состав которых входили топоры и ножи, можно заключить, что последние экспортировались и в узбекские ханства¹.

Немаловажное место в русском вывозе на Восток занимала продукция деревообделочного производства. Москва вывозила «стрельную стружу» (древки для стрел), деревянную посуду, деревянные ларцы. «Деревца стрельные», служившие полуфабрикатом для изготовления стрел, не раз упоминаются в вывозе в Иран, где на них существовал большой спрос. Например, купцу Искандеру было приказано шахом Аббасом приобрести в Москве 60 тыс. «деревец стрельных». Обычно в руках одного купца количество стрельной стружи доходило до 12—13 тыс.² Кроме Ирана, стрельная стружа экспортировалась в Крым и Ногайскую Орду.

«Деревца стрельные» считались, так же как и саадаки, заповедным товаром. В их списке, наряду со стрельной стружей, упоминается еще береста, применявшаяся как материал для подбивки седел и оклейки луков. Береста продавалась на пуды, причем отдельные восточные купцы ее закупали до 30 пудов³.

Согласно указанию Дженкинсона, деревянная посуда (блюда, тарелки, ковши и другие) поступала в среднеазиатские ханства⁴; поступала она в качестве даров и в Турцию. Крупными центрами производства деревянной посуды являлись в XVI веке районы Калуги, Твери, Москвы, Новгорода и Владимира, где вырабатывалась посуда разнообразных форм и высокого качества⁵.

Что касается деревянных ларцов, то они особенно ценились в Ногайской Орде. Сохранилось известие, что ларцы приобретались в Москве ногайскими послами и купцами в таком количестве, что в 1579 году правительством было предписано «без указу ларцов и коробей окованных многих» не продавать. В «Памяти» воеводам Сабурову и Маркову, которым царь «велел быти для своего дела на Москве у ногайских послов», указывалось: «а коробки ноугородские и ларцы окованные продавали б с воеводского ведома сколько числом послом коробей велят продавати, а воеводам о том указ будет»⁶.

Сравнительно реже упоминаются в русском экспорте на Восток текстильные изделия. Встречаются лишь отдельные упоминания о вывозе в этот период холста, полотна, крашенины и сукна. Однако данными о размерах этого вывоза мы не располагаем. Известно лишь, что русские материи пре-

¹ МИУТ и ТССР, стр. 108.

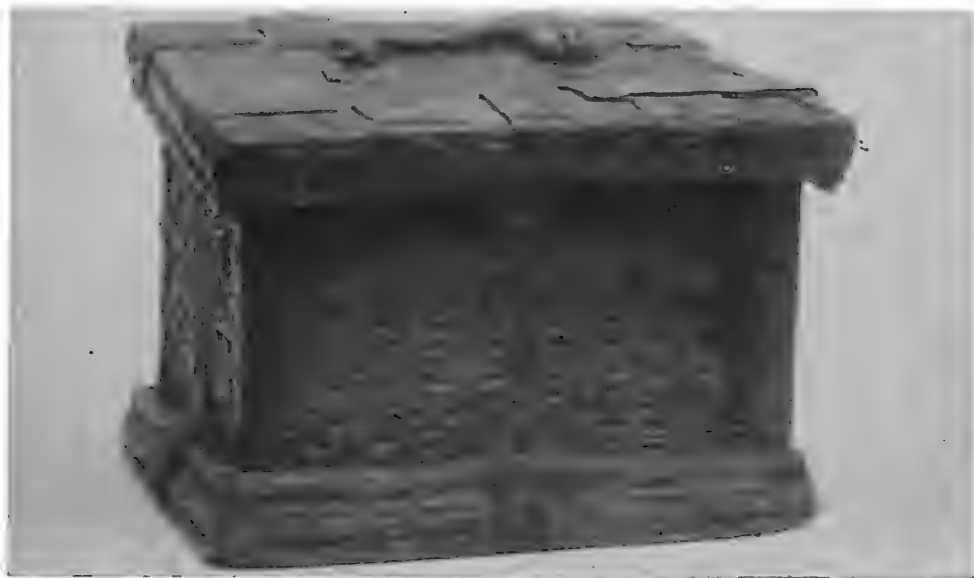
² Веселовский — Н., т. I, стр. 213, 311; т. II, стр. 58.

³ ЦГАДА, ф. 127. Ногайская посольская книга № 9, л. 17 об.; Веселовский — Н., т. I, стр. 311.

⁴ Готье — Ю., стр. 184.

⁵ С. К. Просвиркина. Русская деревянная посуда. М., 1955, стр. 6—7.

⁶ ЦГАДА, ф. 127. Ногайская посольская книга № 9, лл. 18—18 об.

Деревянные ларды XVI века
Государственный Исторический музей

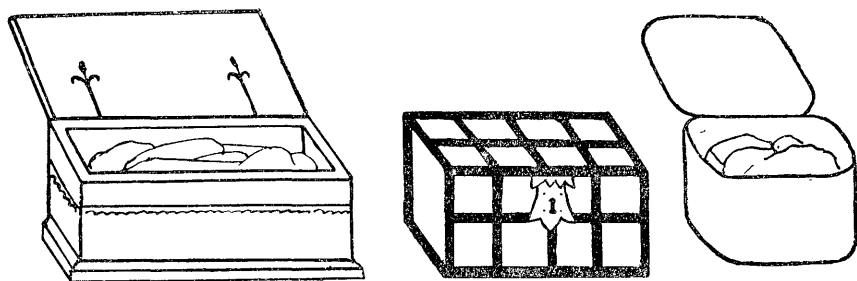
*Деревянный ларец XVI века
Государственный Исторический музей*

Образцы русской деревянной посуды XVI века.
 1. Ставец с крышкой. 2. Стакан. 3. Ставец с крышкой, открытый
Государственный Исторический музей

Образцы русской деревянной посуды XVI века
1. Тарель. 2. Ковш

Деревянные сундуки и лубяная коробка
(с миниатюры XVI века)

имущественно направлялись в среднеазиатские ханства и в Ногайскую Орду¹.

Наряду с тканями экспортировались швейные изделия — однорядки, кафтаны, тегилы из шерстяных, шелковых и хлопчатобумажных тканей. Сукном и шелковыми тканями часто покрывались вывозившиеся на Восток меховые шубы; последние нередко поступали в продажу и сшитые кожей наружу (нагольные шубы).

Изделия швейного производства вывозились во все страны Востока, но особенно значительным был вывоз их в Ногайскую Орду. О степени нуждемости ногайцев в предметах русской одежды свидетельствуют, между прочим, слова одного из ногайских князей: «и толко мне, завоеватца (с Москвой. — *М. Ф.*), и мне самому ходити нагу»².

Рыночные цены на предметы одежды колебались в весьма широких пределах, в зависимости от сорта и качества тканей и меха. Например, шуба камчатая на соболях стоила от 30 до 80 рублей; нагольная горностаевая шуба около 17 рублей; цена горлатных лисьих шапок, бывших в большом употреблении, колебалась от 1 до 10 рублей³.

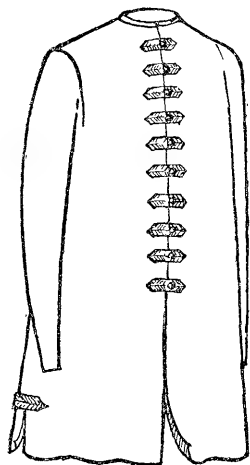
В русском вывозе в страны Востока в XVI веке значатся ещё пищевые продукты, но их экспорт как видно из источников, не имел существенного значения. Так, из России экспортировались солод и вино. О вывозе солода,

¹ ЦГАДА, ф. 127, Ногайская посольская книга № 9, л. 18; ПДРВ, т. IX, стр. 97; Готье — Ю., стр. 184.

Из отчета о торговой поездке ширазского купца хадже Шамс ад-дина Мухаммеда 1438 г. видно, что русское полотно (льняной текстиль), известное разным странам Востока с весьма отдаленных времен, имело большой спрос на восточных рынках. Б. Н. Заходер. Ширазский купец на Поволжье в 1438 г. Кр. сообщения Ин-та востоковедения, вып. XIV.

² ПДРВ, т. IX, стр. 103.

³ Веселовский — Н., т. I, стр. 202; Расходная книга Казенного двора 1584—85 гг. Дополнения к Актам Историческим (сокращенно ДАИ), т. I, стр. 199, 205. Шапки обшивались мехом с горла, т. н. «душек» зверей, в связи с чем и назывались горлатными.

Однорядка — верхняя одежда — шилась обыкновенно из сукна и других шерстяных тканей

который приготавливался московскими и казанскими соловьяниками из проросших зерен, встречается упоминание под 1601 годом, когда кнзизылбашским послом Перкула-беком было закуплено в Казани 40 четвертей солоду¹.

Вино (водка) хотя и не относилось к запоевным товарам, но по существу являлось таковым, вывозилось в Иран и Среднюю Азию в виде «поминков» или же по особому разрешению московского правительства. Так, в 1589 году бухарским послам Магмед-Алею, Достуму и Кадышу было разрешено царем Федором Ивановичем купить в русских городах 100 ведер вина. Разрешение на покупку такого же количества вина было дано в 1595 году иранскому послу Анди-беку².

Следующей по важности группой товаров русского вывоза в страны Востока являлись продукты местных промыслов.

Особенно большое значение из них имели меха, высоко ценившиеся и находившие большой сбыт во всех азиатских странах. Меха, наряду с кожаной продукцией, занимали одно из важнейших мест в составе русского вывоза.

О масштабах сбыта мехов и об удельном весе пушнины в русской торговле с Востоком дают известное представление закупки отдельных купцов. Из всех товаров, закупленных в Москве в 1595 году Али-Хосровом, купцом шаха Аббаса, до 25% по стоимости составляли меха. Всего же им было вывезено около 1500 собольих, куньих, песцовых и других шкурок и «портищ» на сумму примерно в 1000 рублей³.

Еще в большем количестве экспортировались меха в Турцию. Из посольской переписи известно, что товары великого князя, отправленные в Царьград с послом Иваном Морозовым (1523 г.), состояли почти целиком из мягкой рухляди — соболей, чернобурых лисиц и беличьих шуб⁴. Но этот привоз, повидимому, не удовлетворил султана, и через год купец Скин-дер был послан Сулейманом I в Москву «рухляди купити, белки и соболя и платья» на несколько тысяч «аспр», а в 1551 году купец Андреян Грек вывез для того же султана из Русского государства мехов на 10 000 золотых, что соответствовало примерно 8000 русским рублям⁵.

Данные о размерах русского мехового экспорта в среднеазиатские хан-

¹ Веселовский — Н., т. II, стр. 70.

² МИУТ и ТССР, стр. 100—101; Веселовский — Н., т. I, стр. 305.

³ Веселовский — Н., т. I, стр. 311.

⁴ ЦГАДА, ф. 89. Турецкая посольская книга № 1, илл. 282—282 об.

⁵ Там же, лл. 315—315 об., 395 об. «Аспр» — основная монетная единица Турции, чеканенная в серебре. В 80-х г. XVI в. турецкие золотые деньги котируются на Руси из расчета 20 золотых за 16 рублей русских.

ства отсутствуют; известно лишь, что в конце в XVI века бухарский ввоз мехов (лисиц, соболей) из Сибири был настолько значительным, что Бухара даже перепродавала русские меха в Иран¹.

Будучи постоянным предметом спроса со стороны восточных правителей, русские меха проникали в указанные страны Востока, в Ногайскую Орду и Крым и в виде «поминков».

Среди вывозимых мехов первое место занимали соболи; их считали и продавали «сорóками», а лучшие экземпляры — парами и «одинацами». Последние, правда, встречались только среди «поминков». В Торговой книге XVI века указывается: «дорогие соболи — непороты и с пупки и с ногти по всем землям в цене². Наряду с целыми соболями шкурками продавались ещё отдельно соболя хребты («соболие портище» или «соболи без пупков») и брюшки («портище пупков соболях»). Цены на соболей колебались на русском рынке в зависимости от качества и цвета меха (наиболее ценился в соболе чёрный тон) от 10 до 300 рублей за «сорóк»³. Но соболи в 300 рублей за «сорóк» являлись большой редкостью, даже соболи в 100 рублей за «сорóк» не составляли обыкновенного товара, а встречались лишь в «поминках».

Горностаи, которые, так же как соболи, одинаково шли в посольских дарах и среди товаров, считались на шкурки и продавались как целыми шкурками, так и «портищами». Горностаи ценились по своей белизне; чем белее был мех, тем выше была его цена. В связи с тем, что мех горностая чрезвычайно нежен, шкурки обычно продавались в вывороченном виде, «чтобы волос не вытерся и не стал от этого хуже»⁴.

На восточных рынках были в большой цене и лисьи меха, в особенности меха чернобурых лисиц. Они продавались штуками и «портищами», нередко направлялись за границу и в «поминках»⁵.

Куний мех, благодаря своему сходству с мехом соболя и сравнительной дешевизне, также находил хороший сбыт в восточных странах. Шкурки куницы (продавались сорокáми) встречались не только среди купеческих товаров, но и среди посольских даров⁶.

Из других мехов в русской торговле с Востоком упоминаются песцы, корсаки (вид лисиц), хорьки и белки. Беличий мех считался одними из самых дешёвых и массовых и продавались тысячами. Нередко беличий брюшки, сшитые по несколько штук вместе, шли в продажу отдельно от спиннок; хребтовый беличий мех стоил примерно в два раза дороже, чем «белий черевьи» (беличий брюшки)⁷. Беличий мех вывозился в Турцию, Иран и другие страны Востока чаще всего в изделиях.

¹ Веселовский — Н., т. I, стр. 268.

² Там же, стр. 133.

³ Торговая книга, указ. изд., стр. 133; А. А. Введенский, Торговый дом XVI—XVII вв., Л., 1924, стр. 93—94.

⁴ РИО, т. 95, стр. 74—75, 542; Веселовский — Н., т. II, стр. 58; С. Герберштейн. Указ. соч., стр. 95.

⁵ Веселовский — Н., т. I, стр. 158, 339; РИО, т. 95, стр. 273, 462.

⁶ ЦГАДА, ф. 89, Турецкая посольская книга № 3, л. 286 об.; Веселовский — Н., т. I, стр. 311.

⁷ Опись именя М. Татищева. «Временник», т. VIII, стр. 6.

Бобры среди экспортных товаров упоминаются не часто; вместе с мехом бобра в русском вывозе встречается «бобровая струя» — настойка из выделений желез бобра, употреблявшаяся в лечебных целях, а также в ко-жевенном производстве¹.

Характерно, что в «поминках», посылаемых на Восток, встречаются даже живые звери. В 1595 году царь Федор Иванович послал шаху Аббасу живых медведей, белого и черного. В том же году с послом шаха Ымам Кулы-беком было отправлено по распоряжению Бориса Годунова «2 соболя живых, 2 лисицы черные, 2 куницы живые»².

В Русском государстве пушной промысел был развит как в европейских, так и в азиатских владениях. Меха горностаев, бобров, куниц, белок поступали из лесов Владимирской, Смоленской и Северной областей и из местностей по Оке. Беличий мех, по словам Герберштейна, шел также «из Чувашии, недалеко от Казани», где белка была «благороднее каких угодно других». Венецианец Барбаро еще в середине XV века указывал на исключительную роль Казани, как мехового центра, откуда пушнина поступала в Персию, Польшу, Фландрию, а также на русский рынок. Из Казанского ханства Россия импортировала меха еще и в первой половине XVI века³.

Однако основные районы пушного промысла находились на севере и северо-востоке России. Это были Двинская, Пермская, Вятская и Печорская области и Сибирь, снабжавшие страну соболями, лисицами, бобрами, куницами, белками и другими ценными мехами. Главным центром заготовки русскими купцами импортной пушнины являлся по всей видимости Великий Устюг, крупный центр пушного торгова, расположенный на пути, связывавшем Печору с городами Поволжья⁴. По словам Иовия (начало XVI в.), «в Устюг жители Пермии, Печоры, Югрии, Вогулии, Пеняжане и другие отдаленные народы привозят драгоценные меха куниц, соболей, волков, рысей и черных и белых лисиц и обменивают их на разного рода товары». Далее этот автор указывает, что жители Перми и Печоры торгуют также мехами, которые они получали от «народов, живущих у океана»⁵. Торговые люди Устюга, не довольствуясь привозом мехов, сами организовали экспедиции за Урал за ценной пушниной.

Заготовка мехов для вывоза происходила и в ближайших к Уралу местностях по реке Вычегде и её притокам. Например, для покупки мехов для царя Ивана IV Яков Строганов послал в 1573 году своих людей «к Вычегде и на Вым и в Пермь», где можно было достать, наряду с мехами Пермского края, и сибирскую пушнину⁶. Известно, что в XVI веке вымичи и пусто-

¹ Веселовский — Н., т. I, стр. 311.

² Веселовский — Н., т. I, стр. 305, 395.

³ Д. Богородицкий. Очерк торговли Нижнего Новгорода за XVI и XVII вв. Киевские университетские известия, 1912, № 7. В. Семенов. Ук. изд., т. I, стр. 60.

⁴ С. Герберштейн. Указ. соч., стр. 95; Д. Флетчер. Указ. соч., стр. 15; С. В. Бахрушин. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв., М., 1928, стр. 65; В. Ключевский. Сказания иностранцев о Московском государстве, М., 1946, стр. 16, 167.

⁵ Иовий. Книга о Московском посольстве. СПб., 1908, стр. 261.

⁶ А. А. Введенский. Указ. соч., стр. 94.

зерцы стали приходить «во все сибирские города... со всякими товары и торговали во всей Сибирской земле и с остяки, и с вогуличи, и с «самоядью»¹.

ЦЕНА МЕХОВ (одной шкурки) НА МОСКОВСКОМ РЫНКЕ В XVI ВЕКЕ²

Название меха	Цена	Примечания
Соболь	10 алт.—7,5 руб.	Шкурки соболя стоимостью в полтину—рубль встречались чаще всего
Лисица чернубуря	8—10 руб.	
Куница	6 ал. 4 д.—11 алт.	
Песец	5 алт.	
Горноста́й	1 алт.	Указана цена в Холмогорах
Белка	1/2 деньги	

Таким образом, в XVI веке Пермская земля имела большое значение как посредник в торговле между Сибирью и Москвой.

Экспорт мехов в Среднюю Азию, Иран и Турцию производился как купцами, так и царской казной. К концу XVI века в связи с большим спросом восточного рынка на соболей торговля последними была, повидимому, сосредоточена в руках казны. Во всяком случае мы знаем, что в торговле с Бухарой, производившейся в сибирских городах, лучшие сорта мягкой рухляди — соболи, чернубурые лисицы и бобры считались запретными для свободной закупки их приезжими бухарцами³.

В северном же крае, являвшемся одним из основных районов заготовки импортной пушнины, производилась заготовка пера и пуха лебедей, гусей, уток и других промысловых птиц, тоже служивших предметами торговли с Востоком⁴.

Из других продуктов русских промыслов второе место после пушнины в вывозе в восточные страны занимали мед и воск; широкий спрос на воск вызывался потребностями освещения. Этот товар экспортировался в Хиву, Бухару, Иран. Сравнительно реже говорят источники о вывозе меда, что, видимо, соответствует и меньшему его значению в русском экспорте. Мед вывозился лишь в Ногайскую Орду и среднеазиатские ханства⁵.

До конца 80-х годов XVI века, как это явствует из челобитной хивинских тезиков царю Федору Ивановичу, вывоз воска на Восток не был огра-

¹ С. В. Бахрушин. Указ. соч., стр. 72. Вымичи — население Пермской земли по р. Выми; пустозерцы — жители Пустозерского городка, основанного на р. Печоре, вероятно, еще в конце XV в.

² ЦГАДА, ф. Мазурина, Приходо-расходная книга Чудова м-ря 1586 г., л. 47; ЦГАДА, ф. 89, Турецкая посольская книга № 3, лл. 73, 74; Веселовский — Н., т. I, стр. 169, 202—203, 339; Торговая книга, указ. изд. стр. 132, 133.

³ Веселовский — Н., т. I, стр. 268.

⁴ Там же, стр. 58.

⁵ МИУТ и ТССР, стр. 101, 105; ПДРВ, т. IX, стр. 289.

ничен. В этом документе, написанном не позднее 1589 года, указывается, что тезики в течение трех лет «до государевы заповеди» скупали воск в Казани «и лили в крухи большие в землю», чтобы затем кругами же везти к себе на родину. «И как, государь, твои государевы воеводы в Казани прокликали, не велели воску покупати, и мы с тех мест не учали воску покупать, и тот, государь, воск у нас твои государевы воеводы хотят взять в твою государеву казну сильно». Свою челобитную хивинские купцы закончили просьбой разрешить им вывезти в свою землю воск, купленный ими в Казани еще до запрещения¹.

После объявления воска заповедным товаром, что последовало, вероятно, в 1588 году, восточным купцам для покупки его требовалось каждый раз получать особую царскую грамоту. В 1589 году царь Федор Иванович «пожаловал ослободил» бухарских послов «купить в дороге до Казани еду-чи по городам» 400 пудов воску. В 1595 году иранскому тезику Али-Хосрову было разрешено купить в Москве два пуда чистого воску². Одновременно с воском стали причислять к заповедным товарам и мед. Так, среди заповедных товаров, которые в 1589 году бухарские послы повезли «за море», значилось и 70 пудов меда пресного³.

По всей видимости, отнесение воска и меда к заповедным товарам было вызвано главным образом стремлением ограничить экспорт этих продуктов в связи с возросшим спросом на них внутри страны и на внешнем рынке. Достаточно указать, что в царствование Ивана Грозного ежегодно вывозилось до 50 тыс. пудов воску⁴. Естественно, что полное удовлетворение все возрастающего спроса на этот продукт стало затруднительным, хотя бортничество в Русском государстве было развито почти повсеместно⁵.

В конце XVI века пуд воска стоил в Москве в среднем 1 рубль 20 алтын (1 ф. 8 д.); в такой же цене был и мед⁶.

В первой половине XVI века Россия экспортировала также соль. Этот продукт первой необходимости, по указанию Герберштейна, вывозился в большом количестве в Казанское ханство. Одним только Соловецким монастырем — крупнейшим солепромышленником того времени — в 1541 году было отправлено на Волгу 6000 пудов соли⁷.

Среди экспортных товаров часто упоминаются ловчие птицы и рыбий зуб (бивни и кости моржа). К ловчим птицам относились соколы, кречеты

¹ МИУТ и ТССР, стр. 107; Веселовский — Н., т. I, стр. 214, 311.

² Известно, что воск еще в 1585 г. являлся заповедным товаром, не дозволенным к вывозу в западные страны; в 1588 г. указ был вновь подтвержден, причем он имел силу, вероятно, не только в отношении вывоза воска на Запад, но и в восточные страны. МИУТ и ТССР, стр. 100—102; Веселовский — Н., т. I, стр. 311.

³ МИУТ и ТССР, стр. 100, 102.

⁴ Флетчер. О государстве Русском, СПб., 1906, стр. 15.

⁵ Особенно много бортников было в областях Казанской, Нижегородской, Муромской, Рязанской, Северной и Смоленской.

⁶ Торговая книга, указ. изд., стр. 131; Расходная книга дорогобужского Болдинского монастыря 1585—86 гг., РИБ, т. II, 292.

⁷ С. Герберштейн. Указ. соч., стр. 157; Архимандрит Досифей, Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря, ч. 3. М., 1836, стр. 6.

(хищная птица из породы соколов) и ястребы, приученные к охоте на диких птиц (лебедей, журавлей, уток, куропаток) и на мелких зверей. Они вывозились во все те страны Востока, с которыми Русское государство было связано торговыми отношениями.

Хотя этот товар и не входил в число заповедных, тем не менее торговля ловчими птицами находилась, повидимому, исключительно в руках правительства. Кречеты, ястребы, соколы постоянно посылались на Восток в качестве «поминок»; для приобретения ловчих птиц у казны в Москву неоднократно приезжали купцы от иранского шаха, турецкого султана и крымского царя.

Доставка кречетов и ястребов на восточные рынки была сопряжена с большими трудностями. Птиц везли в особых коробах, обитых внутри овчинами для предохранения их от повреждений во время переезда. Так как уход за птицами требовал особого умения, то необходимо было привлечь таких людей, которые «с птицами умели бы ездить». Кроме того, для прокорма птиц в пути приходилось брать с собой в дорогу голубей и кур из расчета «на кречета по гнезду голубей на день или по куряти». Несмотря на все эти меры, птицы плохо переносили длительный переезд и нередко погибали «с дорожной истомы»¹.

Сложной транспортировкой пернатого товара, видимо, объясняется то, что ловчими птицами почти не торговали частные купцы. Нам известен один только случай, когда кречетов привез на продажу в Кафу русский купец — московский гость Семен Хозников (1471 г.)².

Соколиный промысел был развит преимущественно на севере — в Двинской земле и на Печоре; однако кречаты и соколы «седбища» находились и в центральной полосе, близ Переяславля. Больше всего ценились кречеты белые, затем шли «кропленые», т. е. пестрые. В царствование царя Федора Ивановича сокол неприрученный и «невыношенный», т. е. не выдрессированный для охоты, стоил полтину. Выношенные птицы ценились во много раз дороже³.

Экспортировавшаяся моржовая кость, известная в торговле под названием «рыбьего зуба», служила материалом для точеных и резных поделок. На Востоке ее употребляли главным образом для выделки рукояток и оправы ножей и кинжалов. О ценах на моржовую кость не сохранилось никаких указаний, но, судя по тому, что «рыбий зуб» часто посылался из Москвы в виде подарков восточным правителям, он принадлежал к редким и дорогим товарам. Тем не менее этот товар не был заповедным и им, наряду с казной, торговали и частные купцы⁴. По сообщению Кильбургера, моржо-

¹ ЦГАДА, ф. 89, Турецкая посольская книга № 1, лл. 335 об. — 336; кн. № 2, лл. 105, 195 об., 283—283 об.; кн. № 3, л. 348 об.; РИО, т. 95, стр. 25, 227—228, 247, 523; ПДРВ, т. VIII, стр. 27, 36; МИУТ и ТССР, стр. 102; Веселовский — Н., т. I, стр. 146, 148, 203, 216, 340, 246, 340, 382; т. II, стр. 58, 110; РИО, т. 95, 522—523; Н. Кутепов. Великокняжеская и царская охота на Руси в X—XVI вв. СПб., 1896, т. I, стр. 150—151.

² РИО, т. 41, стр. 106.

³ Н. Кутепов. Указ. соч., стр. 147.

⁴ ЦГАДА, ф. 89, Турецкая посольская книга № 1, стр. 397.

вая кость ценилась дороже слоновой и цена ее зависела от размера кости — крупная кость была дороже. В XVI веке моржовую кость промышляли главным образом у берегов Новой Земли (у острова Вайгач) ¹.

Чтобы закончить обзор данной группы экспортных товаров, следует упомянуть еще слюду и краски, которые играли в вывозе на Восток по сравнению с остальной продукцией местных промыслов второстепенную роль.

Слюда, упомянутая в русском вывозе в Иран, добывалась преимущественно в Керетской волости Соловецкого монастыря. В «Торговой книге» слюда разделялась на белую и красноватую, ценившуюся значительно дешевле белой ².

Краски упоминаются в числе русских «поминков», посылаемых в ответ на запросы из Ногайской Орды. Помимо того, краски вывозились, очевидно, и в Среднюю Азию. Так, бухарское седло, которое было «краски писано Московскими», значится в описи «конского прибора» Бориса Годунова. Однако о размере экспорта красок и ассортименте последних источники не дают указаний ³.

Вывоз сельскохозяйственных продуктов составлял сравнительно небольшую часть общего русского экспорта на Восток. Вывозились: зерно (пшеница, гречиха), толокно (толченая, немолотая мука, преимущественно овсяная), мука, сало, масло. Основным потребителем хлебных товаров Русского государства была Ногайская Орда. Масло и сало ввозил преимущественно Иран.

По словам Флетчера, лучшее сало вывозилось из Смоленской, Ярославской, Углицкой, Новгородской, Вологодской, Тверской и Городецкой областей ⁴.

О количественных показателях этого вывоза мы имеем только отрывочные сведения.

В 1557 году на запрос ногайских князей: «да и запасу много пришли, голод у нас», из Москвы было послано «50 четвертей пшеницы», а в 1558 году туда же было отправлено хлеба разных сортов 340 четвертей (около 680 пудов) ⁵.

Известно, что отдельные иранские купцы закупали в Русском государстве до 100 пудов масла и сала «свечного» ⁶.

В Торговой книге указано, что сальные свечи изготовлялись из говяжьего сала и что «с теми свечами в погребях делают бархаты и камки».

¹ С. В. Бахрушин. Указ. соч., стр. 70; Н. Костомаров. Указ. соч., стр. 286.

² Торговая книга, указ. изд., стр. 134; Н. Костомаров. Указ. соч., стр. 231; Веселовский — Н., т. II, стр. 58.

³ ПДРВ, т. VIII, стр. 176; т. IX, стр. 167, 171, 221, 229, 240—241; Платье, оружие... Бориса Годунова. Записки Археологич. общ., М., 1865, т. XI, стр. 310. Известно, что из Москвы в XVII в. вывозили в Среднюю Азию киноварь; возможно, что эта краска экспортировалась в среднеазиатские ханства и в XVI в.

⁴ Флетчер. Указ. соч., стр. 16.

⁵ ПДРВ, т. IX, стр. 289, 303, т. X, стр. 29, 36. Четверть равнялась 2 пудам.

⁶ Н. Веселовский, т. I, стр. 213.

Кольчуга русской работы XVI века
Государственный Исторический музей

На рисунке слева бархат рытый (Турция XVI в.),
на рисунке справа камка кизылбашская (Иран XVI в.)
Государственный Исторический музей

Атлас золотный (Турция XVI в.)
Государственный Исторический музей

Обьярь (Иран XVI в.)
Государственный Эрмитаж

ЦЕНЫ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРОДУКТОВ НА МОСКОВСКОМ РЫНКЕ В КОНЦЕ XVI ВЕКА

По данным торговой книги (за пуд)

Наименование продуктов	Цена
Пшеница	10 ден. ¹
Греча	5 ден.
Говяжье сало белое	22 алт.
Говяжье сало желтое	19 алт. 5 ден.
Масло	около 15 алт.

Наряду с торговлей продуктами собственного производства Россия вела в XVI веке также посредническую торговлю, сбывая на Восток некоторые товары, получаемые из Западной Европы. К реэкспортным товарам, являвшимся исключительно предметами царского торго, прежде всего относилось сукно.

В первой половине XVI века европейское сукно вывозилось на казанский и астраханский рынки, о присылке сукна шли также запросы из Ногайской и Крымской Орды².

Сукна «инское» (из г. Ипра), «лундыш» (из Лондона), «аглинское», названия которых указывают на их фландрское и английское происхождение, встречались не только среди «номинков» ногайским князьям и крымским ханам, ими жаловали также кизылбашских послов, гонцов и других членов иранского посольства. Однако западные сукна закупались в Москве иранскими купцами и непосредственно. Так, в 1595 году купец Али-Хосров купил в русской столице 29 «поставов» (кусков) сукна «еренки», а в 1601 году купец Магметя повез из Москвы 20 поставов различных западных сукон³.

До нас дошел ряд известий о вывозе из России западноевропейской писчей бумаги. На протяжении всего XVI века в грамотах ногайских князей неоднократно встречались просьбы о её присылке. В 1537 году князь Сеид Ахмет Ногайский просил московское правительство отправить ему тысячу листов бумаги; в 1549 году из Орды поступила просьба о присылке 500 листов; в 1551 году князю Юсуфу было отпущено в Москве бумаги 500 листов, в 1556 году в Орду была отправлена вновь большая партия бумаги и т. д. В конце XVI века писчая бумага вывозилась из России также в Иран⁴.

¹ По вычислениям В. О. Ключевского, 1 пуд пшеницы стоил (по данным Торговой книги) 5 денег, так как вес бочки пшеницы им был принят в 16 пудов («Русский рубль XVI—XVII вв. в его отношении к нынешнему», стр. 158—159), но в Торговой книге указана стоимость не обычной бочки, а бочки-сельдевки. Исходя из того, что последняя «чают в 8 пуд будет», 1 пуд пшеницы должен был стоить 10 денег.

² ЦГАДА, ф. 127. Ногайская посольская книга № 9, л. 17 об., ПДРВ, т. VIII, стр. 83, 104, РИО, т. 95, стр. 250, 401; Веселовский—Н., т. I, стр. 214, 310, 311; т. II, стр. 58.

³ Веселовский—Н., т. I, стр. 311; т. II, стр. 58. «Еренка» относилась к дешевым сортам западных сукон.

⁴ ПДРВ, т. VIII, стр. 26, 176, 239; т. IX, стр. 229; Веселовский—Н., т. I, стр. 311.

Из других западных товаров Москва перепродавала в Ногайскую Орду и Иран стекло, ртуть, железо и цветные металлы — олово, медь, свинец¹. Вывозила ли она в XVI веке западные товары в среднеазиатские ханства, нам неизвестно, но для XVII века имеются указания, что западные сукна и писчая бумага вывозились через Астрахань на «Караганское пристанище»².

Что касается Турции, то нет основания предполагать, что Россия вывозила туда товары, получаемые из Западной Европы. Последние поступали в Оттоманскую Порту более коротким путем — через Францию, под флагом которой, как известно, велась в XVI веке вся морская торговля Западной Европы с Турцией³.

Таким образом, рассмотрев состав русского вывоза, мы приходим к заключению, что в экспорте на Восток наибольшую долю составляли продукты ремесел и промыслов. Экспортировались главным образом кожа и меха, являвшиеся важнейшими статьями вывоза. За ними следуют в нисходящем порядке железные, деревянные и текстильные изделия, воск, мед. Сельскохозяйственные продукты составляли в XVI веке лишь небольшую часть общего русского экспорта на Восток.

Что касается реэкспорта западноевропейских товаров, то он производился в XVI веке в небольших размерах и особого значения в русском вывозе не имел.

Импорт Русского государства из стран Востока отличался также большим разнообразием товаров. Он складывался как из продукции восточных ремесел, так и из продуктов скотоводства и скотоводства.

Рассмотрение предметов импорта нами производится в том же порядке, как и описание экспорта, т. е. по степени важности отдельных категорий товаров, а не по странам-экспортерам, по национальной же принадлежности импортные товары подразделяются внутри каждой из рассматриваемых категорий.

Особо выделены в группе импортных товаров текстильные материалы, кожа, предметы вооружения и конского снаряжения, керамика, благородные металлы, самоцветы, москательные и бакалейные товары, скот. В группу текстильных товаров, наряду с тканями и готовыми изделиями, включено также текстильное сырье и ковры.

Как показывает анализ структуры русского ввоза XVI века из стран Востока, ткани, в особенности шелковые, составляли одну из самых значительных статей импорта Русского государства.

Уже в конце XV века в поклаже русских купцов, возвращавшихся из Турции и Крыма, камка различных сортов и тафта, зуфь и бязь являлись наиболее частыми товарами⁴. В XVI же веке количество шелковых тканей в ввозе отдельных купцов, следовавших из Турции, иногда доходило до

¹ ПДРВ, т. IX, стр. 229; Веселовский — Н., т. I, стр. 311; т. II, стр. 58.

² МИУТ и ТССР, стр. 364, 367, 369.

³ Н. А. Смирнов. К истории борьбы европейских держав за колониальное порабощение Турции в XVI—XVII вв. Труды Моск. инст. истории, философии и литературы. М., 1938, т. II, стр. 167—168.

⁴ РИО, т. 35, стр. 10, 11, 12, 26—29; т. 41, стр. 313, 408, 411.

125 косяков¹. В импорте из Ирана эти ткани составляли нередко более 70 процентов общей стоимости ввозимых товаров. Так, среди даров гилянского царя Ахмета, посланных царю Федору Ивановичу в 1589 году общей стоимостью в 88 рублей с половиной, шелковых тканей было на 64 рубля. В том же году иранский посол Бутак-бек привез царю Федору Ивановичу на 48 рублей камки и бархата, что составляло около 90 процентов стоимости всех привезенных им товаров². Еще большую роль играли текстильные товары в русском импорте из Средней Азии. Например, товары бухарского государя Абдулы и хивинского царя Азима, присланные в Москву в 1585 году, состояли, кроме красок, только из бумажных и шелковых материй³.

Описи «царского платья» и церковного имущества XVI века, приходо-расходные книги различных монастырей, посольские книги и другие документы той эпохи пестрят множеством названий восточных тканей, причем некоторые из них прямо указывают на место выработки и вывоза материй.

Однако образцы этих изделий сохранились до нашего времени в незначительном количестве и являются только слабым отражением того многообразия тканей, которые привозились из стран Востока.

Ниже рассматривается импорт отдельных видов тканей, сгруппированных по странам их производства и экспорта — турецких, иранских, ширванских и среднеазиатских.

Турецкие ткани, ввозившиеся в XVI веке русскими и турецкими купцами, состояли преимущественно из шелковой продукции: камки, тафты, атласа, бархата.

Все эти виды тканей упоминаются в описи царского «платья» Грозного, из которой известно, что различные сорта камки, тафты, атласа и бархата были приобретены у «турчан», в частности у Магмет Челебея, который за время царствования Ивана Грозного три раза приезжал в Москву⁴. Те же шелковые материи упоминаются в числе товаров московских купцов Ивашки Карпова и Юрия Грека, которые около 1590 года возвратились из Константинополя в Москву⁵.

Шелковые товары попадали на Русь и в качестве поминков. В 1549 году купец турецкого султана Мустафа привез царю Ивану в виде даров «бар-

¹ ЦГАДА, ф. 89, Турецкая посольская книга № 1, л. 10 об., Косяк — обозначение меры ткани. По сведениям Родеса, косяк содержал от 7 до 9 аршин. Таким образом, 125 косяков равнялись 875—1125 аршинам.

² Веселовский — Н., т. I, стр. 130—131.

³ МИУТ и ТССР, стр. 98—99.

⁴ Слово «челяби» встречается в турецких посольских делах применительно к торговым представителям султана.

Магмет Челебей был в Москве в 1562, 1580, 1584, 1589 и 1593 гг. (ЦГАДА, ф. 89, Турецкая посольская книга № 1, л. 310 об.; кн. № 2, лл. 233, 244; кн. № 3, л. 165; Опись имущества царя Ивана Васильевича, «Временник», т. VII, стр. 7—11, 13—15).

⁵ ЦГАДА, ф. 89, Турецкая посольская кн. № 3, лл. 9—10. Московский купец Юрий Грек не раз бывал в Турции. Известно, что в 1582 г. он вместе с купцами Иваном Матвеевичем Мишениным и Трифоном Коробейниковым был послан Грозным «с милостынею» в Иерусалим.

хат шелк зелен да черн з золотом, да два кафтана камчатые месюрские з золотом»¹.

Камка представляла собой плотную, довольно толстую ткань, одноцветную или многоцветную с одинаковым узором на оба лица, в утке которой применялись иногда нити пряженного золота или серебра².

Камка была известна в Москве различных сортов: бурская (из г. Бруссы), цареградская, шамская (Шам — название Сирии), мисюрская (Мисюр — название Египта), адамашка (из Дамаска) и «соломянка»³. За исключением последнего сорта, название которого не вполне ясно, все остальные виды камки получили свои наименования по месту их производства⁴. Установить разницу между этими сортами не представляется возможным, так как за исключением одного образца царегородской камки XVI века и нескольких образцов адамашки XVII века турецкие камки не представлены в наших музейных собраниях. Судя по Торговой книге, более плотная камка ценилась дороже: «а кое камка толще, та и лучше»⁵. В конце XV века упоминается еще камка амасская (из города Амассии) и кафинская⁶. Последнее название указывает не на место производства ткани, а на город, откуда она экспортировалась.

В Крыму шелкоткачество не было развито, и ткани, которые из Кафы отправлялись в Москву, как было уже отмечено В. Е. Сыроечковским, являлись продукцией Ближнего Востока⁷. В XVI веке эти два названия камки больше не встречаются.

Наиболее дешевыми сортами камки в XVI веке являлись, по указанию Торговой книги, соломянка и адамашка. О последней в руководстве для купцов сказано: «Адамашка линияет, узор мелок»⁸. Мелкий узор из отдельных кружков, листьев, травок, цветов был присущ не только адамашке, но являлся характерным и для других сортов камки. В описи царского «платья» Ивана Грозного упоминается «камка Мисюрская на бели, кружки и травки золоты с черным шолком», «камка Бурская на бели шолк червчат да зелен с золотом травки и листьев мелко и узорчато», «камка Шамская

¹ ЦГАДА, ф. 89, Турецкая посольская книга № 1, л. 386.

² Камка, в утке которой пропускались золотые и серебряные нити, именовалась золотой.

³ Опись имущества царя Ивана Васильевича. Указ. изд., стр. 8—10, 28, 31; Платье, оружие... Бориса Годунова. Записки имп. Археологич. о-ва, СПб., 1865, т. XI, стр. 281, 285; Роспись платья, пожалованного Кучумову семейству. АИ, т. II, стр. 17; ЦГАДА, ф. 89, Турецкая посольская кн. № 1, л. 387; книга № 3, лл. 29 об. — 10; И. Савваитов. Строгановские вклады в сольвычегодский Благовещенский собор. СПб., 1886, стр. 57.

⁴ В. Клейн считает, что камка бурская производилась в малоазийском городе Бруссе (бурский — испорченное брусский), который издавна славился своим шелкоткачеством, а термин адамашка по отношению к ткани объясняется как «ткань из Дамаска». Под царегородской камкой, вероятно, следует понимать ткань из Скутари — предместья Константинополя. (В. Клейн. Иноземные ткани, бытовавшие в России до XVIII в., и их терминология. Сб. «Оружейная палата», М., 1925, стр. 35, 59).

⁵ Торговая книга, указ. изд., стр. 128.

⁶ РИО, т. 35, стр. 10, 11.

⁷ В. Е. Сыроечковский. Гости-сурожане. М., 1935, стр. 53, 55.

⁸ Торговая книга, указ. изд., стр. 128.

на червце шолк бел круги», «камка Царегородская дымчата мелкий узор». Из этих тканей шили шубы, ферязи, кафтаны, терлики¹.

Кроме камок с мелкоотравным узором, встречались ещё камки «клетчатые», «чешуйчатые» и с рисунком в виде мелких лунок, так называемые «копыцца»².

В отличие от камки тафта в основном была одноцветной тканью без узоров; в документах XVI века чрезвычайно редко упоминается тафта поло-сатая и пестрая³. Тафта встречалась самых разнообразных цветов: червчатая, алая, багровая, зеленая, лазоревая, желтая, белая.

Эта ткань, судя по названиям ее отдельных видов (тафта «шамская», «такатцкая», «бурская»), производилась в Бруссе, Токате и Дамаске⁴. О последнем как центре производства тафты упоминается в описании путеше-ствия в Иерусалим Трифона Коробейникова (1582 г.): «А Дамаск тур-ки называют Шама, а делают в нем тафту шамскую»⁵. Отличие одного сорта тафты от другого выражалось в толщине нитей; чем тоньше они были, тем дороже ценилась ткань. Так, аршин тафты шамской, которая была «ниткою тонка», стоил 12 алтын, в то же время бурская тафта, которая была «толста ниткою», стоила 3—5 алтын⁶.

В описях «платья» Грозного и Годунова встречается ещё один вид таф-ты — тафта «двоеличная» (тафта шамская двоеличная, тафта бурская дво-еличная), т. е. двусторонняя (без изнанки)⁷.

В меньших количествах, чем камка и тафта, привозился из Турции атлас. Это был в основном одноцветный плотный и гладкий шелковый мате-риал, но встречался также атлас «узорный» и «золотный». Например, купцы Ивашка Карпов и Юрий Грек везли из Турции (около 1590 г.), наряду со 100 косяками камки-соломянки, 12 косяками тафты шамской, 4 бурскими золотными бархатами, 6 золотными камками и двумя косяками камки «бур-ские кармазину» лишь 1 кусок золотного атласа⁸. Этот материал, очевидно, не был широко распространен в Русском государстве, так как в описях XVI века он встречается реже, чем другие шелка, а в Торговой книге даже не упомянут. Центром производства атласа являлся город Брусс.

¹ Опись имущества царя Ивана Васильевича. Указ. изд., стр. 9, 11, 28, 31.

² Там же, стр. 9, 11, 23. В. Клейн указывает, что на русских миниатюрах с бытовыми сценами постоянно можно видеть камку чешуйчатую на полах кроватей, одеялах, занавесках. Указ. соч., стр. 62.

³ Опись имущества царя Ивана Васильевича. Указ. изд., стр. 24; Платье... Бориса Годунова. Указ. изд., стр. 284.

⁴ Опись имущества царя Ивана Васильевича. Указ. изд., стр. 1, 11, 15, 18; Платье... Бориса Годунова. Указ. изд., стр. 281—283, 286—287; Список с лицевых книг по г. Казани 1566—1568 гг., Казань, 1877, стр. 11—12, 14; Расходная книга Казенного двора 1584—1585 гг. Доп. к АИ. т. I. 201; ЦГАДА, ф. 89, Турецкая посольская книга № 3, лл. 9 об. — 10. Наряду с тафтой бурской встречается еще тафта турецкая; оба эти названия, по мнению Клейна, являются тождественными.

⁵ Палестинский сборник, вып. 27, СПб., 1889, стр. 5.

⁶ Торговая книга, указ. изд., стр. 128.

⁷ Опись имущества царя Ивана Васильевича. Указ. изд., стр. 15, 18, 39; Платье... Бориса Годунова. Указ. изд., стр. 282—283.

⁸ ЦГАДА, ф. 89, Турецкая посольская книга № 3, лл. 9 об. — 10. По указанию Саввантова, кармазин означает ткань темнокрасного цвета.

Брусса, как и Скутари (современное предместье Константинополя), славилась еще изготовлением затканного золотом и серебром бархата (бархат бурский), который в большом количестве ввозился в Русское государство. Для турецких бархатов, как и вообще для восточных, типичным являлось наличие бумажных нитей в утке.

Турецкий бархат со своим геометризованным растительным орнаментом был чрезвычайно декоративен. Излюбленными элементами орнамента являлись очень распространенные в Османской Порте цветы — тюльпаны, шиповник, гвоздика, гиацинты и гранаты, из которых составлялись разнообразные красочные композиции. Характерным рисунком для турецких тканей являлись заостренные овалы, внутри которых помещались изображения гранатового яблока.

Из бархата шили праздничные одежды, его употребляли для убранства хором, для изготовления покрывал, чепраков и седел. Кроме бархата с растительным орнаментом, наши источники упоминают еще бархат полосатый и «копытчатый»: «бархат Бурской на зелени шолк жолт змейки и копытца»¹.

По имеющимся в наших музеях образцам можно заключить, что большинство турецких бархатов были «рытыми», т. е. имели рельефный узор, лежащий на различных «землях», на ворсовом гладком или на золотном фоне². Прекрасный образец рытого турецкого бархата XVI века представляет хранящаяся в Загорском музее подвесная пелена — вклад Федора Борисовича Годунова, сделанный им в 1605 году в Троице-Сергиев монастырь.

Помимо шелковых тканей, которые производились в различных городах и областях Османской Порты, купцы привозили из последней также иранские ткани и различные шелка итальянского производства (камка, бархат, атлас), известные в Москве под именем «венедицких» или «венедьских»; лучший сорт итальянской камки носил наименование камки «куфтер»³.

Тафта «ездинская» (из гор. Иезд в Иране) упоминается наряду с турецкими тканями среди товаров русских купцов, возвращавшихся в 1489 году из Турции; в описи «платья» Ивана Грозного указывается, «что бархат Венедицкой синь двоєморх с золотом и с петлями круги и листье» был куплен у турецкого купца Магмета.

В 1589 году Магмуд Халиля, купец турецкого султана Мурата, привез в виде поминков царю Федору Ивановичу камку кизыл-баншскую, «шолк ал да рудожелт да син, по нем люди» и «кафтан турской, бархат венедицкой шелк червчат з золотом и с петлями, подкладка атлас венедицкой зелен»⁴.

¹ Опись имущества царя Ивана Васильевича. Указ. изд., стр. 31; Платье... Бориса Годунова. Указ. изд., стр. 286—287.

² В. К л е й н. Указ. изд., стр. 31.

³ Там же, стр. 57.

⁴ РИО, т. 35, стр. 27; Опись имущества царя Ивана Васильевича. Указ. изд., стр. 9; ЦГАДА, ф. 89, Турецкая посольская книга № 2, лл. 501 об. — 502.

Среди привозных «венедицких» бархатов следует отметить гладкие, необычайно плотные, прекрасно окрашенные ткани, преимущественно червчатого, зеленого и черного цветов, причем итальянский бархат не имел в утке бумажных нитей. Некоторые итальянские материи имели узоры, заимствованные с Востока. Так, например, на «венедицком» бархате нередко встречались те же «змейки» да «копытца», что и на бурском бархате¹.

Кроме шелковых тканей, из Турции вывозились еще хлопчатобумажные материи — бязь и пестрядь. «Бязь халяпская» (из города Халеб или Алеппо) привозили, вероятно, в значительных количествах. Так, по подсчетам В. Е. Сыроечковского, в конце XV и в начале XVI века количество привезенной бязи в руках одного купца колебалось от 60 до 200 локтей, т. е. от 40 до 135 аршин². Из описания имущества церквей и монастырей Можайска и Казани видно, что из бязи шили церковное облачение, кроме того, из нее делали и верхнее светское платье, например «терлик безинен». Но чаще всего бязь употреблялась как подкладка; «кафтан атлас червчат гладкой... подложен бязью»³.

«Пестрядь» представляла собой бумажную ткань из разноцветных нитей. Форязи из пестряди александрийской (ткань из г. Александрии в Египте) с рисунком в виде мелких полосок упоминаются в описи «платья» Ивана Грозного⁴.

Из турецких шерстяных материй, которые привозились в Москву в XVI веке, известна ткань зуфь (изуфь); зуфь «костоманка» (город Кастамону в Малой Азии) и зуфь «анбурская или ангурская» (город Анкара в Малой Азии)⁵. Зуфь была, вероятно, плотной тканью, так как к ней нередко применяли эпитет «тяжелая». Из нее шились спашни, кафтаны, церковные облачения; она шла также на подкладку санных епанчей. Эта ткань встречалась разных цветов: белая, лазоревая, светлозеленая, лимонная и ценинная, т. е. синяя.

Многие турецкие ткани попадали на русский рынок также при посредстве крымских купцов. Например, из грамоты крымского царя 1525 года известно, что купцы Ази-Косым да Ази-Абдыл Рахман с товарищами были направлены царем в Москву для продажи 500 аршин тафты и 10 зуфей⁶.

Об иранских и азербайджанских (ширванских) тканях, вывозившихся в Русское государство, дают представление списки товаров отдельных куп-

¹ Опись имущества царя Ивана Васильевича. Указ. изд., стр. 24.

² РИО, т. 35, стр. 27, 29; т. 41, стр. 409; В. Е. Сыроечковский. Гости-сурожае. Л., 1935, стр. 54. По Торговой книге 1 локоть = $10\frac{2}{3}$ вершка, а 1 аршин = 16 вершкам. Таким образом, 1 аршин = 1,5 локтя.

³ Список с Писцовой книги по г. Казани с уездом 1566—1568 гг. Казань, 1877. стр. 16, 27, 28; Описание церквей и монастырей г. Можайска 1596—1598 гг., Можайские акты, стр. 12, 13, 14, 17, 18, 56, 64, 65; Платье... Бориса Годунова. Указ. изд., стр. 285.

⁴ Опись имущества царя Ивана Васильевича. Указ. изд., стр. 23, 39.

⁵ РИО, т. 35, стр. 27, 28; т. 95, стр. 126; Опись имущества царя Ивана Васильевича. Указ. изд., стр. 13; Платье... Бориса Годунова. Указ. изд., стр. 283, 285, 286; Расходная книга Казенного двора. Указ. изд., стр. 199; Вкладные духовные завещания в Волоколамский м-рь (ЦГАДА, ф. 1192, отд. 14, оп. «А», папка 16, № 448, № 462).

⁶ ЦГАДА, ф. 127, Крымская посольская книга № 6, л. 170 об.

цов и перечни подарков шаха и его посланников русским царям, встречающиеся в переписке между русским и иранским дворами.

В Москву поступали камка, бархат, атлас, тафта, обьярь и «дороги», производившиеся в Иезде, Кашане, Исфагане, Мешхеде, Шемахе и в других центрах шелкоткачества Ирана и Азербайджана.

Иранские материи, подобно турецким, были весьма разнообразны по своим сортам, по окраске, насыщенности и мягкости тонов. Однако недостаток документальных данных не дает возможности определить место производства различных сортов шелковых тканей.

Выяснение центров производства отдельных видов тканей затрудняется еще и тем, что орнамент и способ производства тканей был в Иране повсеместно одинаков. Для иранских тканей всех видов характерно отсутствие той геометрической правильности, известной сухости и однообразия в орнаментации, которая присуща турецким тканям. Другой отличительной чертой иранских материй являлось еще то, что наряду с растительным орнаментом их нередко украшает узор, изображающий людей и животных.

В значительных количествах, повидимому, ввозилась иранская камка — одноличная, двоеличная и золотная, которую на Руси называли камкой «кызылбашской» и «есской». О ней чаще, чем о всех других шелковых материях, упоминается в посольской переписке. Эта ткань производилась во многих местах Ирана, но основными центрами ее производства являлись города Иезд (камка «есская»), Кашан и Исфаган¹. Кызылбашская камка довольно хорошо представлена в наших музейных собраниях. Например, в Оружейной палате хранится замечательный кафтан из иранской камки конца XVI века: на яркоголубом фоне изображен Искандер, пытающийся глыбой убить дракона.

В собрании тканей Государственного Исторического музея также имеется образец лицевой кызылбашской ткани — небольшой кусок необычайно плотной камки, на котором по малиновому фону изображен верхом на лошади иранский воин, волокущий на аркане пленного монгола². Изображения человеческих фигур встречаются и на иранских бархатах, тоже представленных в собраниях наших музеев, которые по своему рисунку и искусству окраски принадлежат, по мнению В. Клейна, к числу наиболее интересных восточных тканей³.

Фон кызылбашских бархатов (так называемая «земля») был золотным или совсем гладким, без ворса, на котором выткапы отдельно стоящие друг от друга фигуры людей, животных и растения. Например, бархаты, присланные шахом Аббасом царю Федору Ивановичу, имели следующие узоры: «бархат на золотой земле, по нем люди, а в руках у них скляницы и чарки, деревья и птицы, розные всякие цветы» или «бархат на рудожелтой земле, гладкой, по нем люди и дикие звери и травы всякие розные шолки»⁴. Кроме

¹ В. Е. Сыроечковский. Гости-сурожане. М., 1935, стр. 55, прим. 2. Ф. А. Котов. О ходу в Персидское царство. Указ. изд., стр. 8.

² Такой же образец лицевой камки имеется в Музее Восточных культур.

³ В. Клейн. Указ. изд., т. I, стр. 40.

⁴ Веселовский — Н., т. I, стр. 195—196.

узорчатого бархата — наиболее ценной из привозившихся с Востока тканей, из Ирана экспортировались в Русское государство еще гладкие бархаты — черчатые, синие, черные¹.

Производство бархатов было сосредоточено в Иезде, Кашане, Тебризе и Исфагане². В последнем в конце XVI века находились придворные мастерские шаха Аббаса I, производившие различные сорта шелковых тканей со сложными узорами (в том числе и золотный бархат) не только для нужд двора, но и на экспорт³. К таким специально для вывоза предназначенным тканям, с абсолютно чуждым для мусульман рисунком, относится присланный в Москву шахом Аббасом в 1593 году золотный бархат с изображением «Пречистой Богородицы со младенцы, а над ними ангилы со звездою»⁴.

В этих же центрах шелкоткачества, так же как в Ширване (Шемаха), изготовлялся и вывозившийся в Москву атлас⁵, а в Шемахе, кроме того, так называемая тафта шамохейка — одноцветная тафта. Тафта шамохейка упоминается в расходной книге Новгородского Софийского дома (1547 г.) и встречается в описи имущества Бориса Годунова, что дает основание считать, что и этот сорт ткани импортировался в Русское государство⁶.

Из всего изложенного видно, что встречавшиеся на русском рынке XVI века камка, атлас, бархат и тафта являлись тканями как турецкого, так и иранского и ширванского происхождения, что же касается шелковых материй — обьярей и дорог, то они вырабатывались, вероятно, лишь в Иране и в среднеазиатских ханствах. Турция, по всей видимости, эти сорта тканей не изготовляла; во всяком случае в XVI веке она ими не торговала⁷.

Обьярь представляла собой довольно плотную ткань, основа которой состояла из шелка, а уток из нитей пряженного золота и серебра. Среди поминков шаха Аббаса упоминаются «обьяри шолк черчат по ней струя золотная, на оба лица»⁸. Иранские обьяри часто имели узор, вытканый из цветных шелков.

¹ Веселовский — Н., т. I, стр. 196.

² Ф. А. Котов. О ходу в Персидское царство. Указ. изд., стр. 8; Готье — Ю., стр. 235.

³ Персидские вещи Щукинского собрания. М., 1907, стр. 5. По свидетельству французского путешественника Шардена, посетившего Персию во второй половине XVII в., изготовлением золотого бархата в Исфагане были заняты 5 или 6 ткачей, употреблявших от 24 до 30 различных челноков; при производстве незолотных тканей употребляли обычно не более двух челноков.

⁴ Веселовский — Н., т. 1, стр. 195; Н. Н. Соболев. Очерки по истории украшения тканей. М., 1934, стр. 149.

⁵ Веселовский — Н., т. I, стр. 157; Платье... Бориса Годунова. Указ. изд., стр. 285.

⁶ Платье... Бориса Годунова. Указ. изд., стр. 281, 285; Б. Д. Греков. Очерки по истории Новгородского Софийского дома XVI—XVII вв. Летопись Археограф. комиссии, вып. 33, стр. 258.

⁷ Клейн в своей работе об иноземных тканях упоминает о турецких обьярях и дорогах, но без ссылки на источники (указ. раб., стр. 49, 66), в документах же XVI в. нам встречались лишь обьяри и дороги иранские и среднеазиатские.

⁸ Веселовский — Н., т. 1, стр. 196.

Ткань «дорога» принадлежала к наиболее дешевым шелковым иранским материям¹; она тождественна тафте по материалу и технике выработки. Родес в прейскуранте русских цен за 1652 год определяет эту ткань как персидскую тафту². «Дороги» встречались одноцветные (дороги алы, черлены, темнозелены, дороги сахарной цвет и др.), а также полосатые. По месту производства эта ткань носила разные названия — дороги гилянские, кашанские, мешечские³.

Среди ввозимых из Ирана шелковых материй упоминается еще один сорт шелковой ткани — дига золотая, или иначе «байберечик», являвшаяся из всех золотных материй самой легкой, тонкой и мягкой. Происхождение этой ткани неизвестно. По некоторым указаниям, байберек считается тканью восточного производства, но В. Клейн склонен ее отнести к западным материям⁴. В XVI веке эту золотую ткань несомненно очень редко можно было видеть на русском рынке. За исключением единственного упоминания в посольских делах, название ее нигде не встречается в источниках того времени, в документах же XVII века байберек неоднократно упоминается, и в музейных собраниях сохранился ряд образцов этой ткани XVII—XVIII веков.

Помимо шелковых материй, из Ирана привозили еще полушелковую ткань вроде атласа, так называемую «кутную», и чисто бумажные материи — миткали, киндяки и полупрозрачную ткань кисею⁵.

По определению В. Клейна, миткалем называли неокрашенную бумажную материю, т. е. натурального белого цвета; такая же ткань, но только окрашенная, была известна под названием киндяк⁶. Миткали и киндяки, вероятно, были тканями местного производства, так как известно, что большие посевы хлопчатника находились во многих областях Ирана⁷.

Таким образом, вывоз тканей из Ирана складывался в основном из материй, производившихся в различных городах Ирана, Ширвана и Гиляна. Бархат «бурский» и тафта «венецкая» чрезвычайно редко встречаются в числе материй, импортируемых из Ирана.

Следует отметить, что в первой половине XVI века иранские ткани проникали в Россию преимущественно через Астраханский и Казанский рынки...

Среди среднеазиатских тканей, которые в XVI веке ввозились в Русское государство, преобладали хлопчатобумажные материи: различные сорта

¹ К. Иностранцев производит название «дорога» от иранской ткани «даран» (К. Иностранцев. Из истории старинных тканей... Записки Вост. отд. имп. Археологич. общ., т. XIII, вып. 4, стр. 83).

² Б. Г. Курц. Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса. «Чтения», 1915, кн. 2.

³ В Гиляне шелковые мастерские находились в г. Реште. См. Веселовский — Н., т. I, стр. 131, 213; Платье... Бориса Годунова. Указ. изд., стр. 285; Расходная книга Казенного двора. Указ. изд., стр. 270; Ф. А. Котов. Указ. изд., стр. 8.

⁴ В. Клейн. Указ. изд., стр. 51.

⁵ В. Клейн, стр. 68; Веселовский — Н., т. I, стр. 131, 196, 305; т. II, стр. 71—72. По некоторым указаниям, прозрачные материи ткались не в Иране, так как Иран сам получал их из Китая.

⁶ В. Клейн. Указ. изд., стр. 70.

⁷ Готье — Ю., стр. 248.

«зенденя» — черленые, «семенди всяким цветом», «чары», «объяринные зендени»¹. Так, из 5 тыс. кусков материй, присланных в 1585 году бухарским государем Абдуллою и хивинским царем Азимом в Москву на продажу, 4200 являлись кусками зендени. Из зендений разных сортов состоял также товар «изюрского» посла Кадыша, прибывшего в Москву в 1589 году².

Зендень представляла собой чисто бумажную ткань (за исключением объяринной зендени), сотканную из более толстых нитей, чем иранский киндяк. В отличие от последнего зендень вырабатывали из цветных нитей, а не окрашивали после изготовления ткани³.

Зендень была не единственной хлопчатобумажной тканью, которая экспортировалась из Средней Азии; бухарские и хивинские купцы привозили еще миткаль и выбойку — грубую ткань с напечатанным рисунком⁴.

Наряду с хлопчатобумажными тканями Русское государство получало из среднеазиатских ханств, только в меньших количествах, еще материи шелковые — бархат, дороги, объяри и льняную ткань «мель». Последняя часто упоминается в описи «платья» Бориса Годунова: «кафтан Турской бархат Венедицкой... подложен мелями», «чюга атлас лазорев... подложена мелями»⁵. Мель была, повидимому, так же как хлопчатобумажные и шелковые материи, тканью местного производства, так как, по указанию Клавихо, Средняя Азия была знакома с культурой льна еще в конце XIV века⁶.

Перечисленные материи представляют собой далеко не полный перечень среднеазиатских тканей, обращавшихся на русском рынке в XVI веке, но о других наши чрезвычайно скудные источники ничего не сообщают⁷.

Ткани из Средней Азии доставлялись в Россию не только бухарскими и хивинскими тезиками, но и ногайскими купцами. В первой же половине XVI века поступление среднеазиатских тканей на русский рынок осуществлялось преимущественно при посредстве казанских и астраханских купцов.

Наряду с вышеперечисленными тканями в документах XVI века упоминаются еще китайские ткани. Например, тафта «китайка» значится в Торговой книге конца XVI века, а в описи походного платья царя Ивана Васильевича 1557 года названы ферязи, сделанные из китайского желтого

¹ Ткань зендень получила свое название от бухарского селения Зандана или Зендана, где она вырабатывалась еще в X в.; в XVI в. эту ткань производили во многих бухарских селениях.

² «Зендень семенди», по объяснению А. С. Булгакова, означает «тройная зендень», а «зендень чары» — узорчатая зендень (МИУТ и ТССР, стр. 453—460). «Объяринная зендень» — зендень, выработанная по типу объяри, где основа состояла из бумаги, а уток из нитей пряженного золота или серебра. Объяринная зендень ценилась дороже других сортов зендени.

³ МИУТ и ТССР, стр. 98, 104.

⁴ В. Клейн. Указ. изд., стр. 69.

⁵ МИУТ и ТССР, стр. 99; А. Викторов. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. М., 1877, в. 1, стр. 6; И. Савваитов. Указ. соч., стр. 59.

⁶ Платье... Бориса Годунова. Указ. изд., стр. 284, 287; МИУТ и ТССР, стр. 296.

⁷ Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг. Сборник отд. русского языка и словесн. АН, СПб., 1881, т. 28, стр. 328.

⁸ В XVII в. из Средней Азии привозили в Россию, наряду с вышеупомянутыми тканями, еще камку, бязь, пестрядь, кисею, кутню.

атласа. Повидимому, китайские ткани проникали на Русь через среднеазиатские ханства или Иран, которые в ту эпоху имели непосредственные торговые связи с Китаем¹.

Вполне вероятно, что в XVI веке через эти же государства в Россию могли поступать ткани из Индии. Еще Дженкинсон отмечал, что Бухара была наводнена белыми хлопчатобумажными индийскими тканями. Из статейного списка Андрея Звенигородского известно, что последний привез из Ирана в 1595 году полотно, сделанное из индийской ткани².

О стоимости восточных тканей на русском рынке можно судить на основании данных монастырских приходо-расходных книг 1571—1592 гг., расходной книги Казенного двора за 1584—1585 гг. и Торговой книги конца XVI века.

Эти источники показывают, что в различных пунктах Русского государства разница в ценах на восточные ткани была незначительна. Так, в конце XVI века в Сумском посаде (на Белом море) можно было купить камку-адамашку и зеидень примерно по такой же цене, как в столице³.

Ткани продавались на аршины или целыми кусками — косяками. По сведениям Родеса (середина XVII в.), в куске шелковой или хлопчатобумажной ткани было 7, 8,5 или 9 аршин, т. е. один кусок содержал такое количество материи, которое необходимо было для шитья длиннополого платья⁴.

В нижеприводимой таблице (см. стр. 77—78) указаны цены на восточные ткани, существовавшие в 70—90 годах XVI века на русском рынке.

Для сравнения приведем цены на некоторые русские ткани и английское сукно, извлеченные из монастырских приходо-расходных книг: в 80-х годах аршин сукна сермяжного стоил от 5 денег до 1 алт. 3 денег, аршин крашенины 5—6 денег; цена аршина холста колебалась от 2 до 4,5 денег. Сукно «аглинское» стоило в эти годы 12—13 алт. за аршин⁵.

Таким образом, мы видим, что бархат и камка различных сортов являлись самыми дорогими тканями из обращавшихся на русском рынке восточных материй, которые были доступны лишь верхушке феодального общества. Действительно, казна, боярство и церковь являлись главными потребителями этих тканей. Как явствует из княжеских духовных, из описей царского «платья» и описей церковного имущества XVI века, кизылбашские, турецкие и среднеазиатские шелка оказывались тем основным материалом, из которого шились кафтаны, шубы и церковные облачения.

¹ Торговая книга. Указ. изд., стр. 128; И. Е. Забелин. Быт русских царей XVI—XVII вв., ч. 2, стр. 849, 860. Дженкинсон, отправившийся в 1558 г. в Среднюю Азию, указывает, что до него в Бухару приходили из Китая караваны. Путь торговых караванов проходил через Кашгар и Ташкент.

² Готье — Ю., стр. 184; Веселовский — Н., т. I, стр. 274.

³ Это наблюдалось не только в отношении цен на восточные ткани, но и в отношении всех импортируемых с Востока товаров.

⁴ «Чтения», 1915, кн. 2, стр. 155. В расходной книге Казенного двора указано, что в куске камки 9 аршин.

⁵ Приходо-расходная книга Волоколамского монастыря, ЦГАДА, фонд 1192, № 10. лл. 78, 90 об., 100; Расходная книга Кирило-Белозерского монастыря (Н. Никольский. Кирило-Белозерский монастырь и его устройство до 2-й четверти XVII в. СПб., 1910, т. I, вып. 2, стр. ОСУ, ОСХIV, ОСХVI).

Восточные ткани расходовались казной и для раздачи жалования. В 1584—1585 гг. из Казенного двора было отпущено «устюженном Василию Гороху да Игнатку Костылову да Иванку по 9 аршин камки доброй, цена по 20 алт. аршин» за то, что «купили они на Вологде на государя соболи и куницы и белку, и в том товаре учинили государю прибыли 1550 рублей». В том же году «камка добрая, цена 5 рублей, да зуфь костоманская цена 3 рубля» были даны в качестве государева жалования Федору Пупку: «а пожаловал его государь за то, на потехе государя тешил, привел медведя с хлебом да солью в саадаке и с диким медведем своего медведя спущал»¹.

Дорогие шелковые ткани использовались казной и для покрытия меховых шуб, которые посылались в качестве даров в те же страны Востока. Восточные ткани отправлялись также в виде поминков к государям Западной Европы.

Что же касается хлопчатобумажных и некоторых дешевых сортов шелковых тканей, то они были доступны более широким кругам населения. Так, в «рописи» имущества астраханского посадского человека Первуши Изборенина встречаются «кафтанишко зендинное», «сарафан, дороги червчатые». В Домострое при описании свадьбы, «кому по чину свадьбы учинити невозможно от недостатка», тоже упоминаются хлопчатобумажные ввозные ткани — киндяки, зендени и такие сорта дешевых шелковых материй, как тафта, дороги и атласец².

ЦЕНЫ (одного аршина) ВОСТОЧНЫХ ТКАНЕЙ НА РУССКОМ РЫНКЕ В КОНЦЕ XVI в.³

Название тканей	Цены	Примечания
Камка кизылбашская золотная (лицевая)	Около 3 р. 25 алт.	В этом случае указана цена целого куска; при вычислении цены 1 арш. мы считали в куске 8 аршин.
Камка кизылбашская незолотная (с лицевым и расшитым орнаментом)	Около 25 алт.	То же.

¹ Расходная книга Казенного двора, указ. изд., стр. 199. Здесь названа цена куска ткани, а не аршина.

² С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом в 1598—1599 гг. «Чтения», 1888, кн. 3, стр. 328; «Домострой» по списку имп. Общества истории и древностей Российских. М., 1882, стр. 194—202.

³ Таблица составлена на основании следующих материалов: Приходо-расходные книги Соловецкого монастыря 1571—1591 гг.; ЦГАДА, ф. 1201, № 5, л. 54, № 207, л. 170, № 208, л. 5, № 209, л. 57; Приходо-расходная книга Чудова монастыря 1586 г.; ЦГАДА, ф. Мазурина, лл. 36, 82; Приходо-расходная книга Волоколамского монастыря 1592 г., ЦГАДА ф. 1192, № 10, л. 82; Расходная книга Казенного двора, указ. изд., стр. 193, 195, 197, 200, 201, 202, 207, 209, 210; Расходная книга Новгород. Софийского дома 1593 г., указ. изд., стр. 291, 295; Духовная кн. Юрия Оболенского конца XVI в., ЦГАДА, ф. 1192, отд. 14, оп. «А», п. 16, № 462; Торговая книга, указ. изд., стр. 127, 128; Веселовский — Н., т. I, стр. 129—131.

Камка куфтерь 23 алт. — 1,5 руб.

Камка венецицкая 19 алт. — 23 алт.
 » адамашка 17 » — 23 »
 » соломянка 10 » — 13 »
 Бархат бурский золотный Около 2 руб. 8 алт.

Бархат бурский незолотный с узором 40 алт. — 1 руб. 20 алт.
 Бархат венецицкий гладкий 1 руб.
 Бархат кизылбашский гладкий 30 алт.
 Тафта венецицкая 17—21 алт.
 » шамская 12 алт.
 » бурская 3—8 алт.
 » китайская 2—3 алт.
 » шемахайская 2 алт. 1 ден.
 Атлас турецкий полосатый 5 алт.
 Дорога 10 алт. 2 ден. — 16 алт.
 Кутня Около 8 алт. 2 ден.

Зуфь костоманская Около 12 алт.
 Кисея Около 6 алт.
 Миткаль 4 алт.
 Киндяк 1 алт. 4 ден. — 4 алт.
 Зендень 1 алт. 4 ден. — 3 алт. 4 ден.
 Бязь 1 алт.

Стоимость итальянских тканей приведена в данной таблице в связи с тем, что значительная их часть попадала в Москву через Турцию.
 » »

Указана цена целого куска; при определении цены 1 арш. мы считали кусок равным 8 арш.

В этом случае указана цена целого куска; при вычислении цены 1 арш. мы считали кусок равным 8 арш.

» »
 » »

Ввозившиеся в Русское государство готовые текстильные изделия состояли из кафтанов, платен, ширинок и тесьмы, полостей и др.¹ В большом количестве ввозились кушаки, являвшиеся необходимым дополнением к распространенным в то время длиннополым кафтанам.

Наряду с шелковыми кушаками привозили также полушелковые и бумажные; последние импортировались главным образом из Средней Азии. В конце XVI века шелковый кушак стоил в Москве от 1,5 до 3 рублей².

¹ Кафтаны, привозившиеся с Востока, шились из камки, бархата, атласа и др. Платно — это верхняя парадная одежда, делалась она всегда из дорогих тканей. Напр., платно, присланное Годунову гялиским царем, было сделано из кизылбашской золотной лицевой камки. Ширинка — платок, полотенце, вышитые шелками и золотом. Тесьма — оюяскя вроде ленты; отличалась от кушаков тем, что была большей частью уже их. Так же, как и кушаки, тесьма делалась из шелка или бумаги. Полость — санное одеяло.

² Веселовский — Н., т. I, стр. 131.

К той же категории импортируемых товаров мы относим и ковры. Ковры — излюбленный объект восточной торговли — экспортировались из Ирана и Турции, где ковровое производство, широко развитое, обслуживало не только внутренний рынок но работало специально и на экспорт¹. Импортируемые в Русское государство ковры были главным образом шелковые, окрашенные растительными красками.

Растительный орнамент, как и для тканей, был характерен для турецких и иранских ковров. На последних нередко встречались изображения животных и птиц.

В начале XVI века ковры привозились в Россию также из Крыма. В описи имущества печерского архимандрита Васьяна упоминаются ковры «солгацкие», названные так по месту их производства в г. Солхате (Старый Крым)².

О вывозе ковров из среднеазиатских ханств в XVI веке мы не имеем прямых указаний, известен лишь факт проникновения в Москву бухарских ковров в качестве поминков иранского посла Бутак-бека³. В конце XVI века большой ковер «на белой земле, длина 5 аршин, а ширина 3 аршина» стоил на русском рынке 10 рублей; ковер же, затканый золотом и серебром, стоил 30 рублей⁴.

Наконец, с Востока поступало также текстильное сырье — шелк-сырец и хлопок.

Шелк-сырец ввозился в Россию преимущественно из Азербайджана и Ирана, где шелководство было сильно развито. Особенно этим отличался район Каспийского моря — Ширван, Гилян, — дававший большое число различных сортов шелка-сырца. Шелк, производившийся в Шемахе и ее окрестностях, отличался наиболее высоким качеством⁵.

Из Турции шелк-сырец поступал в меньших количествах, чем из Азербайджана и Ирана, что же касается Средней Азии, то, по свидетельству Дженкинсона, она вывозила шелк на русский рынок в XVI веке, но, повидимому, размеры этого ввоза были невелики⁶.

В конце XV и в начале XVI века количество ввозившегося в Русское государство шелка-сырца, который употреблялся в качестве основного материала для рукодельных работ, было незначительным; его привоз составлял в среднем не более 18 литров (13—14 фунтов) на одного купца⁷. Но в конце XVI века наблюдается увеличение ввоза текстильного сырья на русский рынок. Так, около 1590 г. московские купцы Иван Карпов и Юрий Грек вывезли из Константинополя 54 литра шелка (40,5 фунта); в 1594 го-

¹ В Иране главными центрами коврового производства являлись Исфаган, Герат и Керман, в Турции — Ушак и Кула.

² В. Е. Сыроечковский. Мухаммед-Герай и его вассалы. Ученые записки МГУ, вып. 61, стр. 16—17.

³ Веселовский — Н., т. I, стр. 130.

⁴ Торговая книга, указ. изд., стр. 127; Веселовский — Н., т. I, стр. 129—130.

⁵ W. Heyd. Histoire du commerce du Levant, v. II, стр. 673; Готье — Ю., стр. 205, 223, 232, 255; Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 г. по 1427 г. Записки имп. Новороссийского ун-та, 1867, т. I, вып. 1—2, стр. 51.

⁶ Готье — Ю., стр. 184; МИУТ и ТССР, стр. 109.

⁷ РИО, т. 35, стр. 11, 12, 26, 27, 29.

ду в Астрахань и Казань было привезено иранскими купцами Хозя Алеем, Кемалом, Ахметом и Махмутом 600 литров шелка (11 пудов 10 фунтов); несколько лет спустя иранский гонец Анди-бек доставил на продажу в Казань более 25 ансырей шелку (более 25 фунтов)¹.

Повидимому, рост ввоза шелка-сырца находился в связи с начавшимся реэкспортом последнего в Западную Европу. В Торговой книге дан следующий совет русским купцам, торговавшим в странах Западной Европы: «Распрашивать у Англичан и у иных Немцов: по чему вам сырой и некрашеный шелк в толстой и средней нити дадут за фунт? И по чему в чистой и тонкой нити дадут за фунт? И пытати, на сколько пудов купцы будут подлинно про шелк и про цену сговариваться?»².

Наряду с неокрашенным шелком-сырцом белого и желтоватого цветов на русском рынке обращался и цветной шелк, окрашенный в черный, красный и другие тона.

По сведениям Барберини, фунт алого шелка стоил в Москве в середине XVI века 55—60 алтын, а фунт черного — 39 алтын³. К концу XVI века цены на шелк-сырец резко поднялись и достигли в столице 64—96 алтын, т. е. в Москве шелк-сырец в это время стоил в два-три раза дороже, чем на месте его производства⁴. Возможно, что удорожание сырца было связано с возросшим спросом на этот товар, уже реэкспортировавшийся в конце XVI века на Запад.

Хлопок, который вывозился из тех же стран, что и шелк, употреблялся в Русском государстве в качестве теплой подкладки для одежды и одеял⁵.

Кроме того, ввозились и бумажные нитки. В конце XVI века фунт бумаги хлопчатой в Москве стоил 1—2 алтына, а фунт бумажных ниток, в зависимости от их толщины, от 2 до 10 алтын⁶.

Об импорте хлопка в XVI веке из Средней Азии мы не располагаем данными, но в первой половине XVII века «бумага хлопчатая» и «бумага шитья» встречаются в числе среднеазиатских товаров.

К постоянным статьям русского ввоза можно причислить также некоторые кожаные товары.

¹ ЦГАДА, ф. 89. Турецкая посольская книга № 3, лл. 9 об. — 10; Веселовский — Н., т. I, стр. 305, 306; т. II, стр. 15.

² Торговая книга, указ. изд., стр. 136.

³ Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 г. (Сб. В. Л ю б и ч - Р о м а н о в и ч. Сказания иностранцев о России в XVI—XVII вв., СПб., 1843, стр. 57); Расходная книга дорогобужского Болдинского монастыря, 1585—1586 г. (РИБ, т. II, стр. 310).

⁴ Приходо-расходная книга Волоколамского монастыря, 1592 г., ЦГАДА, ф. 1192, № 10, л. 82; Расх. кн. Казенного двора, указ. изд., стр. 193; Расходн. книга Новгородского Софийского дома 1593 г., указ. изд., стр. 295. В 60-х гг. в Иране 1 тавризский батман шелка-сырца стоил 60 шахов (Г о т ь е — Ю., стр. 226—243).

Исходя из того, что 1 тавризский батман весил 4,6 кг, а 1 шах равнялся 6 алтынам, фунт шелка-сырца на месте его производства стоил около рубля.

⁵ В Иране во многих областях делались большие посевы хлопчатника. В Османской Порте хлопок разводили в Египте, в окрестностях Алеппо, Дамаска, Иконии и Брусссы.

⁶ Расходная книга Казенного двора, указ. изд., стр. 193; Торговая книга, указ. изд., стр. 127.

Чашы селадоновыя (Китай XV—XVI вв.)
Государственный Исторический музей

Чаши фаянсовые
(Иран XVI в.)
Государственный
Исторический музей

Повидимому в первой половине XVI века из Казанского ханства импортировалась юфть, основная статья торговли ханства¹. После присоединения Казанского ханства к России, как известно, Казань считалась одним из центров производства русских экспортных кож.

Сафьян, козловая кожа особой выделки, упоминается в числе товаров, ввозимых на Русь из Турции и Крыма. Например, «три сафьяна червчатые» были отняты на Таванском перевозе через Днестр у русского купца, возвращавшегося в Москву; «сапоги сафьянны черлены Азовские» упоминаются в «рописи» имущества астраханского посадского человека Первуши Изборенина; 10 сафьянов желтых и 10 червлених значатся среди товаров купцов Ивашки Карпова и Юрия Грека, возвращавшихся из Турции².

Сафьян, как указывает Флетчер, ввозили в Россию также из Ирана. В отношении ввоза сафьяна в XVI веке из узбекских ханств мы не имеем сведений, но в начале XVII века сафьяны бухарские, наряду с иранскими, уже постоянно встречаются среди товаров, привозимых с Востока в Русское государство³.

Сафьян употреблялся в России для пошивки сапог, чоботов, чулок. Одна пара сафьяновых сапог стоила в конце XVI века в Москве 8 алтын 2 деньги⁴.

Видное место в русском импорте из восточных стран составляли бакалейные товары, главным образом различные пряности (перец, гвоздика, корица, имбирь, мускатный орех), поступавшие через иранские и турецкие рынки из Индии. Русские и восточные купцы могли приобретать эти пряности в Ормузе, Исфагане, Казвине, Кашане, Тебризе, Шемахе, Алеппо, Константинополе, Кафе. Из Ирана же экспортировался прекрасного качества ширванский и исфаганский шафран (разводился в окрестностях Баку, Исфагана, Хамадана).

Через среднеазиатские рынки индийские пряности в XVI веке в Москву, повидимому, не проникали. Во всяком случае, в ввозе XVII века, о котором мы имеем более полные данные, пряности из Индии почти не встречаются. Что же касается ревеня, упомянутого в Торговой книге, то известно, что его привозили в XVII веке из Средней Азии⁵. Это дает основание предполагать, что и в XVI веке ремень попадал на Русь тем же путем.

По свидетельству Барберини, пряности находили в России широкий сбыт: «всякие пряности требуются в Москве, преимущественно перец, и ужасно много его употребляется; гвоздики не столько; корицы мало»⁶.

¹ Ш. Ф. Мухамедьяров. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства. М., 1950, стр. 277. А. В. Эммаусский. Вятская земля в период образования Русского государства. Киров. 1949, стр. 25.

² РИО, т. 35, стр. 27; «Чтения», 1888, кн. № 3, стр. 328; ЦГАДА, ф. 89, Турецкая посольская книга № 3, лл. 9 об. — 10.

³ МИУТ и ТССР, стр. 125, 134; Д. Флетчер, указ. соч., стр. 157. Веселовский — Н., т. III, стр. 274, 278.

⁴ ЦГАДА, ф. Мазурина, Приходо-расходная книга Чудова монастыря за 1586 г., лл. 45 — 45 об.

⁵ МИУТ и ТССР, стр. 346, 354, 379. Средняя Азия в свою очередь получала ремень из Китая (Готье — Ю., стр. 184).

⁶ Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 г., указ. изд., стр. 56.

ЦЕНЫ (одного фунта) БАКАЛЕЙНЫХ ТОВАРОВ НА РУССКОМ РЫНКЕ В КОНЦЕ XVI в.¹

Название продуктов	Цены
Перец	4—12 алт. 3 ден.
Шафран	26 алт. — 3 руб.
Имбирь	4—6 алт. 4 ден.
Гвоздика	20 алт. — 1 руб.
Мускатный орех	5 » — 1 »
Корица	5 » — 2 »
Ревень	2—10 алт.
Сахар	3 алт. 2 д. — 8 алт. 2 д.
Изюм	2—16 ден.
Миндаль	1 алтын
Орехи грецкие (за 1000 шт.).	11 алтын
Пшено сорочинское	6—9 ден.

Пряности употреблялись не только для приправы к кушаньям, но и как лечебное средство. В лечебниках XVI—XVII вв. указывается, что «корица приятна, коим обычаем ни буди, кашель уймет и насморк», мускатные орехи «исцеляют болезнь печенную и селезенную», а перец «обычный, да семя воробьево, обоих поровну толченых, и то аще в ноздри пускаем, вытянет многоредительную мокрость из головы и глава здрава будет»².

Сравнительно более скромное место среди бакалейных товаров занимали изюм, чернослив, миндаль, орехи и сахар. Последний поступал в Москву, вероятно, из Турции. Известно, что в XV—XVI вв. Османская Порта, где (в Сирии и Египте) имелись плантации сахарного тростника и где вырабатывался фруктовый сахар (производство его было сосредоточено в Смирне), являлась главным поставщиком сахара в Западную Европу³. Из статейного списка русского гонца Новосильцева, посланного в Царьград в 1569 году, видно, что сахар был одним из распространенных продуктов питания, а следовательно, и массовым товаром в Турции. Так, в составе «царева корма», который был дан на три дня Ивану Новосильцеву, подьячему, толмачу и кречатнику, входило 6 голов сахара⁴.

¹ Таблица составлена на основании следующих источников: Приходо-расходная книга Соловецкого м-ря 1572 г., ЦГАДА, ф. 1202, № 207, л. 180; Приходо-расходная книга Чудова м-ря 1586 г., ЦГАДА, ф. Мазурина, лл. 110, 148 об.; Приходо-расходная книга Волоколамского м-ря 1592 г., ЦГАДА, ф. 1192, № 10, л. 83; Расходная книга Кирилло-Белозерского м-ря 1581—82 гг., указ. изд., стр. OLXXXVII, OCIV, OCXX; Торговая книга; указ. изд., стр. 123, 124, 128; Опись имения М. Татищева, указ. изд., стр. 17, 18.

² В. М. Флоринский. Русские простонародные травники и лечебники XVI—XVII вв. Казань, 1880, стр. 71, 72, 75.

³ W. Heud. Указ. соч., т. II, стр. 683, 686. Для конца XV века мы имеем указание, что у русского купца, ехавшего из Крыма, отняли на Тавани 10 гривенков сахара, т. е. 5 фунтов (РЮО, т. 35, стр. 31).

⁴ ЦГАДА, ф. 89, Турецкая посольская книга № 2, л. 136.

Из круп, как показывают наши источники, страны Востока вывозили «сорочинское пшено», т. е. рис.¹ В лечебниках XVI—XVII вв. отмечается: «аще варят то пшено в молоке коровьем с сахаром головным, да прибавят масла коровья свежего по обычаю, и то приято велми питательно есть телу и добрый крови растение творит, и силу всему телу подает»².

В первой половине XVI века немалое значение имел ввоз волжской рыбы. Последняя закупалась в значительном количестве в Астраханском и Казанском ханствах. В территориальных водах последнего русские купцы, по соглашению с ханской властью, также постоянно ловили рыбу³.

Установить значение москательных товаров в русском импорте не представляется возможным из-за отсутствия в документах каких-либо количественных показателей. Известно лишь, что ввозились краски, камеди, квасцы, нефть и ладан.

Краски поступали из Средней Азии и других восточных стран. Среди товаров бухарского государя Абдулы, присланных в 1585 году для продажи в Москву, упоминается 40 пудов краски. В том же году было направлено хивинским царем Азимом 10 «калей» краски. Тезики «Кизылбашской земли», прибывшие в 1594 году в Астрахань и Казань, привезли с собой, наряду с шелком-сырцом и тканями, 4 пуда краски⁴.

Краски нередко встречаются и в числе товаров, поступавших из Турции; количество красок в руках отдельных купцов из этой страны колебалось от 2 до 77 «калей»⁵.

Об ассортименте красок сведения отсутствуют; имеется лишь одно указание: что краска, отнятая в 1490 году в Киеве у русского купца, возвращавшегося из Крыма, была синей⁶. Возможно, что синяя краска была одним из основных красителей, привозимых с Востока, так как, если не считать нескольких растений (синило и др.), дающих весьма непрочную окраску, Русское государство не располагало в то время синими красителями. Это предположение подкрепляется тем фактом, что основное месторождение минеральной краски — лазурита, — применявшейся на Руси в живописи, находилось в Бадахшане, в Средней Азии. Известно также, что среднеазиатская лазоревая краска еще в XIV—XV вв. поступала на русский рынок из Самарканда и Бухары⁷. По всей видимости, через среднеазиатские, иранские и турецкие города шла на Русь из Индии и растительная синяя краска индиго. Во всяком случае мы знаем, что в начале XVII ве-

¹ ЦГАДА, ф. 89, Турецкая посольская книга № 3, лл. 9 об. — 10; Веселовский — Н., т. II, стр. 15. В северных таможенных книгах рис не упоминается. Это указывает на то, что его привозили в Россию исключительно с Востока.

² В. М. Флоринский. Указ. соч., стр. 82.

³ Ш. Ф. Мухамедьяров. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства. М., 1950, стр. 273; П. Х. Хлебников. Астрахань в старые годы. СПб., стр. 60—61, 131—133, 138—139.

⁴ МИУТ и ТССР, стр. 98, 99; Веселовский — Н., т. I, стр. 305.

⁵ РИО, т. 35, стр. 26, 27, 45; т. 41, стр. 117; ЦГАДА, ф. 89, Турецкая посольская книга № 2, лл. 139 об. — 140, 482 об. Эквивалентную величину калы выяснить не удалось.

⁶ РИО, т. 35, стр. 45.

⁷ Путешествия Марко Поло. Записки Русского географич. об-ва по отд. этнографии. СПб., 1902, т. 26, стр. 64; Клавихо, указ. изд., стр. 328, 329.

ка эту краску, известную на Руси под названием «крутик», бухарские и иранские тезики привозили в Астрахань¹.

Названные краски попадали на Русь и через Ногайскую Орду; последняя приобретала их в среднеазиатских ханствах, с которыми была связана торговыми отношениями².

Камеди — клейкие выделения различных растений, применявшиеся в живописи в качестве связующего краски вещества и при золочении, — привозились, судя по Торговой книге конца XVI века, из Турции. По мнению В. А. Щавинского, под «царегородской» камедью, которой пользовались русские живописцы наряду с местной камедью (вишневым клеем), следует понимать клейкие выделения некоторых видов акаций, растущих в тропических странах Азии и Африки³.

Что касается ввоза квасцов, употреблявшихся для дубления кож и в красильном деле, то в Торговой книге имеется лишь указание на «бурские квасцы», т. е. квасцы из Турции. Однако можно предполагать, что квасцы привозились и из Шемахи, где, по словам английских купцов, они были очень дешевы⁴.

Из Шемахи же поступала нефть, реэкспортировавшаяся русскими купцами в Западную Европу. В Торговой книге среди советов купцам, торговавшим с западноевропейскими странами, говорится: «И ты сговаривайся о нефтях, а держи на выгоре, в запасе: а не будет хода до Шемахи мирной, ино не сговаривайся»⁵. На Руси нефть в основном применялась в качестве растворителя в живописной технике.

В этой группе товаров, поступающих с рынков Ирана и Турции, следует отметить еще ладан. Ладан — смола деревьев из породы *cistus*, растущих на южном берегу Аравии и в Сомали, — был известен на рынке в виде молочнобелых или коричневых вязких кусков, употреблявшихся как благовонное вещество⁶.

К этой же категории москательных товаров относится еще мыло. Сорта его под названием «халыпское» и «грецкое» упоминаются в числе товаров, которые шли из Турции и Крыма. В торговом багаже Ивана Карпова и Юрия Грека мы встречаем вместе с тканями и бакалейными товарами три шуда мыла грецкого⁷.

Такой набор товаров свидетельствует о том, что Карпов и Юрий Грек не специализировались на торговле определенными видами товаров, что для того времени являлось вообще характерным.

Среди импортировавшихся с Востока товаров заслуживают внимания

¹ В. А. Щавинский. Очерки по истории техники живописи и технологии красок в Древней Руси. М.-Л., 1935, стр. 16, 17, 119; Веселовский — Н., т. III, стр. 274, 276; МИУТ и ТССР, стр. 168.

² ПДРВ, т. 8, стр. 52, 107 и 108; МИУТ и ТССР, стр. 101.

³ В. А. Щавинский. Указ. соч., стр. 146—147.

⁴ Готье — Ю., стр. 205, 224.

⁵ Торговая книга, указ. изд., стр. 134.

⁶ РИО, т. 35, стр. 23, 29, 31. По словам Пигалотти, агента флорентийской торговой компании (1340 г.), лучшие сорта ладана можно было купить в Тебризе и Багдаде. Белый и без всяких примесей ладан ценился дороже.

⁷ РИО, т. 35, стр. 11, 12, 27; ЦГАДА, ф. 89, Турецкая посольская книга № 3, лл. 9 об. — 10.

ЦЕНЫ (одного фунта) МОСКАТЕЛЬНЫХ ТОВАРОВ НА РУССКОМ РЫНКЕ В КОНЦЕ XVI в.¹

Название товаров	Цены ²
Камедь цареградская	2 д. — 1 алт.
Квасцы бурские	5—10 денег
Лапан	1 алт. 2 д. — 7, 5 алт.
Мыло халыпское (1000 брусков)	16—25 руб.

благородные металлы — золото и серебро (в монетах) и изделия из них, главным экспортером которых являлась Турция. В 1529 году султан Сулейман I послал со своими купцами в Москву «500 тысяч аспр атаманских денег от царские казны... рухляди купити». В 1542 году Андриян Грек, купец турецкого султана, привез в Москву 600 тысяч серебряных «аспр». С тем же купцом Сулейман I отправил на Русь в 1551 году «из своея казны десять тысяч золотых купли ради»³.

В 80-х гг. XVI века турецкие золотые деньги (алтуны) котировались на русском рынке из расчета 20 алтун за 16 руб., в 90-х гг. за 20 алтун можно было получить только 10 русских рублей⁴.

В связи с зарождением во второй половине XVI века монетарной системы золото и серебро стали считаться в России заповедным товаром; вывоз серебряных денег был очень затруднен, а золото совсем не подлежало вывозу за границу⁵. Казна использовала эти металлы для чеканки собственной монеты (серебро) и для изготовления предметов роскоши.

В конце XVI века золотник золота стоил на русском рынке, в зависимости от цвета (за красное золото платили дороже), от 13 алтын 2 денег до 29 алтын. В эти же годы золотник серебра оценивался в 3 алтына 3 деньги⁶.

¹ Таблица составлена на основании следующих данных: Приходо-расходная книга Волоколамского монастыря 1592 г., ЦГАДА, ф. 1192, № 10, лл. 71, 83; Расходная книга Новгородского Софийского дома 1593 г., указ. изд., стр. 293; Расходная книга Казенного двора, указ. изд., стр. 190, 192; Торговая книга, указ. изд., стр. 124, 125.

² Цены на импортные краски в источниках XVI в. не приведены. Для конца XV в. мы имеем указания, что одна «калья» краски, купленная в Турции, стоила 30 руб. (РЮ, т. 35, стр. 27), а в 1545 г. — в Москве калья краски стоила около 80 руб. (ПДРВ, т. 8, стр. 107).

³ ЦГАДА, ф. 89, Турецкая посольская кн. № 1, лл. 321—321 об., 341 об. — 342, 395 об. Основная монетная единица Турции (до конца XVII в.), чеканенная в серебре, носила название «акче», по-гречески «аспр» или «аспрон» (А. А. Быков. Монеты Турции XIV—XVII вв. Л., 1939, стр. 5—6). Золотые турецкие монеты назывались алтунами (А. А. Быков. Указ. соч., стр. 12).

⁴ Приходо-расходная книга Чудова м-ря 1586 г. (ЦГАДА, ф. Мазурина, лл. 24 — 24 об.); Приходо-расходная книга Соловецкого м-ря 1592—95 гг. (ЦГАДА, ф. 1201, № 6, л. 5).

⁵ Сборник кн. Хилкова, СПб., 1879, стр. 161; МИУТ и ТССР, стр. 100, 105; А. С. Мулякин. Очерки по истории юридического положения иностранных купцов в Московском государстве, Одесса, 1912, стр. 42, 43.

⁶ Торговая книга, указ. изд., стр. 117, 118; Расходная книга Казенного двора, указ. изд., стр. 199; Приходо-расходная книга Соловецкого м-ря 1577—78 гг., (ЦГАДА, ф. 1201, № 208, л. 4 об.).

Наряду с золотом и серебром в монетах из Турции привозились также различные изделия из названных металлов. В грамоте Мурада III (1589 г.) к царю Федору Ивановичу говорится: «послал есмя... своего гостя Магмуда Дахалия в вашем государстве нашему величеству потребных товаров шуб собольих и иных товаров, которые нам потребны купити. А для того послали есма из своей казны... золотые товары»¹. Последние состояли преимущественно из различных сосудов — ковшей, чаш и чарок. Например, две чарки серебряные мисюрские упоминаются в списке утвари суздальского Спасо-Евфимьевского монастыря начала XVII века; серебряный ковш находился в числе товаров, купленных русскими купцами в Турции; в собрании Загорского музея имеется серебряная чаша конца XVI века — вклад донского казака Радилова².

В привозе из Османской Порты значатся еще золотые и серебряные нити, употреблявшиеся для вышивания. Эти металлические нити, пряденные на льняную нитку или шелк, продавались на литры или цевки (катушки).

В Торговой книге указано, что в цевке золотых нитей было обыкновенно 6 золотников, а в каждом золотнике — 10 нитей. Литр металлических нитей стоил в Москве в конце XVI века 4—6 рублей³.

Следует отметить, что в XVI веке чистое золото для вышивания употребляли редко, его замесляли золоченым серебром, пряденным на шелк желтоватого цвета, под тон золота. До конца XVII века такие золоченые серебряные нити назывались золотыми⁴.

Золотые и серебряные изделия привозились также из Ирана. Известно, например, что в 1592 году шах Аббас послал в Москву «для своих потреб» с гонцом Каем 9 золотых перстней. Кизылбашская чаша с серебряными кольцами упоминается в Кормовой книге Кирилло-Белозерского монастыря XVI века⁵.

Вообще же о привозе серебряных и золотых изделий из Турции и Ирана источники XVI века говорят редко; очевидно, их импорт в Русское государство был в ту эпоху незначительным.

Наличие в Торговой книге XVI века специальной главы «о всяких камнях» свидетельствует, что драгоценные камни являлись обычным предметом ввоза в Россию⁶.

В документах XVI века встречается множество названий самоцветов, которыми, наряду с жемчугом, широко пользовалась верхушка феодального общества для украшения одежд, утвари и предметов религиозного культа.

¹ ЦГАДА, ф. 89, Турецкая посольская книга № 2, л. 503.

² ЦГАДА, ф. 1203, № 4, л. 1; РИО, т. 35, стр. 3; Загорский музей, № 283.

³ Торговая книга, указ. изд., стр. 129.

⁴ Н. Шабельская. Материалы и технические приемы в древнерусском шитье. Сб. Вопросы реставрации. М., 1926, т. I, стр. 117, 118.

⁵ Веселовский — Н., т. I, стр. 170. Записки отдел. русск. и славян. археологии имп. Археол. об-ва, 1851, т. I, стр. 46.

⁶ Разработка русских месторождений самоцветов, залежи которых сосредоточены преимущественно на Урале, Алтае, Саянах и в Забайкалье, началась лишь во второй половине XVIII в.

Иностранцы, посещавшие в XVI веке Москву, всегда поражались обилию камней и восточного жемчуга, которое они видели на приемах у царей и бояр.

Добыча драгоценных камней — яхонта, лала, изумруда, бирюзы, заберзата, бсчеты и др., которые упоминаются в материалах XVI века, — была сосредоточена, до открытия уральских и американских месторождений, почти исключительно в странах Востока: в Индии, Бирме, Афганистане, Египте, откуда они через рынки Ирана и Турции проникали в Европу¹. Крупная торговля драгоценными камнями в тот период велась в Ормузе, Ширазе, Тебризе, Казвине, Багдаде, Алеппо, Дамаске, Александрии, Каире и Константинополе.

В Константинополе существовали даже специальные цехи, занимавшиеся шлифовкой самоцветов и их продажей. Турецкий дипломат и путешественник Эвлия Челеби (первая половина XVII века) в своей «Книге путешествий» указывает, что эти цехи имеют «индийские алмазы, бадахшанские рубины, бирюзу из Нишапура» и что «количество имеющихся у них драгоценных камней знает только аллах»².

Большинство самоцветов было известно в Русском государстве по их восточным названиям, не проникшим в другие европейские языки; это является несомненным доказательством того, что хотя среди товаров, привозимых с Запада на Русь в XVI веке, и встречались драгоценные камни³, все же главная масса их попадала к нам в результате прямых торговых сношений с Востоком. (См. таблицу на стр. 88).

Еще в конце XV века великий князь Иван III имел в Крыму постоянных агентов — Хозя-Асана и Кокоса, которые закупали для него «лалы, да яхонты добрые, да зерна великие жемчужные»⁴. Иван IV также получал из Крыма самоцветы и жемчуг. Из речи крымского гонца Ашибаша (1563 г.) видно, что на запрос царя Ивана Васильевича прислать в Москву жемчуг «добрый» и лалы крымский царь «послал того для во Царьград и в иные места. И как брату твоему жемчуг и лалы добудут и брат твой Девлет Кирей и царь за то тебе не постоит те поминки к тебе брату своему пришлет»⁵. Известно, что Джекинсоном были куплены для Ивана Грозного драгоценные камни в Иране, а в 1592 году золотые перстни «с лалы и с алмазы и с бирюзами» были посланы шахом Аббасом в Москву на продажу⁶.

Наиболее ценные экземпляры самоцветов, а также камни в готовых изделиях попадали в Москву преимущественно в виде даров восточных правителей.

¹ А. Е. Ферсман. Самоцветы России, 1920, т. II, стр. 26, 33, 34, 62; А. Е. Ферсман. Драгоценные и цветные камни СССР. Л., 1925, т. II, стр. 250—251.

² В. С. Гарбузова. Эвлия Челеби о стамбульских ювелирах XVII в. Труды отд. истории культуры и искусства Востока Госуд. Эрмитажа. Л., 1940, т. III, стр. 321, 322.

³ Еремей Горсей. Путешествия в Московию. М., 1907, стр. 39, 60, 64; Веселовский Н., т. I, стр. 270; Торговая книга. Указ. изд., стр. 120.

⁴ РИО, т. 41, стр. 28, 40, 50—51.

⁵ ПГАДА, ф. 123, Крымская посольская книга № 10, л. 342.

⁶ Готье — Ю., стр. 213; Веселовский — Н., т. I, стр. 170.

ВОСТОЧНЫЕ И ЕВРОПЕЙСКИЕ НАЗВАНИЯ ДРАГОЦЕННЫХ КАМНЕЙ

Русские	Яхонт червчатый	Яхонт синий, голуб, лазорец	Лал	Бирюза	Изумруд
Иранские	jaqut	jaqut—e koebud (Коебуд — син., голуб.)	loel	firuzae piruzae	zomorrod zumurrud
Турецкие	kirmizi yakut (kirmizi — красн., алый)	gök yakut (gök—голубой, синий, лазурный)		beruse	zümrüt
Английские	Ruby	Sapphiric	Spinel	Turquoise	Emerald
Итальянские	Rubino	Zaffiro	Spinello	Turchese	Smeraldo
Немецкие	Rubin	Saphir	Spinell	Turkis	Smaragd
Французские	Rubis	Saphir	Spinell	Turquoise	Emeraud

В XVI веке из всех восточных самоцветов самыми употребительными в России были камни из породы корунда разнообразной окраски, известные у нас, как и на Востоке, под общим названием яхонта: яхонты червчатые, лазоревые, чалые¹. Под яхонтом «червчатый» следует понимать кроваво-красный и карминно-розовый рубин, под яхонтами «лазорец», «голуб», «синь» — сапфир различных оттенков, а под яхонтом «чалым» прозрачный камень желтоватого цвета, так называемый восточный топаз².

Самым ценным из яхонтов и вообще из всех драгоценных камней считался яхонт червчатый. Из слов Ивана Грозного видно, что ему приписыва-

¹ Mohammed Ben Manssur. Auszüge aus dem persischen Werke «Das Buch der Edelsteine». Fundgruben des Orients. 1818, t. VI, стр. 126.

² Название «рубин» в русских источниках XVI в. не встречается; названия же «сапфир» и «топаз» упоминаются в «описи имущества» Ивана Грозного (указ. изд., стр. 6, 34). Возможно, что эти экземпляры желтого и синего корунда были привезены с Запада, где они были известны под названием сапфира и топаза. Все эти разновидности корунда добывались в Индии, на острове Цейлон и в северо-восточном Афганистане.

ли чудодейственную силу: «Этот камень врачует сердце, мозг, силу и память человека, очищает сгущенную и испорченную кровь»¹

Второе место по ценности среди самоцветов занимал шпинель — прозрачный камень красного цвета, известный на Руси под именем лала². По представлению восточных авторов, «...ношение лала предохраняет от всех болезней»³. Под именем лала с Востока иногда привозили еще разнообразные камни красных тонов — веписы (гранаты), бечеты (гиацинты), вареники (красновато-фиолетовые аметисты) и другие, имеющие нередко большое сходство с рубином и шпинелью.

Бирюза — излюбленный камень мусульманского мира — также относилась к числу наиболее распространенных в Русском государстве драгоценных камней⁴. Оружие, которое привозилось из Ирана, всегда было богато украшено этим камнем. Престол Бориса Годунова имеет наряду с другими драгоценными камнями огромные вставки из бирюзы. Редкому камню приписывали свойства, более чудодейственные, чем бирюзе. Армянские авторы XVII века писали о ней: «Кто носит на пальце бирюзу, тот не чувствует недостатка в деньгах; слова его встречают внимание ... если с утра посмотреть на бирюзу, то в течение целого дня человек освобождается от забот»⁵.

Кроме упомянутых самоцветов, из Ирана и Турции импортировались еще алмазы, камни «заберзат», известные теперь под именем берилла, и разновидность последнего — изумруд⁶. Заберзат — камень желтовато-зеленых оттенков — благодаря своей блеклой окраске ценился значительно ниже густо зеленого, совершенно прозрачного изумруда.

Наряду с драгоценными камнями с Востока шли еще полудрагоценные или цветные камни⁷. К ним относятся сердолик, перелифт и горный хрусталь, известным в то время под названием «смазнад» или «смазень». Он бывает различной окраски — от дымчатой, гвоздично-бурой и черной до со-

¹ Еремей Горсей. Путешествия в Московию. М., 1907, стр. 40.

² Лал бывает различных оттенков: карминного, темнорозового, кроваво-красного, огненного. Больше всего ценится камень кроваво-красного тона, без желтоватого оттенка. Шпинель по своему цвету очень близок к рубину, но по блеску и твердости уступает ему. В торговле его часто называют рубином. Лал добывался в ту эпоху в Восточной Индии, Бирме, на острове Цейлон и в северо-восточном Афганистане, в верховьях р. Кокче (приток Аму-Дарьи), где залегали богатые шпинелевые копи. Камень, добытый здесь, был известен под именем «бадахшанского» и ценился дороже шпинели цейлонской и индийской.

³ К. П. Патканов. Драгоценные камни, их названия и свойства по понятиям армян в XVII в. Труды Вост. отд. имп. Арх. общ., СПб., 1874, т. 17, стр. 48—49.

⁴ Богатейшие месторождения этого камня находились в северо-восточной части Ирана близ г. Нишапур, где добывался лучший сорт бирюзы — крупные камни небесно-голубого цвета без прожилок. Кроме того, бирюза добывалась и в Средней Азии, близ Ходжента.

⁵ К. П. Патканов. Драгоценные камни, их названия и свойства по понятиям армян в XVI в. Указ. изд., стр. 48—49.

⁶ Алмазы добывались в Индии, бериллы и изумруды шли из Египта; между Нилом и Красным морем протянулась целая полоса изумрудных копей, снабжавших Восток зелеными камнями.

⁷ Цветными, или полудрагоценными, камнями принято называть красиво окрашенные непрозрачные минералы. Но все же строгого различия между драгоценными и полудрагоценными камнями провести нельзя; так, горный хрусталь, хотя и абсолютно прозрачен, тем не менее относится к полудрагоценным камням.

вершенно бесцветной¹. Кроме натурального цветного хрусталя, встречался также искусственно окрашенный. Еще Бен-Мансур, иранский писатель XIII века, указывал, что горный хрусталь можно окрашивать под цвет яхонта, лаала, изумруда. Вероятно, хрусталь, окрашенный в синие, красные и зеленые тона, и назывался в XVI веке в России «достаканом»².

Цветные камни, как и самоцветы, шли в огранку. Например, в духовной кн. Ивана Борисовича Волоцкого упоминается «перстень с перелифтою золот»; «камень сердолик обложен золотом» был подарен иранским шахом русскому послу Андрею Звенигородскому. Цветные камни употреблялись и для изготовления различных вещей. Так, в духовной кн. Михаила Верейского названа иконка, которая была «резана на перелифти». В описи царского «платья» Грозного упоминаются «две запонки есть золоты на них образины на перелифти»³.

Что же касается более дешевых камней — аспида, бакана и ящура, ввозившихся с Востока в числе других цветных камней, — то они шли исключительно на изготовление различных поделок⁴.

Из Торговой книги можно почерпнуть сведения о стоимости некоторых восточных камней, обращавшихся на русском рынке (см. таблицу на стр. 91). По словам русского посла в Иране Григория Васильчикова, из самоцветов в Москве «подороже всех и почеснее камень яхонт червчат да лал бедахханской»⁵.

Цена самоцвета зависела не только от размера и цвета камня, но и от его чистоты. Требовалось, чтобы камни «были бы чисты, как сквозь видети». Чем темнее и глубже был тон камня, тем дороже он стоил: «а жидкого цвета камень тот ценою в полы, хотя бы столь же велик весом»⁶.

Самым дорогим камнем считался яхонт «червчат». В конце XVI века «яхонт червчат» весом в золотник стоил от 20 до 40 рублей, т. е. в два раза дороже лаала и в пять раз дороже яхонта синего.

В Торговой книге цены других камней, в том числе и алмаза, не обозначены, а в главе «о всяких камнях дорогих» последний даже не назван. Очевидно, в ту эпоху торговое значение алмаза было невелико. О стоимости бирюзы и изумруда можно получить представление на основании данных описи «имения» Михаила Татищева (1608 г.), хотя в ней не приведены точные размеры камней. Так, «изумруд велик на спне на золотом» стоил 8 рублей; изумруд меньшего размера «в гнезде золотом» 2 рубля с полтиной. Значительно дешевле ценилась бирюза. Крупный камень в золотой

¹ Сердолик и перелифт представляют разновидности халцедона: кирпичного цвета халцедон называется сердоликом, а серовато-фиолетовый — перелифтом. Эти камни добывались в ту эпоху в Аравии и северо-восточном Афганистане.

² Mohammed Ben Manssur, указ., соч., стр. 138; Торговая книга, указ. изд., стр. 121.

³ СГГД, т. I, стр. 301, 342; Веселовский — Н., т. I, стр. 278; «Временник», т. VII, стр. 13.

⁴ Аспид — кровавая яшма, камень темнозеленого цвета с красными прожилками; добывался в Египте и Средней Азии. Бакан представлял собой рубиновый шпат различных розово-малиновых оттенков. Яшур — неизвестный нам теперь камень белого цвета.

⁵ Веселовский — Н., т. I, стр. 270.

⁶ Торговая книга, указ. изд., стр. 120—121.

СТОИМОСТЬ САМОЦВЕТОВ В РОССИИ
ПО ДАННЫМ ТОРГОВОЙ КНИГИ КОНЦА XVI в.

Названия камней	Вес камней		Цена	Примечания
	в зо- лотник.	в каратах ¹		
Яхонт червчатый	1/2	прибл. 10,5	5—10 руб.	Разм. в «ластико- яйцо — 100 р. и выше
Яхонт червчатый	1	» 21	20—40 »	
Яхонт синий ²	1	» 21	2—4 »	2 камня доброго цвета сережные — 50—60 руб. ³
Лал	1/2	» 10,5	2—4 »	
Лал	1	» 21	10 »	
Зарецник ⁴	4	» 85	50 »	
Заберзат	1/2	» 10,5	1 алт.	
Вениса	1	» 21	10 »	

оправе стоил 20 алтын, а «80 бирюзок средних и мелких» можно было купить за 2 рубля⁵.

Восточный жемчуг ценился в Москве в конце XVI века дешевле самоцветов. Стоимость его зависела не только от размера и цвета зерен, но и от их формы. «Окатный» жемчуг, т. е. круглый и ровный, ценился в два раза выше неровного — «зубатого». Крупный жемчуг продавался отдельными зернами. Лучший «гурмыжский»⁶ жемчуг окатный, белый и чистый, весом в две деньги (около 7 карат), стоил 2 рубля, а «жемчужина в алтын весом» (около 20 карат) стоила 7—8 рублей. Более мелкий жемчуг продавался не поштучно, а на золотники. Так, 20—25 зерен в золотнике стоили от 1 рубля до 1 рубля 10 алтын, а 60 жемчужин в золотнике можно было купить за полтину⁷.

¹ Пересчет в караты произведен по следующему расчету: 1 золотник = 4,25 г; 1 карат = 200—206 мг.

² Цена яхонта чалого в Торговой книге не указана. Вероятно, стоимость его была ниже других разновидностей корунда. На Востоке полагали, что цветные камни «зреют» в земле: сначала они бесцветны, затем приобретают желтый, зеленый, синий цвета и, наконец, становятся красными, достигнув тем самым высшей ступени зрелости.

³ Среди даров шаха Аббаса упоминаются 2 лала стоимостью в 150 руб. (Веселовский — Н., т. I, стр. 130).

⁴ Стоимость вареника весом в золотник в Торговой книге не указывается. Очевидно, ценились главным образом вареники очень крупных размеров.

⁵ «Временник», т. VIII, стр. 35.

⁶ «Гурмыжскими зернами» назывался жемчуг из Персидского залива, лов его производился здесь, близ острова Ормуз. Ловлей жемчуга занимались еще в Красном море и близ острова Цейлон, откуда он шел в Иран и Турцию.

⁷ Торговая книга, указ. изд., стр. 122.

На основании данных крымских и польских дел конца XV и начала XVI века можно заключить, что восточный жемчуг попадал в Москву преимущественно через Азов и Кафу¹.

Предметы вооружения, редко встречавшиеся среди купеческих товаров и поступавшие с Востока преимущественно в виде поминков, относились в XVI веке, как и предметы конского снаряжения, к второстепенным объектам русского импорта.

Из холодного оружия, главными экспортерами которого являлись Иран и Турция, упоминаются топоры, пожи, клежды и сабли. В описи оружия Бориса Годунова (1589 г.) и в числе даров гялянского царя Ахмета и иранского шаха Аббаса (1591 и 1593 гг.) царю Федору Ивановичу и Борису Годунову можно встретить такие виды оружия, как клевец «Турской с обушком, топорище крашено», топор «Турской широкий, лезь по обе стороны наведены каймы золотом по обе стороны мишени»; нож «булатен кизылбышское дело, по нем врезаны травы золоты, а у него черен рыбой зуб, а по нем врезывано золото жь с чернью; ножны окованы золотом»; сабля кизылбашская булатная «в припуске, а на ней мишенцы золоты да серебряны огнивица и удицца, и обоймицы, и наконечник золот, а в них камене лалы и берюзы, ножны хоз зелен»².

Сабли ввозились в Россию в бóльшем количестве, чем остальные виды холодного оружия. Особенно ценились у нас иранские сабли вследствие высокого качества булата и изящества отделки. Кроме богато орнаментированных сабель, доступных немногим, из Ирана привозили сабли с простыми рукоятками стоимостью в 4—5 рублей и отдельно сабельные полосы («полоса булатна») ценой в 3 рубля, находившие спрос и в дворянском ополчении³. Сабли булатные, наряду с ножами и топорами, упоминаются и в среднеазиатском привозе конца XVI века⁴.

Метательное оружие (лук и стрелы) ввозилось, помимо названных стран, еще из Крыма⁵. Украшения бухарских, турецких, крымских и кизылбашских луков и саадаков (налучник и колчан) были чрезвычайно разнообразны и большей частью очень роскошны. Повидимому, они находили сбыт только среди придворной знати.

В числе даров, присылаемых из среднеазиатских ханств и Ирана, в описи оружия и ратного доспеха Бориса Годунова упоминается еще ряд других предметов вооружения: наручи, зеркала и шлемы турецкие, кизылбашские и шамохейские (изготовленные в Закавказье, в Шемахе), орнаментированные золотом и серебром «с лалы и с бирюзами и с жемчугом», а также медные, железные и расшитые шелком тростниковые щиты бухарской, иранской и турецкой работы⁶. Восточными щитами феодальная знать, повидимому, пользовалась лишь в парадных случаях, так как этот громоздкий

¹ РИО, т. 41, стр. 408, 409, 411.

² Платье... Бориса Годунова, указ. изд. стр. 299; Веселовский—Н., т. I, стр. 157, 195.

³ Веселовский—Н., т. 1, стр. 130, 131.

⁴ МИУТ и ТССР, стр. 98, 99.

⁵ Платье... Бориса Годунова, указ. изд., стр. 292—296.

⁶ МИУТ и ТССР, стр. 98, 99; Веселовский—Н., т. I, стр. 130—131, 194—195; Платье... Бориса Годунова, указ. изд., стр. 302—304.

и тяжелый вид защитного вооружения в XVI веке почти совершенно вышел из употребления¹.

Конское снаряжение привозилось из тех же стран, из которых поступало оружие, но, судя по описям «походного платья и конского снаряжения» Ивана Грозного и «конского прибора» Бориса Годунова, значительная часть этого снаряжения импортировалась из Бухары и Крыма. Наиболее ценные экземпляры седел попадали в Русское государство в виде даров восточных правителей. Седло царя Федора Ивановича, полученное им от шаха Аббаса (хранится в Оружейной палате), стоило 526 рублей. В «росписи, что государю от кизылбашского Аббаса шаха поминков», дано следующее его описание: «Седло, кизылбашское дело, настилка бархат кизылбашской, шолк червчет да лазорев, з золотом, луки и зведи кованы золотом, в луках и в звездах вделано яхонты червчаты и лалы и бирюза, войлоки бархат кизылбашской розные шелки, крыльда и тебенки — камка кизылбашская; стремена железные обогнуты серебром, пряжи серебряные; пуслица и подпруги ткани в крушки, шолк черн да лазорев да черевчат, да бел, з золотом и с серебром»².

Из военных музыкальных инструментов привозили из Бухары, Турции и Ирана тулунбасы. Тулунбас — это небольшой бубен, состоящий из железной, медной или деревянной чашки с натянутой поверх нее кожей, по которой ударяли короткой плетью с металлическим шариком на конце³.

В привозе с Востока встречались еще «кутазы боболевые» — бунчаки или волосяные космы, которые носили на штандартах»⁴.

Второстепенным объектом восточной торговли XVI века в Русском государстве следует считать еще посуду, известную у нас под именем «ценинной»⁵.

Кувшины, блюдечки и чаши «ценинны» фигурировали среди даров, доставленных в 1585 и 1591 гг. бухарскими и гилянскими послами царю Федору Ивановичу и Борису Годунову⁶. Несколько десятков ценинных сосудов перечислены и в описи имущества Годунова (1589 г.); на некоторых из них, как на чашах, привезенных послами, «на лазоревой краске травы навожены» были золотом⁷. В описи сольвычегодского Благовещенского собора 1579 года значится блюдо и чаши ценинные с травами «положения Семиона да Максима да Никиты Строгановых»⁸.

¹ С. К. Богоявленский. Вооружение русских войск в XVI—XVII вв. Изд., 1938, № 4, стр. 260.

² Веселовский — Н., т. I, стр. 129—130.

³ МИУТ и ТССР, стр. 98; Веселовский — Н., т. I, стр. 195; Платье... Бориса Годунова, указ. изд., стр. 314—315.

⁴ Веселовский — Н., т. I, стр. 157.

⁵ По мнению В. Борщевского, под «ценинными» изделиями подразумевались керамические изделия, покрытые непрозрачной поливой. Последняя, содержащая в своем составе олово, называлась ценинной от слова Zinn — олово. (В. Борщевский. Какие предметы разумелись под названием «ценинных». Смоленская старина, Смоленск, 1916, в 111, ч. 2-я, стр. 49—52).

⁶ МИУТ и ТССР, стр. 98; Веселовский — Н., т. I, стр. 157.

⁷ Книга переписная пожиткам Бориса Годунова 1589 г. (ЦГАДА, ф. Оружейной палаты № 2, лл. 84 об. — 86).

⁸ Савваитов. Строгановские вклады в сольвычегодский Благовещенский собор. СПб., 1853, стр. 41, 42.

Под ценными сосудами, по всей видимости, понимались керамические изделия, в частности фаянсовая посуда, производство которой в странах Ближнего Востока достигло в XVI веке большого совершенства. Это предположение подтверждается тем, что фаянсовая суляя иранской работы, принадлежавшая царевичу Ивану Ивановичу (хранится в Оружейной палате), названа в описи XVII века тоже ценной¹. Эта шестигранная узкогорлая суляя украшена росписью, исполненной по белому фону одной только синей краской; такая роспись очень характерна для Ирана XVI века, где в то время господствовало увлечение китайским синим фарфором. Синяя роспись имеется и на фаянсовой посуде XVI века, найденной в Московском Кремле в середине прошлого столетия под полом Благовещенского собора.

Особый интерес вызывают селадонные чаши, найденные в Кремле вместе с иранским фаянсом XVI века. Под селадонном подразумеваются изделия китайской керамики, в большинстве случаев толстостенные, изготовленные из фарфоровидной массы и покрытые необыкновенно прозрачной глазурью зеленоватых оттенков. Селадоны изготовлялись в эпохи Сун, Юань и Мин (X—XVII вв.) в провинции Чжэцзян (Восточный Китай), откуда они вывозились на запад — в Среднюю Азию, страны Ближнего Востока и в Европу².

Благодаря своим художественным достоинствам селадоны на Востоке очень высоко ценились. Этим сосудам, напоминающим по своему цвету камень нефрит, приписывалась способность обнаруживать яд, положенный в подаваемую в них пищу. В Иране стали даже производить керамику, подражающую селадонам. Однако иранским мастерам не удалось получить тот нежный тон зеленой краски и мягкий блеск глазури, которые присущи китайским изделиям. Найденные в Кремле китайские селадоны, судя по черепку³, могут быть датированы XV—XVI вв. Эти редкие и дорогие сосуды были, по видимому, доставлены ко двору русских царей из Ирана или Бухары в качестве поминков.

Главным поставщиком скота на русский рынок являлась Ногайская Орда, ежегодно пригонявшая в середине XVI века в одну лишь столицу

¹ И. Е. Забелин. Историческое обозрение финифтяного и ценного дела в России. СПб., 1853, стр. 41—42.

² Э. Кверфельдт. Китайская керамика XII—XIII вв. на Кавказе. Сб. «Памятники эпохи Руставели», Л., 1938, стр. 189.

Название «селадон» — европейское, оно происходит от имени героя французского романа «Астрея» (нач. XVII в., автор Дюрфэ) Селадона, который всегда одевался в платье зеленоватых тонов. У арабов эта китайская керамика называлась «мартабани». На Руси селадонные сосуды, как и фаянсовые, по видимому, назывались ценными.

³ Селадоны времени династии Сун (X—XIII вв.) имеют сероватый черепок цвета буйволиной кожи. Фрагменты селадонных сосудов с сероватым черепком были найдены при раскопках последних лет проф. А. П. Смирновым в Болгарах, в слоях, датированных XII—XV вв. Селадонные сосуды более поздней Минской эпохи (XV—XVII вв.) отличаются белым черепком. Сосуды, найденные в Благовещенском соборе в Кремле, имеют светлый, почти белый черепок, что дает основание отнести их к концу XV—XVI вв.

Как показало исследование, производившееся в керамической мастерской при Академии архитектуры, селадонные изделия из Болгар, как и селадонные сосуды более позднего времени из Благовещенского собора имеют хорошо спекшийся черепок; процент водопоглощаемости этих фрагментов почти одинаков и колеблется от 0,13 до 0,31.

Русского государства около 10 тыс. лошадей, в отдельные же годы их количество доходило до 25—27 тыс., а овец до 4 тыс. голов¹.

Ногайские лошади слыли в России, как неутомимые, и очень ценились. Из огромных табунов обычно отбирались лучшие аргамаки (порода быстрых и легких верховых лошадей) для государственной конюшни. По свидетельству Герберштейна, охотничьи лошади великого князя Василия III, которые отличались большой красотой, принадлежали к породе аргамаков. Царь Иван Васильевич предпочитал для охоты «аргамаков жеребцов добрых»². Крым, Турция и Иран тоже поставляли в Москву коней породы аргамаков³.

Аргамак, купленный в Кафе в 1516 году для великого князя Василия III русским послом Иваном Мамоновым, стоил 130 рублей. Стоимость табунной ногайской лошади была значительно ниже. Так, старец Соловецкого монастыря Архип купил в Москве в 1593 году «две кобылы ногайские чала да сера» за 7 рублей 8 алтын 2 деньги⁴.

Кроме перечисленных товаров, в документах о привозе с Востока упоминаются еще деревянные гребни, булатные зеркала, губки, шитые индийские шатры⁵.

В итоге, рассмотрев имеющиеся сведения о русском привозе с Востока, мы приходим к следующим выводам.

В XVI веке в русском импорте с Востока, наряду с предметами роскоши (золотные ткани, самоцветы, дорогое оружие), имевшими узкий рынок сбыта среди верхушки феодального общества, значительное место занимали изделия более широкого потребления (хлопчатобумажные ткани, дешевые сорта шелковых материй, некоторые виды пряностей), а также товары производственного значения (краски, камедь, квасцы, нефть), проникавшие в разнообразные слои населения.

Русское государство хотя и не имело в рассматриваемый период непосредственных торговых связей со странами восточной и юго-восточной Азии, тем не менее оно поддерживало некоторый товарообмен и с этими странами при посредстве среднеазиатских и иранских купцов. В привозе последних встречались и китайский селадон и индийские и китайские ткани.

В то время и сама Россия являлась в отношении некоторых товаров торговым посредником между Западом и Востоком, отправляя в Иран и Ногайскую Орду западные сукна и металлы, а на Запад — нефть и шелк из стран Востока.

¹ В 1551 г. в Москву было пригнано 27 806 коней, в 1552 г. — 25 200; овец поступило в Москву в 1555 г. 4 000 голов, а в Казань — 20 300 (ПДРВ, т. VIII, стр. 219, 223, 249, 289, 293, 301, 323; т. IX, стр. 1, 16, 28, 35, 51, 189, 209).

² Н. Кутепов. Великокняжеская и царская охота на Руси в X—XVI вв. СПб., 1896, т. I, стр. 142—144.

³ РИО, т. 95, стр. 41, 247; Веселовский — Н., т. I, стр. 94; т. II, стр. 1; ЦГАДА, ф. 89, Турецкая посольская кн. № 1, лл. 241—241 об.

⁴ ЦГАДА, фонд. 1201. Приходо-расходная книга Соловецкого монастыря 1593 г., № 6, л. 6 об.

⁵ Веселовский — Н., т. II, стр. 15; ЦГАДА, фонд 89, Турецкая посольская книга № 3, лл. 9 об. — 10; Расходная книга Новгородского Софийского дома, указ. изд., стр. 291. В этой книге указано, что «губа грецкая» была куплена, чтобы «открыти образы». Зеркала булатные употреблялись даже в XVII веке. Например, царь Федор Алексеевич имел булатное зеркало «в посеребренных рамах».

СПИСОК ВАЖНЕЙШИХ ПРЕДМЕТОВ РУССКОГО ВЫВОЗА и ВВОЗА в XVI в.

I. Торговля с Казанским ханством

Предметы вывоза	Предметы ввоза
Соль	Рыба
Железные изделия	Кожа — юфть
Кожевенные изделия	Меха
Предметы одежды	Ткани и другие изделия Ирана и среднеазиатских стран
Западные сукна	

II. Торговля с Астраханским ханством

Железные изделия	Рыба
Кожевенные изделия	Ткани и другие изделия Ирана и среднеазиатских стран
Предметы одежды	
Западные сукна	

III. Торговля с среднеазиатскими ханствами

Кожа и кожевенные изделия	Хлопчатобумажные, шелковые и льняные ткани
Меха	Готовые текстильные изделия: кушаки, ширинки, ковры
Предметы вооружения	Краски
Деревянные изделия	Предметы вооружения
Шерстяные ткани	Конское снаряжение
Предметы одежды	
Воск	
Мед	
Ловчие птицы	
Вино	
Моржовая кость	
Краски	

IV. Торговля с Ираном

Кожа	Шелковые и хлопчатобумажные ткани
Меха	Готовые текстильные изделия: кафтаны, платна, полости, кушаки, ковры
Предметы вооружения	Текстильное сырье: шелк-сырец, хлопок
Железные изделия	Бакалейные товары
Деревянные изделия	Москательные товары
Предметы одежды	Кожа-сафьян
Воск	Драгоценные камни
Ловчие птицы	Ювелирные изделия
Моржовая кость	Предметы вооружения
Слюда	Конское снаряжение
Масло	
Сало	
Западные сукна	
Металлы: олово, свинец, медь	
Бумага писчая	
Стекло	

V. Торговля с Турцией

Предметы вывоза

Меха
Предметы одежды
Ловчие птицы
Моржовая кость

Предметы ввоза

Шелковые, хлопчатобумажные и шерстяные ткани
Готовые текстильные изделия: кафтаны, кушаки, тесьма, ковры
Текстильное сырье: шелк-сырец, хлопок
Кожа-сафьян
Бакалейные товары
Москательные товары
Благородные металлы в монетах и изделиях
Драгоценные камни
Предметы вооружения
Конское снаряжение

VI. Торговля с Ногайской Ордой

Предметы одежды
Кожа и кожевенные изделия
Предметы вооружения
Железные изделия
Ткани: шерсть, холст, полотно
Деревянные изделия
Меха
Хлебные товары
Мед
Западные сукна
Металлы: железо, олово, медь, свинец
Ловчие птицы
Моржовая кость
Краски
Писчая бумага
Стекло

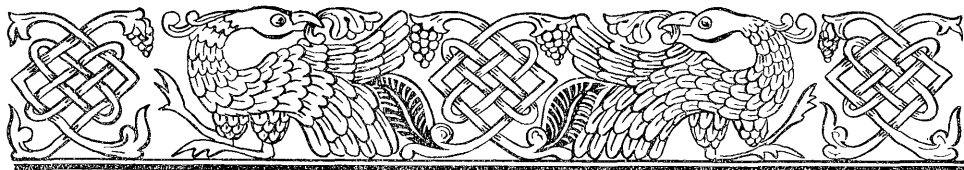
Скот
Среднеазиатские краски и ткани

VII. Торговля с Крымом

Меха
Кожа и кожевенные изделия
Предметы вооружения
Железные изделия
Предметы одежды
Ловчие птицы
Моржовая кость
Западные сукна

Предметы вооружения
Конское снаряжение
Ковры
Кожа-сафьян
Скот
Турецкие ткани и другие изделия
Порты

ОРГАНИЗАЦИЯ РУССКОЙ ТОРГОВЛИ СО СТРАНАМИ ВОСТОКА

дипломатических сношениях России с восточными государствами вопросы, связанные с нуждами торговли, играли значительную роль.

С первых лет установления дипломатических связей с Турцией режим торговли, помимо общих заверений «о братстве и дружбе», являлся одной из основных тем русско-турецких переговоров. Так, еще в конце XV века (1496 г.) правительством Ивана III был поставлен перед султаном Баязетом II вопрос об упорядочении условий торговли русских купцов в турецких владениях, и послу М. А. Плещееву было поручено вручить султану «Список, которая сила чинится над государя нашего гостями в турецких землях»¹.

С тех пор вопросы о притеснениях и ограблениях русских купцов, о беспрепятственном въезде и торговле последних в Турцию, об отмене «зауморщины», т. е. об уничтожении права казны на имущество купцов, умерших на территории Османской Порты, неоднократно ставились московскими дипломатами перед турецким правительством (посольства Ал. Голохвостова в 1499 г., Михаила Алексея в 1512 г., Василия Андр. Коробова в 1515 г.; Третьяка Губина в 1521 г., Ивана Сем. Брюхова (Морозова) в 1523 г., Ивана Новосильцева в 1569 г., Андрея Кузминского в 1571 г., Бориса Благово в 1584 г. и Григория Нащокина в 1592)². Аналогичные меры русское правительство обещало применять с своей стороны и к турецким купцам, которые будут «на Москве и в Великом Новгороде и в иных наших землях во всех наших государствах»³.

¹ РИО, т. 41, стр. 235—236.

² РИО, т. 41, стр. 280—282; т. 95, стр. 85—86, 107, 684; ЦГАДА ф. 89, Турецкая посольская книга № 1, л. 232; кн. № 2, лл. 30 об.—31, 180—181, 210, 211 об., 262 об., кн. № 3, л. 4.

³ РИО, т. 95, стр. 120.

В посольских речах часто встречалась традиционная формула: «Да и гости бы ходили на обе стороны без всякие зацепки и зауморшин бы на обе стороны не было... которого нашего человека в животе не станет в его государствах и брат бы наш тот товар велел переписать, да запечатав положить до толе до коле от нас приедут о том товаре с нашею грамотою... И пошлин бы лишних и силы над нашими гостми никоторыя не было, оприч тех пошлин, которые в его земле пошлины из старины»¹.

Соответственно этому и турецкое правительство, заинтересованное в поддержании и укреплении русско-турецкой торговли, в ответных грамотах заявляло: «А торговым людям нашим и вашим торгом и без торгу свободно ходити... да торгуют по своей воле, как хотят, а им не будет никоторая досада или сила»².

В грамотах, которыми обменивались русские и турецкие государи, помимо вопросов общего режима торговли большое внимание уделялось условиям торгового купцов, направленных своими государями на турецкий и русский рынки специально для продажи товаров казны. В грамоте султана Мурада к царю Ивану Васильевичу (1580 г.), как и в ряде других султанских грамот, посылаемых в Москву с челебеями³, говорилось: «Послали есмь из своеа страны пошлова избранного купца своего Магмуда для любви велети есмь в твоем государстве своему величеству, что нам потребно шуб соболих и иное какое товар купити и для того ис своеа казны неотвелика золотную рухлядь в ту страну с ним послано. И как ся наша грамота у вас будет и по нашему величеству наказу, что нам потребно шуб соболих и иное которое товар в тое стране искупит. И вашеб величество тамги и пошлины имати не велели и их самих и их товаров никотором убытке не было». Далее султан просил предоставить купцу Магмуду охрану до границы государства, чтобы он «с тое наше рухлядь до нашего величества доехали здорово»⁴.

Те же требования в отношении купцов, направляемых в Турцию с царскими товарами, встречаются и в русских грамотах. Царь Федор Иванович в грамоте, посланной в 1458 году с Борисом Благово к султану Мураду, писал: «А ты б брат наш наших людей, которые будут в твоем государстве от нас посылаемо... всел потому ж беречь и тамги своей и никаких пошлин с них и с их товаров имати не велел...»⁵.

Таким образом, мы видим, что регулирование экономических связей между Россией и Турцией в XVI веке происходило путем дипломатических переговоров, а также при помощи отдельных царских и султанских грамот. Правда, в начале XVI века делались попытки заключения письменного

¹ ЦГАДА, ф. 89, Турецкая посольская книга № 1, лл. 226 об., 229, 232; РИО, т. 95, стр. 103, 107.

² РИО, т. 95, стр. 236—237.

³ «Челеби», как указывает В. Гордлевский (Государство Сельджукидов в Малой Азии. М.-Л., 1941, стр. 142), являлось в XIV в. титулом светского государя в Малой Азии, но вместе с тем этот титул прилагался и к «ахи» (членам ремесленной организации) и к духовным феодалам. Из посольских книг Турецкого двора видно, что титулом «челеби» в XVI в. пользовались еще и торговые представители султана (ЦГАДА, Турецкая посольская книга № 2, лл. 447 об., 448, 449).

⁴ ЦГАДА, ф. 89, Турецкая посольская книга № 2, лл. 235 об., 236.

⁵ Там же, л. 262 об.

договора, обеспечивавшего купцам право приезда и ведения торговли на русском и турецких рынках. Однако проект такого договора о взаимной дружбе и торговле, составленный в Москве в 1515 году¹, не удалось осуществить из-за нежелания турецкого правительства связать себя конкретными обязательствами, несовместимыми с планами турецкой экспансии на Дону и в Поволжье.

Путем дипломатических переговоров и грамот регулировались торговые отношения России и с другими восточными странами. Так, свободный приезд в Москву ногайских купцов основывался на отдельных грамотах (1508, 1534, 1536, 1549 гг.), посылавшихся русскими государями к правителям Орды, которые содержали формальное приглашение на приезд ногайцев в Россию: «да и гостей бы есте своих с ним (с послом. — *М. Ф.*) вместе с наши земли отпустили, а вашим гостем добровольно в наши земли приехати и отъехати безо всякие зацепки»².

При дипломатических переговорах Москвы с Крымом, а также в грамотах, которыми обменивались ханы (в том числе и шертные) с русскими государями, устанавливалась взаимная «повольная» торговля, беспрепятственный проезд купцов через владения Крымского ханства, беспоплащенная торговля для товаров казны и посольств, отмена «зауморщины»³. Не существовало договоров у России и с узбекскими ханствами, хотя тесные торговые связи с последними установились с середины XVI века⁴.

Большой интерес представляет попытка русского правительства заключить торговый договор с Ираном, подобно неосуществленному проекту договора 1515 года с Турцией. В проекте русско-иранской «докончальной грамоты», включенном в наказ послу В. В. Тюфякину (1595 г.), нашли свое отражение все те торгово-правовые положения, которые были выработаны практикой экономического общения России со странами Востока на протяжении XVI века.

В этом проекте прежде всего устанавливалась свобода торговли на началах взаимности: «А гостем и всяким торговым людям наших государств ходити на обе стороны безо всякие зацепки и торговати на всякий товар повольною торговлею».

¹ РИО, т. 95, стр. 118—120. В посланном с Василием Коробовым в Турцию в 1515 г. проекте договора о взаимной дружбе и об обмене послами говорилось: «А гостем нашим межи нас ходите на обе стороны без всякие зацепки, и пошлинам лишним и силе некоторой никак не быти, а имати на гостех тамга и пошлины, где в котором городе тамга и пошлины истари идут, и зауморщинам никак не быти». В течение XVI века русское правительство неоднократно вело переговоры с Турцией относительно заключения подобной «договорной записи».

² РИО, т. 95, стр. 4—7, 16—17; ПДРВ, т. VII, стр. 227, 339; т. VIII, стр. 154,

³ ЦГАДА, ф. 123. Крымская посольская книга № 6, ал. 47, 55, 61, 171, 205 об., 209 об., 263, 275 об., 281, 367; книга № 8, ал. 26 об., 27.

⁴ Согласно грамоте хивинского хана Ануша-Мухаммед-Бехадур 1678 г. (МИУТ, т. ТССР, стр. 238), начало дипломатических и торговых отношений Русского государства с Хивой относится ко времени хана Агатая, умершего, как известно, до 1558 г.; около этого же времени начались дипломатические сношения и с Бухарой. Во второй половине XVI в. Русское государство посетили 13 бухарских и 7 хивинских посольств. Эти среднеазиатские посольства ставили одной из своих главных задач урегулирование вопросов торгового характера.

Далее гарантировалась известная устойчивость уровня таможенного обложения: «А пошлинам лишним и силе никоторой никак не быти; а имати на гостех тамга и пошлины, где в котором городе тамга и пошлины исстари ведетца».

Следующее положение грамоты предусматривало защиту частной собственности купцов: «И зауморщинам на обе стороны не быти», т. е. предполагало на основе взаимности уничтожить право казны на выморочное имущество иноземных купцов. В проекте «докопчальной грамоты» подробно регламентировался порядок передачи имущества умерших купцов их наследникам¹.

Наконец, в проекте оговаривалось право каждой из сторон беспрепятственного транзита товаров через территорию другой стороны в страны «иных» государей, с которыми пожелало бы вести торговлю договаривающееся государство: «А которые послы от иных государей отколе нибуду пойдут к тебе... через наши земли, и гости с ними, или твои, брата нашего, послы куды пойдут от тебя или к тебе, или опричь послов гости пойдут к тебе, брату нашему, через наши земли с каким товаром ни буди, и нам... у тех послов и у гостей товаров не отъимати, а пропускати послов и гостей со всяким товаром через свои земли безо всяких зацепск»². Этот пункт дает основание предполагать, что Иран в это время интересовал Россию уже не только как рынок: Кизылбашская земля представляла большой интерес и в отношении возможности транзита в Индию.

Проект договора России с Ираном не был осуществлен, так как посол Тюфякин и почти весь многочисленный состав его посольства, направлявшегося к шаху Аббасу для переговоров по этому вопросу, погибли (от какой-то эпидемии) по дороге в Иран.

Следует отметить, что отсутствие двусторонних торговых договоров, в заключении которых Россия выступала инициатором и которые не были осуществлены не по ее вине, значительно осложняло экономические связи Русского государства со странами Востока. При наличии договоров внешняя торговля России с Востоком несомненно могла бы принять гораздо больший размах и носила бы еще более постоянный характер, чем она имела в действительности.

Материал посольских дел дает возможность выявить, правда, лишь в общих чертах, что торговля России со странами Востока производилась как в форме купеческой торговли, так и в виде торговли царского двора с восточными правителями при посредстве послов и особо назначенных гостей.

¹ В проекте договора было сказано: «которого нашего гостя в своих... землях в животе не станет, и что после его животов останетца, и того его живота пошлинником не имати, а отдать тот его живот нашему послу. А не будет в то время нашего посла, ино отдать того умершего человека сыну или брату, или племяннику и нашим гостем, которые будут наши добрые гости в твоей... земле. А не прилучитца в те поры наших добрых гостей, и... пошлинником тот живот блюсти. Да как будет у тебя ... посол наш или добрые гости, или родство того умершего человека, и тот живот велети отдавати нашему послу или гостем добрым, или кто от нас о том животе к тебе (к царю или шаху)... приедет с нашею (царской или шаховой) ... грамотою» (Веселовский — Н., т. I, стр. 372—373).

² Веселовский — Н., т. I, стр. 372—374.

Своеобразной формой торговли являлись еще «поминки» — один из факторов политических взаимоотношений между государствами. Обмен «поминками» т. е. подарками, имел место, как правило, при всякой встрече представителей русского и восточного дворов.

Что «поминки» действительно являлись одним из видов товарообмена, подтверждается оценками привезенных «подарков» и отправкой ответных «поминков» в соответствии с присланными дарами¹.

Хотя в виде поминков часто посылались наиболее редкие и ценные предметы, но большей частью они состояли из тех же товаров, что и купеческие; это дает нам право при характеристике русского экспорта и импорта в XVI веке говорить и об обмене поминками, как об одной из форм торговли России с восточными странами.

Купеческая торговля, что уже ранее отмечалось, концентрировалась преимущественно в пограничных городах Русского государства.

Возможно, что в конце XV и в начале XVI века восточные купцы, приезжавшие на Русь еще в небольшом числе, пользовались правом вести торговлю во всех русских городах. Но к середине XVI века, с оживлением торговых связей, деятельность тезиков, приезжавших теперь в Россию уже целыми караванами, была ограничена рядом постановлений внутреннего порядка.

Ограничения эти выражались, с одной стороны, в разрешении свободного приезда тезикам лишь в пограничные русские города, и в определении мест, в которых купцы могли производить торговлю². С другой стороны, торговля по ряду товаров была объявлена царской монополией. Вместе с тем свобода торговли, предоставлявшаяся восточным купцам согласно царским грамотам, нисколько не освобождала купеческие товары от обложения.

Таким образом, так называемую «повольную торговлю», о которой неоднократно говорилось в государевых грамотах и упомянутых проектах договоров XVI века, нельзя понимать как право купцов торговать бесположно любыми товарами и в любых пунктах государства.

Для ограничения торговой деятельности тезиков, производивших частный торг в России, а также для более полного охвата этой торговли пошлинным обложением, тезикам не разрешалось производить операции и хранить товары помимо гостиных дворов, сохранившихся казной в пунктах, наиболее посещавшихся иноземными купцами. Повидимому, по этим же причинам им не разрешалась розничная торговля.

Розничную торговлю в Русском государстве могли вести исключительно русские купцы. Она производилась ими на всех крупных рынках в торговых рядах. Известно, что такие восточные изделия, как шелковые и хлопчатобумажные, —

¹ Веселовский — Н., т. I, стр. 129—130, 202—203; т. II, стр. 97; ЦГАДА, ф. 89, Турецкая посольская книга № 3, лл. 73, 74, 286 об.

² С. Герберштейн в «Записках о Московских делах» пишет, что «не всякому купцу... открыт свободный доступ в Московию. Именно шведам, ливонцам и немцам из приморских городов позволено заниматься торговлей и торговать только в Новгороде, а туркам и татарам — в городе, по имени Холопий город, куда во время ярмарки собираются различные люди из самых отдаленных мест» (Указ. соч., стр. 90).

бумажные ткани, краски, пряности, сушеные фрукты и т. п., можно было встретить в Москве в Сурожском и Овощном рядах Китай-города¹.

Купеческие товары при ввозе в Россию и вывозе из нее облагались пошлиной не только в пограничных городах, но и в различных пунктах внутри государства. Эта сеть внутренних таможен с бесконечным разнообразием сборов, являвшаяся пережитком времен феодальных княжеств, сильно стесняла внешнюю торговлю страны.

Из действовавших в то время внутренних таможенных пошлин видно, что объектом обложения являлся не только самый акт купли-продажи и связанные с ним явки купцов в таможенную, определение меры и количества товаров и т. п., но и передвижение товаров и купцов из одного города в другой². Пошлины взимались, кроме того, за наложение таможенных знаков³ за наем помещений в гостиных дворах, за вывоз товаров с последних⁴ и т. д.

В пограничных городах Русского государства все импортируемые товары подвергались прежде всего оплате явленной и весчей или пудовой пошлиной, взимавшейся с купцов тотчас же по приезде в город. Купцам не разрешалось без предварительной явки в таможенную и объявления там своих товаров даже складывать их «с воза и со вьюка и из судна»⁵. Насколько строго соблюдалось это требование, видно, например, из таможенной уставной Новгородской грамоты 1571 года. Согласно этой грамоте, купцы за необъявленный товар не только подвергались штрафу (2 рубля), но их товары могли быть конфискованы в пользу казны: «а который товар промытил, и тот товар тамошником имати у них на Царя Государя Великого князя»⁶.

Именно на этом основании в 80-х гг. XVI века у турецкого купца Ромозана, который «ехал из Литовские земли на Чернигов и не доехав государя нашего государства на дороге по деревням товар свой перехоронил... и государевым казначеем не явил», — был конфискован весь привезенный им товар на общую сумму в 800 рублей. По этому поводу правительство Федора Ивановича приказало своему послу Нащокину, направлявшемуся в Турцию, дать следующее объяснение в Царьграде: «во всех великих государствах то ведетца, которые торговые люди ни приезжают в которые государства нибуди, а уоят которые свои товары и не явят их в том государстве и те товары емлют на государей по их винам»⁷.

Сверх явленной и пудовой пошлин с товаров взималась еще тамга, оплате которой, однако, подлежали только проданные товары; с непроданных товаров, а также с привозимых для собственного потребления, тамгу

¹ МИУТ и ТССР, стр. 103—104; ЦГАДА, ф. Мазурина, Приходо-расходная книга Чудова монастыря, лл. 207—207 об.

² К торговым пошлинам, взимавшимся с продажи товаров, относились: тамга, весчее или пудовое, явленное и др. К проезжим пошлинам, собираемым при перевозке товаров из одного пункта в другой, относились: мыто, подужное, полозовое, посаженное, носовое и др.

³ К таможенным знакам относились: узловое, паузолющина, пятно и др.

⁴ Гостиная и амбарная пошлины платились за наем помещений, поворотная — за вывоз товаров с гостиных дворов.

⁵ СГГиД, т. II, стр. 56.

⁶ Там же.

⁷ ЦГАДА, ф. 89, Турецкая посольская книга № 3, лл. 65, 65 об., 66.

не брали¹. В тех случаях, когда тамга взималась до продажи товара, при оценке его таможенными головами и ценовальниками, что, повидимому, бывало нередко, она впоследствии засчитывалась купцу в других городах, где происходила продажа его товара².

При перевозке товаров из пограничных городов в другие пункты Русского государства купцы выплачивали проезжие пошлины в каждом попутном городе. Например, в конце XVI века купцу, отправившему свой товар из Астрахани в Ярославль, приходилось платить проезжие пошлины в Царицыне, Саратове, Самаре, Казани, Свияжске, Чебоксарах, Василь-городе, Нижнем, Юрьевце-Поволжском, Кинешме, Плесе и Костроме³. Во всех этих пунктах купцы выплачивали, по всей видимости, не только проезжие пошлины, но и явленные. Это видно, в частности, из грамоты Посольского приказа казанским воеводам от 11 ноября 1585 г., содержащей указание: «а которые московские люди с тамошними товары поедут мимо Казани, и вы б потому же у них товары всякие переписали явленную пошлину и пропускную с них емя, а к нам к Москве список их товаров прислали сколько с кем прейдет»⁴.

В тот период на Руси еще не было ни единой системы обложения, ни общего для всего государства таможенного тарифа. Поэтому характер обложения и размер пошлин в различных пунктах были далеко не одинаковы.

Если, например, в Великом Новгороде во второй половине XVI века явленная пошлина взималась с человека (с восточных купцов брали по 2 алтына)⁵, то в Москве за основу названной пошлины бралась стоимость товара: за явку в столице восточные купцы платили 4 процента с цены товара (8 денег с рубля)⁶. Размер тамги, которую в XVI веке всегда платили с цены товара, составлял в Астрахани 5,5 процента с «мягкого» и 9 процентов с «весчего» товара, а в Новгороде тамгу брали «со всякого товару» в размере около 3,5 процента от стоимости⁷.

Многие из пошлин восточные торговцы выплачивали в двойном и тройном размере по сравнению с русскими купцами. Так, пудовая пошлина в Новгороде (1571 г.) с восточного купца составляла 1 процент от стоимости товара, а с русского купца — 0,5 процента, явленную пошлину брали с тезиков по 2 алтына с человека, а с русских купцов лишь по 4 деньги

¹ Веселовский — Н., т. I, стр. 56. Тамга взималась с любого товара — с «весчего» и «мягкого». Она бралась также с рогатого скота и лошадей.

² МИУТ и ТССР, стр. 106; Е. Осокин. Внутренние таможенные пошлины в России. Казань, 1850, стр. 92, 99, 100.

³ Жалованная проезжая грамота, данная архимандриту Троице-Сергиева монастыря Киприяну о беспошлинном пропуске из Астрахани монастырских судов (1589 г.) (ЦГАДА, ф. Коллегии экономии № 4/219).

⁴ МИУТ и ТССР, стр. 98.

⁵ ААЭ, т. I, стр. 401.

⁶ МИУТ и ТССР, стр. 106; СГГид, т. II, 56.

⁷ МИУТ и ТССР, стр. 106; СГГид, т. II, 56. Герберштейн указывает, что в первой четверти XVI в. пошлина с ввозимых товаров равнялась в Москве также 3,5% с цены товара — 7 денег с рубля. (Указ. изд., стр. 96). По Барберини (60-е годы XVI в.) за ввоз товаров из Крыма и Турции брали 8% с цены продуктов (16 денег с рубля), с товаров же, поступавших из Польши, — 4% (Указ. изд., стр. 58).

Восточный купец
(с западной гравюры XVII в.)

CLXVII.

Also pflegen die Handelsleuth in Neussen bekleide zu gehen.
 In Neussen die alten Handelsleuth / Das ist gewöhnlich von rauher Haar /
 Die tragen gern ein langes Kleid. Ein solcham Hut auff irem Haar.
 Et 14

«с головы»¹. В челобитной хивинских тезиков царю Федору Ивановичу (1589 г.) указано, что тезики при отъезде из Казани в Москву платили пропускную пошлину по 2 деньги с рубля, с русских же купцов эта пошлина взималась в размере одной деньги с рубля².

Запутанность и сложность системы таможенных сборов давали большой простор для злоупотреблений со стороны таможенных голов, целовальников и откупщиков³. Например, с хивинских тезиков Ходжи-Авеса, Шихамета и Ази в Астрахани были взысканы пошлины с товаров, привезенных для собственного потребления, не подлежащих оплате пошлиной, а в Казани с них взыскивали пропускную пошлину в размере 5,5—9 процентов со стоимости товара вместо полагавшихся 2 процентов⁴.

Обилие таможенных сборов, приносящих большой доход казне, сильно затрудняло торговую деятельность купечества и значительно повышало цены на привозные товары. На ценах этих товаров, кроме того, отражались и большие транспортные издержки купцов⁵. Кроме того, развитие купеческой торговли было стеснено введением во второй половине XVI века казенных монополий на важнейшие объекты экспорта, ограничивавших товарооборот купцов определенным ассортиментом товаров, дозволенных к свободному вывозу на восточные рынки.

Исключение составляло только положение купцов в сибирских городах, где в конце XVI века им были предоставлены самые льготные условия торгова. В грамоте царя Федора Ивановича тарскому воеводе Федору Елецкому от 31 августа 1596 г. указывалось: «а которые бухарцы и нагаи торговые люди тезики учнут к вам на Тару с товары приезжати или из Нагаи с лошадьми или с иными с какими товары, и вы б тем бухарцом и нагаином торговым людем велели с нашими русскими людьми и с юртовскими татарами на Таре торговати беспошлинно, а наших никаких таможенных пошлин с них имати не велели и береженье и ласку к ним держали великую и обиды б им и насильства никоторого не было, чтоб им впредь повадно было со всякими товары приезжати»⁶.

Беспошлинная торговля предоставлялась купцам и во всех прочих сибирских городах с одним лишь ограничением в отношении заповедных товаров, в состав которых входили предметы вооружения — панцыри, сабли, а также топоры и ножи.

По мнению А. Чулошникова, предоставление льготных условий купцам в Сибири объясняется стремлением правительства восстановить нарушенные в годы ликвидации Кучумовского владычества торговые сношения, которые существовали у местного населения с среднеазиатскими ханствами в период самостоятельного Сибирского царства⁷. Характерно, что на рубеже XVII ве-

¹ СГГД, т. II, стр. 57; ААЭ, т. 1, стр. 401.

² МИУТ и ТССР, стр. 106.

³ В Великом Новгороде сбор некоторых пошлин был дан на откуп посадским людям (ААЭ, т. I, стр. 398—400, 401, 403); в Казани и Свияжске сбор пошлин с клеймения погайских лошадей был дан на откуп Троице-Сергиеву монастырю (АИ, т. I, стр. 360).

⁴ МИУТ и ТССР, стр. 106.

⁵ МИУТ и ТССР, стр. 101; Веселовский — Н., т. I, стр. 324.

⁶ МИУТ и ТССР, стр. 107—108.

⁷ А. Чулошников. Указ. соч., стр. 70.

жа, когда торговые связи с Средней Азией вновь наладились, сибирские купцы были ограничены в своем беспошлинном торге, а список заповедных товаров был расширен включением в него лучших сортов мягкой рухляди — соболей, чернобурых лисиц и бобров¹.

В источниках XVI века не нашли отражения такие важные вопросы, как социальный состав лиц, принимавших участие в восточной торговле, размер торговых оборотов русских купцов, ведущих эту торговлю, а также их имущественное положение. В посольских делах встречается лишь единственное указание, позволяющее судить о величине товарооборотов русских купцов, торговавших со странами Востока: товары, закупленные в Константинополе около 1590 года московскими купцами складниками Ивашкой Карповым и Юрием Греком (они вели торговлю сообща, с нераздельным имуществом), после смерти последнего были оценены турецкими «зауморщиками» в 1223 руб.².

Конечно, на основании одного факта еще нельзя сделать заключение о размерах торговых оборотов русских купцов вообще. Одно лишь является несомненным, что Ивашка Карпов и Юрий Грек принадлежали к крупному купечеству. Повидимому, крупными купцами были и торговые люди Алексей Можаетинов, Дмитрий Ивашев и Федор Першин, посланные на восточные рынки для продажи государевой «рухляди», а также Иван Мишенин и Борзуков, направленные царем Иваном Васильевичем «с милостынею по греческим монастырям»³. Товары последнего на обратном пути из Турции в Москву были обложены турецкими приставами большими пошлинами.

В грамоте Бориса Годунова к шаху Аббасу упоминается еще Алексей Хозников, крупный московский купец, имя которого находится среди имен других гостей, подписавшихся под Соборным приговором 1566 года. Из грамоты Бориса видно, что гость Хозников был послан в свое время Иваном Грозным за царскими товарами, которые после смерти русского купца Федора Першина в Казвине были взяты зауморщиками в казну⁴.

Известно еще, что во второй половине XVI века крупные торговые операции в Средней Азии производили братья Строгановы; они вывозили в узбекские ханства, повидимому, меха, а импортировали текстильные изделия, которыми снабжали русский рынок, в частности царский двор. Так, в грамоте царя Ивана Васильевича к братьям Строгановым от 1574 г. говорится о получении ширинок, приобретенных последними для царя, и дается поручение на дальнейшую их покупку⁵.

¹ Там же, стр. 71. В начале XVII в. с бухарских тезиков в Тобольске и Тюмени бралась пошлина как с привозимых, так и с закупленных ими товаров, в Туринске, же, где торговые связи не были в достаточной мере налажены, с небольшого количества товаров пошлина не взималась.

² ЦГАДА, ф. 89, Турецкая посольская книга № 3, лл. 9 об. — 10.

³ Там же, кн. № 1, лл. 300—300 об., 304—304 об., 314; кн. № 2, лл. 446—446 об.; Палестинский сб., т. IX, СПб., 1889, вып. 3.

⁴ Веселовский — Н., т. II, стр. 55—56; В. Е. Сыроечковский. Гости-сурожане, М.-Л., 1935, стр. 119.

⁵ А. А. Введенский. Торговый дом XVI—XVII вв. (Сборник документов), Л., 1924, стр. 94.

Большое количество ширинок из бязи, миткаля, обьяри, росшитых золотом, серебром и разноцветными шелками «положения» (пожертвования) купцов Строгановых, значится в описи имущества Благовещенского собора в Сольвычегодске¹.

В лице Якова и Григория Строгановых появился новый тип «гостя», соединявший торговлю с промысловыми предприятиями.

Разрабатывая железную руду и устраивая соляные варницы, Строгановы вместе с тем вели крупную торговлю на внутреннем и внешнем рынках Русского государства. Они уже не предпринимали лично, подобно Юрию Греку, торговые поездки на Восток, а направляли туда своих приказчиков. В царской грамоте 1574 года к астраханским воеводам указано, что четыре приказчика купцов Строгановых присоединились с товарами к посольскому каравану Захария Богданова, направлявшемуся в Бухарию².

Из приведенных примеров можно заключить, что крупное русское купечество уже было втянуто в торговлю с восточными странами. Однако центральное положение среди купцов, связанных с рынками Востока, занимало, повидимому, не крупное, а среднее и мелкое купечество.

Исследование В. Е. Сыроечковского по русско-крымско-турецкой торговле конца XV — начала XVI века показало, что именно среднее и мелкое купечество преобладало в торговых поездках в Крым и Турцию. Этот вывод находится в соответствии с заключением Н. А. Баклановой о том, что и в середине XVII века выезжали за море, в Персию, обыкновенно небогатые купцы³.

В более выгодных условиях, чем торговля купеческая, находилась торговля царская. Последняя обычно производилась через посредство послов, которым, наряду с дипломатическими заданиями, давались торговые поручения, а также через гостей, специально посылаемых казной для продажи русских товаров и покупки восточных изделий. Известно, например, что с послами Иваном Морозовым (1523 г.) и Иваном Новосильцевым (1569 г.) была отправлена «государева рухлядь» для продажи в Царьград; в 1566 году подьячий Оксена Иванов с товарищами находился с «государевой бологодетью» в Хиве, а в 1567 году русские купцы Дмитрий Ивашев и Федор Першин ездили с царскими товарами в далекий Гурмыз⁴. В эти же годы царь Иван IV отправил Елизара Мальцова в Ногайскую землю для продажи изделий русского ремесла⁵.

Количество этих примеров можно значительно увеличить, но и приведенные в достаточной мере показывают размах царской торговли за тот период. Ценность вывозимых казной за один раз товаров нередко превышала 4 тысячи рублей⁶.

¹ П. Саввантов. Указ. соч., стр. 70, 71.

² А. А. Введенский. Указ. соч., стр. 95.

³ В. Е. Сыроечковский. Гости-сурожане. М.-Л., 1935, стр. 78—80; Н. А. Бакланова. Торги и промыслы Н. Новгорода в 60-х гг. XVII в. Ученые записки Института истории РАНИОН, т. V, стр. 310.

⁴ ЦГАДА, ф. 89, Турецкая посольская книга № 1, лл. 282—282 об., 298; книга № 2, л. 37 об.; ПСРЛ, т. XIII(2), стр. 407, 408.

⁵ ПДРВ, т. IX, стр. 268.

⁶ Веселовский — Н., т. I, стр. 311; МИУТ и ТССР, стр. 105. Стоимость вывоза определена из расчета средних цен на русском рынке в конце XVI в.

Русская царская торговля велась не только на восточных рынках, но и в пределах Русского государства. Среднеазиатские, иранские, турецкие, крымские и ногайские послы и «честнейшие и вернейшие» купцы доставляли в Россию товары своих государей — приобретали на русском рынке «потребные для их величеств» продукты — изделия русских промыслов и ремесленного производства»¹.

В сохранившейся дипломатической переписке встречаются некоторые данные о размерах товарооборота отдельных восточных правителей с Русским государством.

Стоимость товаров, присланных в Москву для продажи бухарским царем Абдулой в 1585 году, составляла не менее 2—2,5 тыс. руб. Приблизительно на такую же сумму поступили в том же году товары от хивинского царя Азима. «Бологодеть» шаха Аббаса, направленная им в 1597 году в Астрахань для продажи, была оценена в 122 «тюмени», что соответствовало сумме 4026 руб.².

Менее значительной была торговля Русского государства с Крымским ханом, весь годовой оборот которой не превышал 400 рублей³. Правда, эти данные относятся только к первой четверти XVI века, однако нет оснований предполагать, что в конце века стоимость товаров, направляемых Крымским ханом на Русь, превышала названную сумму.

Товары казны, ввозившиеся и вывозившиеся из Русского государства, не облагались пошлинами; от всяких сборов освобождались и поминки, которые привозились посольствами⁴.

Московское правительство, кроме того, обеспечивало восточных купцов, приезжавших с казенными товарами, бесплатным транспортом и охраной в пределах своего государства, чтобы «купцы с рухлядью до их величества доехали здорово», а также брало на себя расходы по их содержанию⁵.

Русские послы и гости, отъезжавшие с царскими товарами и дарами в восточные государства, пользовались и там правом беспошлинной торговли,

¹ МИУТ и ТССР, стр. 98; Веселовский — Н., т. I, стр. 14, 18, 159, 213, 311; т. II, стр. 58; ЦГАДА, ф. 89, Турецкая посольская книга № 1, лл. 216, 266 об., 267, 273 об., 285 об., 321—321 об., 336 об., 337, 341 об. — 342, 367 об., — 368, 387, 401 об. — 402, 408 об. — 409, 411 об. — 412; кн. № 2, лл. 30 об. — 31, 139, 210 об. — 211, 227 об., 229 об., 233, 235 об., 244, 246 об. — 247, 447 об. — 448, 485, 487; РИО, т. 95, стр. 19, 28, 29, 41, 175, 246—247; ПДРВ, т. VIII, стр. 95, 188, 219, 289, 293; т. IX, стр. 1, 16, 35, 72, 90, 103, 164, 189, 209, 218; т. X, стр. 90; 153; т. XI, стр. 2, 173.

² МИУТ и ТССР, стр. 98, 99. Примерная стоимость среднеазиатских товаров вычислена из расчета средних цен на русском рынке в конце XVI в. Н. Веселовский, т. I, стр. 422). Туман во времена шаха Аббаса равнялся 33 русским рублям (Л. Ф. Богданов. Персия. СПб., 1909, стр. 96).

³ РИО, т. 95, стр. 29, 246—247.

⁴ Не подлежали оплате пошлиной и те товары, которые принадлежали членам посольства (Н. Веселовский, т. I, стр. 56, 27; МИУТ и ТССР, стр. 103, 238; ЦГАДА, ф. 89, Турецкая посольская кн. № 1, лл. 364—364 об., 367 об., 369 об. — 370, 382 об., 384 об., 391; кн. № 2, лл. 235 об., 262 об., 267 об., 447; кн. № 3, лл. 75—75 об.).

⁵ ЦГАДА, ф. 89, Турецкая посольская книга № 1, лл. 317 об., 369 об., 370, 402 об.; кн. № 2, лл. 241, 447 об. — 448, 450 об., 508 об.; кн. № 3, л. 205 об.; Веселовский — Н., т. I, стр. 103; МИУТ и ТССР, стр. 98—99, 238; ПДРВ, т. VIII, стр. 154; т. IX, стр. 1, 45, 73.

получали бесплатный транспорт, охрану и содержание¹. Тем не менее в посольских делах отмечается ряд случаев ограбления царских купцов на чужой территории. Купцы Алексей Можаетинов, Мурза Черново и Опаля Кузмин, отправленные в 1524 году в Царьград для продажи государевой «рухляди», были ограблены в Крыму турецким послом Скиндером, с которым они ехали вместе из Москвы. В грамоте, присланной из Кафы, сообщалось, что «Скиндер великого князя людем Алексею Можаетинову с товарищи великую соромоту учинил. И платье и деньги на них имал. Да и с Ивановых людей (посла Ивана Морозова. — М. Ф.) шубы и зубы рыбы имал. А которых извожиков с ним отпустили казначеи с Москвы, и он тех людей в Кафе попродад»².

Делались также попытки обложить пошлинами и царские товары. В Ногайской земле у русского посла Петра Тургенева (1951 г.) были силой отняты поминки за отказ уплатить пошлину с привезенных им товаров³. В Турции с царского купца Борзукова, освобожденного султаном от платежа пошлин, пристава тем не менее «тамгу и пошлину... имали великую»⁴.

Происходили и задержки в выдаче «кормов». Русский посол Григорий Васильчиков жаловался (1588 г.), что в Гилянах ему, как и другим членам посольства, среди которых находились четыре «государева» купца, не давали в течение двух недель «ни одное деньги» корму⁵.

Нередко турецкие паши, недовольные присланными из Москвы поминками, пытались переложить транспортные расходы в пределах своего государства на русских послов. Например, из статейного списка Бориса Петровича Благово (1585 г.) известно, что турецкие паши, считая, что с русским послом «поминков прислано от государя мало», требовали с последнего уплаты 30 тыс. «асманоқ» за наем корабля, на котором тот прибыл из Азова в Царьград. На это требование Благово возразил, что в Московском государстве турецким послам, посланникам и купцам... «государь... велит под них давати под их товары подводы... а на Москве за подводы на них не емлют ничего. А на мне за что паши велят имати деньги за корабль и мне ни одной деньги за корабль не давыдати»⁶. В 1592 г. турецкий пристав, осведомляясь у посла Нащокина о привезенных им дарах, открыто заявил: «И только будут поминки добрые и не мало и паша («большой визирь. — М. Ф.) на вас станет глядеть прямо обема глаза, а только будет поминков немного и паша на вас станет смотреть одним глазом»⁷.

Однако перечисленные злоупотребления не оказывали существенного влияния на развитие торговых связей России с восточными государствами,

¹ ЦГАДА, ф. 89, Турецкая посольская книга № 2, лл. 135 об., 253 об., 262 об., 447 об.; Н. Веселовский, т. I, стр. 28, 30, 36, 56; ПДРВ, т. VIII, стр. 251. В отношении Средней Азии мы не располагали данными по этому вопросу, но, повидимому, она не являлась исключением.

² ЦГАДА, ф. 89, Турецкая посольская книга № 1, лл. 300—300 об., 307.

³ ПДРВ, т. VIII, стр. 251.

⁴ ЦГАДА, ф. 89, Турецкая посольская книга № 2, лл. 446—446 об.

⁵ Н. Веселовский, т. I, стр. 39.

⁶ ЦГАДА, ф. 89, Турецкая посольская книга № 2, лл. 449 об., 450—450 об.

⁷ ЦГАДА, ф. 89, Турецкая посольская книга № 3, л. 206.

поскольку сама Москва и ее контрагенты слишком заинтересованы были в дальнейшем их укреплении.

Следует отметить роль Казенного двора в восточной торговле, в ведение которого до организации Посольского приказа поступали приезжавшие в Москву купцы. Этот двор не только выполнял различные формальности по встрече купцов у границ государства, принимал у них грамоты и выдавал купцам государевы разрешения на торговлю, но он же производил и суд по всем торговым делам, касающимся восточных купцов. Да и после учреждения Посольского приказа (в середине XVI века), которому были подчинены не только дипломатические, но и торговые дела с иноземными государствами, восточные купцы продолжали находиться в зависимости от Казенного двора, поскольку этот двор заведовал царской казной¹. На Казенном дворе производился осмотр и отбор товаров для царской казны. Товары, приобретаемые таким образом, большей частью оплачивались товарами соответствующей ценности. В одной из грамот царя Федора Ивановича указывалось, что «у всяких гостей и у торговых людей всякие узорочные товары емлют к его царской казне и торгуют ценою, что чего стоит, а против того дают товары по цене же»².

Лишь после завершения торговых сделок с казной восточные гости получали право на торг «повольной». Однако купцам, приезжавшим в Россию с казенными товарами, не разрешалась розничная торговля и закупка русских товаров непосредственно у ремесленников и промышленников. Они могли вступать в торговые сношения только с русскими купцами, да и то при содействии специально приставленных к ним торговых людей, переводчиков и приставов³.

Восточные купцы в Русском государстве хотя и торговали наряду с царской казной и с частными купцами, но в связи с изъятием во второй половине XVI века из свободного торгового оборота ряда товаров, продажа которых сделалась монополией казны, они были более заинтересованы торговлей с казной, чем с частными торговцами.

Характерен состав так называемых заповедных товаров, торговля которыми являлась монополией казны. В числе их мы находим благородные металлы — золото и серебро⁴, в которых Русское государство само испытывало нужду, а также оружие, различные железные изделия, собольи меха и кожи, имевшие очень большой спрос на Востоке.

Соответственно своему экономическому значению, каждая из названных групп товаров подвергалась различным экспортным ограничениям. Если вывоз за пределы Русского государства драгоценных металлов был совершенно запрещен, что было, повидимому, связано с развитием монетарной системы в стране, то экспорт оружия в ограниченном количестве все же

¹ С. А. Белокуров. О посольском приказе. «Чтения», 1906, кн. 3. ч. IV, стр. 16—21.

² Веселовский — Н., т. I, стр. 213.

³ Веселовский — Н., т. I, стр. 213; т. II, стр. 61, 71, 72; ЦГАДА, ф. 89, Турецкая посольская книга № 1, лл. 315 об., 335 об., 336, 337.

⁴ Еще в первой половине XVI в., как указывает Герберштейн, русское правительство старалось ограничить вывоз благородных металлов из страны. (Указ. соч., стр. 89).

допускался. Экспортные ограничения для другой, наибольшей части товаров, состояли только в том, что они являлись заповедными для обычного торгового обмена и допускались лишь для торговли казны. Заповедные товары этой группы казна нередко вывозила на Восток в больших количествах.

Проданные казной заповедные товары с точным указанием их количества тщательно заносились в проезжие грамоты, которые выдавались Посольским приказом восточным послам и купцам на право свободного их вывоза за пределы государства¹.

Товары, являвшиеся заповедными для обычного вывоза на Восток и продававшиеся тезикам лишь по особым в каждом отдельном случае указам царя, были в XVII веке известны под наименованием «указных»².

Подобная организация казенной торговли была вызвана острой нуждой государства в деньгах для покрытия военных расходов, связанных с обороной страны, а также для содержания разраставшегося государственного аппарата.

Итак, царская торговля, освобожденная от пошлин, пользовавшаяся правом «первой купли» и монополией на торговлю важнейшими товарами экспорта, находилась в привилегированном положении по сравнению с торговлей купеческой. Естественно поэтому, что последняя не могла конкурировать с торговлей казны. Тем не менее купеческая торговля имела несомненно больший размах и большее значение в стране, чем царская торговля. Это, между прочим, находит свое подтверждение в постоянно встречающихся в русских и восточных грамотах указаниях на необходимость того, чтобы «гости бы ходили на обе стороны без всякие зацепки».

Все изложенное показывает, что в торговле с Востоком мероприятия русского правительства во второй половине XVI века сводились к введению ряда царских монополий на товары, пользовавшиеся наибольшим спросом на внешнем рынке, и к регламентации торговли восточных купцов, для которых вводились ограничения мест торговли, запрещался розничный торг и покупка товаров непосредственно у производителей, повышалось таможенное обложение.

Такая политика, вызывавшаяся растущей потребностью государства в деньгах, в условиях быстрого развития товарного обращения, имела своей целью содействовать притоку извне золота и серебра (в монетах и изделиях), помешать их отливу в другие государства и добиться максимального накопления в стране денежных запасов.

Таким образом, для экономической политики России второй половины XVI века, как это видно на примере торговли со странами Востока, было характерно проявление элементов монетарной системы (денежного баланса), нашедшей затем свое яркое отражение в Новоторговом уставе 1667 года.

¹ МИУТ и ТССР, стр. 101—102, 105; Веселовский — Н., т. I, стр. 311.

² Так как спрос на те или иные товары подвергался колебаниям, то менялся и список товаров. В русских источниках XVI в. нет указаний, какие товары являлись в восточных странах заповедными. (А. С. Мулюкин. Очерки по истории юридического положения иностранных купцов в Московском государстве, Одесса, 1912, стр. 58—59).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Собранный нами материал по русско-восточной торговле XVI века, при всей его скудости и отрывочности, все же позволил представить общую картину торговых связей России со странами Востока в рассматриваемый период и сделать некоторые выводы, касающиеся структуры, организации и условий, в которых эта торговля протекала.

Основные выводы настоящей работы сводятся к следующему:

1. Торговые связи Руси со странами Востока, завязавшиеся еще с давнего времени, в XVI веке приобрели постоянный характер и отличались широким охватом стран и большой интенсивностью товарообмена.

В первой половине XVI века основными контрагентами Русского государства в восточной торговле являлись Астраханское и Казанское ханства, а также Турция. С середины XVI века, после объединения в руках России всего Волжского бассейна, большое значение получила торговля с Ираном и со Средней Азией.

Регулярный характер связей с прикаспийскими странами в этот период, между прочим, подтверждается фактом создания во второй половине XVI века на Каспийском море русского торгового флота.

Следует отметить важную роль Шемахи, служившей крупнейшим центром торговли с Ираном.

2. Развитие русско-восточных экономических связей привело к созданию разветвленной сети торговых путей из России в страны Востока и возникновению значительных центров этой торговли как внутри государства, так и на его юго-восточных границах.

Основными путями к восточным рынкам являлись речные магистрали (Волга и Дон), которые предпочитались сухопутным дорогам ввиду меньшей стоимости перевозок и большей безопасности.

Центрами восточной торговли в России, кроме Москвы, служили преимущественно пограничные города (Астрахань, Казань, В. Новгород, Путьивль, Тара, Тобольск).

3. Русско-восточная торговля в XVI веке далеко вышла за пределы торговли предметами роскоши. Предукты производственного значения (краски, камедь, квасцы, нефть и др.), хлопчатобумажные и дешевые шелковые ткани, а также некоторые бакалейные товары играли уже значительную роль в русском импорте. В экспорте же России преобладала продукция отечественного производства (кожа, железные и деревянные изделия, предметы вооружения) и промыслов (пушнина, воск, мед).

4. Торговля с восточными странами, будучи сама следствием общего роста производительных сил страны, являлась в то же время крупным фактором, стимулировавшим дальнейший рост производства и способствовавшим развитию внутреннего товарооборота. «Развитие торговли и торгового капитала, — указывает Маркс — повсюду развивает производство в таком направлении, что его целью становится меновая стоимость, увеличивает его размеры, делает его более разнообразным»¹.

В этом отношении восточная торговля имела несомненно большее значение для экономического развития страны, чем торговля с Западной Европой, как известно, вывозившей из России преимущественно сырье.

5. Развитие русско-восточной торговли в XVI веке в значительной степени было обязано активной торговой политике Русского государства, которое было экономически заинтересовано в расширении и укреплении своих торговых связей со странами Востока.

Проводя внутри страны ряд поощрительных мер для торговых представителей восточных государств, русское правительство вместе с тем путем дипломатических переговоров и грамот стремилось упорядочить условия торговли русских купцов в восточных владениях, так же как условия торговли тезиков, ведущих частный торг в России. Оно выступало и инициатором торговых договоров.

6. Не располагая соответствующими количественными показателями для определения степени активности баланса русской торговли в XVI веке в целом, можно все же установить, что одна из крупных составных частей последней — царская торговля — производилась в ряде случаев с превышением стоимости товаров, вывозившихся в страны Востока, над стоимостью казенных товаров, ввозившихся оттуда в Русское государство.

Большая роль, которую играла в товарообороте Руси с Востоком царская торговля, представленная крупным русским купечеством, в значительной степени зависела от данных ей привилегий: освобождения от пошлин, права монопольной торговли важнейшими предметами экспорта, и проч.

Купеческая торговля, находившаяся преимущественно в руках среднего и мелкого купечества, хотя и находилась в менее выгодных условиях, чем торговля царская, все же имела несомненно более широкий размах и большее значение в стране, чем торговля казны.

¹ К. Маркс. Капитал, т. III, ч. 1, изд. 4-е, стр. 255—256.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аджян А. А. Ремесленная промышленность Константинополя в перв. пол. XVII в. Л., 1936.
- Александрова-Дольник Г. Шитье Московской мастерской XVI в. Сб. Вопросы реставрации, т. I. М., 1926.
- Аленицын В. Несколькo замечаний о путешествии Дженкинсона в Хиву в 1559 г. Записки Русск. географ. о-ва, т. VI, отд. 2. Спб., 1880.
- Алиханов. Мервский оазис и дороги, ведущие к нему. Спб., 1883.
- Альтман М. Из истории торгово-дипломатических связей Москвы и Ширвана. Труды Ин-та истории им. Бакиханова, т. I. Баку, 1947.
- Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Пер. Ю. В. Готье. М., 1937.
- А-ц. Древний торговый путь в Среднюю Азию. Туркестанские ведомости, 1870, № 14.
- Багалеи Д. Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. М., 1886.
- Багров Л. С. Материалы к историческому обзору карт Каспийского моря. Спб., 1912.
- Базилевич К. В. Коллективные челобитья торговых людей и борьба за русский рынок в перв. пол. XVII в. Известия Академии наук СССР, отделение обществ. наук, серия № 2. 1932, XII.
- Он же. Имущество московских князей в XIV—XVII вв. Труды Гос. Истор. музея. М., 1926, вып. 3.
- Он же. Новоторговый устав 1667 г. ИАН, ООИ, 1932, № 7.
- Он же. Элементы меркантилизма в экономической политике правительства Алексея Михайловича. Ученые записки Московского ун-та, вып. 41. М., 1940.
- Барбаро И. Путешествие в Тану 1436—1452 гг. Библиотека иностранных писателей о России, т. I. Спб., 1836.
- Барберини Р. Путешествие в Московию в 1565 г. Сказания иностранцев о России в XVI и XVII вв. Пер. В. Любич-Романович. Спб., 1843.
- Бакланова Н. А. Привозные товары в Московском государстве во 2-й полов. XVII в. Сб. Очерки по истории промышленности в России в XVII и в нач. XVIII в. М., 1928.
- Она же. Торги и промыслы Нижнего-Новгорода в 60-х гг. XVII в. Ученые записки Ин-та истории. (РАНИОН), т. V. М., 1929.
- Бартольд В. В. К вопросу о впадении Аму-Дарьи в Каспийское море. Записки Восточн. отд. русск. археолог. о-ва, т. XIV, вып. 1.
- Он же. К истории орошения Туркестана. П., 1914.
- Он же. Кавказ. Туркестан. Волга. Изв. Кавказского истор. археолог. ин-та, 1926, т. IV.
- Он же. Иран. Историческое обозрение. Ташкент, 1926.
- Он же. Историко-географический обзор Ирана. Спб., 1903.
- Он же. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925.
- Он же. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1925.
- Он же. Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII в. Спб., 1902.
- Бахрушин С. В. Княжеское хозяйство XV и перв. пол. XVI в. Сб. статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909.
- Он же. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI—XVII вв. М., 1928.
- Он же. Предпосылки «всероссийского рынка» в XVI в. Ученые записки МГУ, вып. 87. М., 1946.
- Белокуров С. А. Отношения России с Кавказом. Чтения, 1888, кн. 3.
- Он же. О посольском приказе. Чтения, 1906, кн. 3, ч. IV.
- Беляев И. Д. О географических сведениях в Древней России. Записки имп. Русск. географ. о-ва, кн. VI. Спб., 1852.
- Он же. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. Чтения, 1846, № 4.
- Берг Л. С. Первые русские карты Каспийского моря. ИАН, серия географии и геофизики, 1940, № 2.
- Богданов Л. Ф. Персия. Спб., 1909.
- Богородицкий Д. Очерк торговли Нижнего-Новгорода за XVI и XVII вв. Киевск. унив. известия, 1912, № 7.

- Богоявленский С. К. Вооружение русских войск в XVI—XVII вв. ИЗ, 1938, № 4.
- Борщевский В. Какие предметы разумелись под названием «ценинных». Смоленская старина, вып. III, ч. 2. Смоленск, 1916.
- Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, тт. I—II. М., 1823.
- Бутенко В. А. Краткий очерк истории русской торговли в связи с историей промышленности. М., 1911.
- Бутков П. Г. Объяснение русских старинных мер — линейной и путевой. Журнал мин. внутр. дел, 1844, ч. VIII, № 11.
- Быков А. А. Монеты Турции XIV—XVII вв. Л., 1939.
- Вамберн Г. История Бохары или Трансоксании, т. I. Пер. А. Павловского. Сиб., 1873.
- Варкоч Н. Описание путешествия в Москву посла Римск. имп. Николая Варкоча в 1593 г. Чтения, 1874, кн. 4.
- Введенский А. А. Торговый дом XVI—XVII вв. Л., 1924.
- Веселовский Н. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве с древнейших времен до настоящего времени. Спб., 1877.
- Веймарн Б. В. Искусство Средней Азии. М.—Л., 1940.
- Викторов А. Е. Описание записных книг дворцовых приказов 1584—1725 гг., вып. 1. М., 1877.
- Высоцкий Н. Ф. «Немецкая куртина» — древнеармянское кладбище в Казани. Изв. О-ва арх., истор. и этн. при Казанском ун-те, т. VII. Казань, 1889.
- Гарбузова В. С. Эвлия Челеби о стамбульских ювелирах XVII в. Сб. Труды отдела истории культуры и искусства Востока, т. III. Л., 1940.
- Герберштейн С. Записки о Московитских делах. Пер. А. Маленина. Спб., 1908.
- Греков Б. Д. Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского дома XVI—XVII вв. Л., 1926.
- Гордлевский В. А. Государство Сельджукидов Малой Азии. М.—Л., 1941.
- Гордеев Н. В. Русское огнестрельное оружие и мастера-оружейники Оружейной палаты XVII века. Сб. Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954.
- Он же. Русский оборонительный доспех. Там же.
- Горсей Д. Записки о Московии XVI в. М., 1907.
- Губайдуллин Г. Из истории торгового класса приволжских татар. Изв. вост. фак. Азербайджанского ун-та им. Ленина. Востоковедение, т. I. Баку, 1926.
- Гурко-Кряжин В. Краткая история Персии. М., 1925 (с картой Волжско-Каспийский путь XVI—XVIII вв., сост. Е. Зевакиным).
- Демченко В. Торговля Москвы с Литвой, Крымом и Турцией по дипломатическим сношениям эпохи Ивана III и Василия III. Сб. «Mіneva», вып. IV. Киев, 1917.
- Денике Б. Искусство Средней Азии. М., 1927.
- Денисова М. М. Конюшенная казна. Парадное конское убранство XVI—XVII ввек. Сб. Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954.
- Довнар-Запольский М. В. Торговля и промышленность Москвы XVI—XVII вв. М., 1910.
- Домострой. По списку имп. Об-ва истор. и древн. российских. М., 1882.
- Духовные грамоты конца XV и нач. XVI в. СГГД, т. I, № 121, 131, 132, 144, 147, 151.
- Жалованная грамота Троицкому Сергиеву монастырю о сборе пятинной пошлыны в Казани и Свияжске 1553, 1575 гг. ААЭ, т. I АИ, т. I.
- Жуковский С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Труды Об-ва русских ориенталистов, № 2, X. Спб., 1915.
- Забелин И. Е. Домашний быт русских царей и цариц, тт. I—II. М.
- Он же. Историческое обозрение финифтяного и деннинного дела в России. Спб., 1853.
- Он же. Хождение купца Василия Позняка 1558 г. Чтения 1884, кн. 1.
- Загоскин Н. П. Русские водные пути и судовое дело в допетровской Руси. Казань, 1910.
- Замысловский Е. Герберштейн и его историко-географические известия о России. Спб., 1884.
- Заринский П. Очерки древней Казани. Казань, 1877.
- Заходер Б. Н. Ширазский купец на Поволжье в 1438 г. (К вопросу о русских экономических связях с Сибирью, Средней Азией и Передним Востоком). Кратк. сообщения ин-та востоковедения, вып. XIV. М., 1955.

- Зевакин Е. С. Персидский вопрос в русско-европейских отношениях XVII в. ИЗ, 1946, № 8.
- Он же. Роспись торгового пути из Астрахани в Индию в середине XVII века. Журн. Новый Восток, 1925, кн. 8—9 (с картой).
- Зимин А. А. Княжеские духовные грамоты начала XVI века. ИЗ, № 27, 1948.
- Зоннештраль-Пискорский А. А. Международные торговые договора Персии. М., 1931.
- Иванов Д. Фарфор Оружейной палаты. Журн. Среди коллекционеров, 1923, № 5.
- Иовий Новокомский. Книга о Московитском посольстве. Спб., 1908.
- Иностранцев К. Из истории старинных тканей: алтабас, дороги, зендень, миткаль, мухояр. Зап.-вост. отд. имп. Арх. о-ва, т. XIII, вып. IV.
- Он же. Ковровые изделия Средней Азии из собрания Боголюбова. Журн. Мин. нар. просв., новая серия, т. XV, вып. 2.
- Он же. О двух древнерусских названиях драгоценных камней. Зап.-вост. отд. имп. Арх. о-ва, т. XIV, вып. 1.
- История народов Узбекистана. Под ред. С. В. Бахрушина, В. Я. Неволлина и др. Ташкент, 1947.
- Карпов Г. Ф. Отношения Московского государства к Крыму и Турции в 1508—1517 гг. Москов. унив. известия, 1865, № 4.
- Какаш и Тектандер. Путешествие в Персию через Московию 1602—1603 гг. М., 1896.
- Карамзин Н. М. История государства Российского, тт. VII, VIII, IX, X.
- Кауфман И. И. Русский вес, его развитие и происхождение. Спб., 1906.
- Кашин В. Н. Торговля и торговый капитал в Московском государстве. (Сб. документов). Л., 1926.
- Кверфельдт Э. К. Керамика Ближнего Востока. Л., 1947.
- Он же. Китайская керамика XII—XIII вв. на Кавказе. Сб. Памятники эпохи Руставели. Л., 1938.
- Он же. Черты реализма в рисунках на тканях и коврах времен сефевидов. Труды отдела истории культуры и искусства Востока, т. II. Л., 1940.
- Клавихо Р. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг. Сб. Отд. русского языка и словесности, т. 28. Спб., 1891.
- Клейн В. Иноземные ткани, бытовавшие в России до XVIII в., и их терминология. Сб. Оружейная палата. М., 1925.
- Ключевский В. О. Русский рубль XVI—XVIII вв. в его отношении к нынешнему. Опыты и исследования. М., 1912.
- Он же. Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1916.
- Книги писцовые г. Можайска 1596—1598 гг. Можайские акты. Спб., 1892.
- Козловский И. П. Краткий очерк истории русской торговли, вып. 1. Киев, 1898.
- Колчин Б. А. Обработка железа в Московском государстве в XVI в. МИА, 1949, № 12.
- Контарини А. Путешествие к персидскому шаху Усун-Гассану 1473 г. Библиотека иностранных писателей о России, т. I. Спб., 1836.
- Костомаров Н. И. Очерки торговли Московского государства в XVI и XVII вв. Спб., 1889.
- Котов Ф. О ходу в Персидское царство. Временник, 1852, кн. 15.
- Кречетова М. М. и Вестфален Э. Х. Китайский фарфор. Л., 1947.
- Кубе А. И. История фаянса. Берлин, 1923.
- Кулишер И. М. Очерк истории русской торговли (до XIX в.). П., 1923.
- Он же. История русского народного хозяйства, т. II. М., 1925.
- Курбский А. М. Сказания кн. Курбского. Спб., 1842.
- Курц Б. Г. Русско-китайские сношения в XVI, XVII и XVIII столетиях. Гос. изд. Украины, 1929.
- Кутепов Н. Великокняжеская и царская охота на Руси с X—XVI вв., т. I. Спб., 1896.
- Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г. Под ред. С. В. Бахрушина. М., 1930.
- Лашков Ф. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв. Симферополь, 1891.
- Левинсон-Нечаева М. Н. Одежда и ткани XVI—XVII вв. Сб. Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954.
- Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов. — Соч., т. I.

- Ленин В. И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге П. Струве. — Соч., т. I.
- Ленц Р. Наши сведения о прежнем течении Аму-Дарьи. Записки Русск. геогр. о-ва, т. IV. Спб., 1871.
- Леонид, архимандрит иерусалимск. Палестина и Афон по русским поломникам XIV—XVI вв. Чтения, 1871, кн. 1.
- Лихачев Н. П. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. Спб., 1891.
- Он же. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, ч. 1. Спб., 1889.
- Лодыженский К. История русского таможенного тарифа. Спб., 1886.
- Макшеев А. Географические сведения книги Большого Чертежа о киргизских степях и Туркестанском крае. Записки Русск. геогр. о-ва, т. VI, отд. 2. Спб., 1880.
- Малиновский А. Ф. Известия об отправлениях в Индию российских посланников, гонцов и купчин с товарами и о приезде в Россию индийцев с 1469 по 1751 г. Труды и летоп. Моск. о-ва истории и древности, 1837, ч. 7.
- Маркс К. Капитал, т. III, ч. I, 4-е изд.
- Майков В. В. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. Спб., 1911.
- Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Л., 1933.
- Мельгунов П. П. Очерки по истории русской торговли IX—XVIII вв. М., 1905.
- Он же. О южном берегу Каспийского моря. Спб., 1863.
- Минаев И. П. Старая Индия. Спб., 1881.
- Михалон (Михаил Литвин). Записки Михайла Литвина, сер. XVI в. Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, в. 1. Киев, 1890.
- Мулюкин А. С. Очерки по истории юридического положения иностранных купцов в Московском государстве. Одесса, 1912.
- Мулюкин А. С. Приезд иностранцев в Московское государство. Из истории русского права XVI и XVII вв. Спб., 1909.
- Мухамедьяров Ш. Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства. XV — первая половина XVI века. М., 1950.
- Неклюдов А. В. Начало сношений России с Турцией. Сб. Москов. главн. архива мин. иностр. дел. 1883, вып. 3 и 4.
- Никитин А. Хождение за три моря. ПСРЛ, т. VI, стр. 331—345.
- Николаев А. С. и Житков С. М. Краткий исторический очерк развития водяных и сухопутных сообщений и торговых портов в России. Спб., 1900.
- Новосельский А. А. Из истории донской торговли в XVII веке. ИЗ, 1948, № 26.
- Ногайские посольские книги. ПДРВ, тт. VI—XI.
- Обозрение Российских владений за Кавказом, 1836, ч. IV.
- Оглоблин Н. Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа, 1592—1768. М., 1892—95 гг., ч. 1—4.
- Опись домашнего имущества царя Ивана Васильевича по спискам и книгам 1582 и 1583 гг. Временник, т. VII.
- Опись и продажа с публичного торгова имения Михайлы Татищева, 1608. Временник, т. VIII.
- Опись Московской Оружейной палаты. М., 1884—1885.
- Осокин Е. Внутренние таможенные пошлины в России. Казань, 1850.
- Очерки по истории Азербайджана. Изв. Акад. наук Азербайдж. ССР. Отд. общ. наук, 1946, № 1.
- Панков А. В. К истории торговли Средней Азии с Россией XVI—XVII вв. Сб. В. В. Бартольду туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927.
- Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Ногаями и Турцией, 1474—1521. РИО, тт. 41 и 95.
- Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским, 1487—1533. РИО, т. 35.
- Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Спб., 1890—98, тт. I—III.
- Патканов К. П. Драгоценные камни, их названия и свойства по понятиям армян в XVII в. Труды Вост. отд. имп. Арх. о-ва. Спб., 1874, т. XVII.
- Пекарский П. П. Когда и для чего основаны города Уфа и Самара. Сб. отд. русск. яз. и словесности имп. Акад. наук. Спб., 1872, т. X, № 5.
- Переписная книга 1614 г. Чтения, 188, кн. 3.

- Перетяткович Г. Поволжье в XV и XVI вв. М., 1917.
- Петрунь Ф. К вопросу об источниках Большого Чертежа. Одесса, 1924.
- Петрушевский И. Государства Азербайджана в XV в. Изв. Азербайджанского факкультета, 1944, № 7.
- Пинегин М. Казань в ее прошлом и настоящем. Спб., 1890.
- Платонов С. Ф. К истории городов и путей на южной окраине Московского государства. Журн. Мин. нар. просв., 1896, № 3.
- Платье, оружие, ратный доспех и конский прибор Бориса Годунова. 1589 г. Зап. имп. Арх. о-ва. Спб., 1865, т. XI.
- Покровский С. А. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России, М., 1947.
- Полиектов М. А. Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений 1615—1640 гг. (предисловие). Тбилиси, 1937.
- Он же. Проект хозяйственной эксплуатации оккупированных в XVII в. Россией прикаспийских областей Кавказа. Материалы по истории Грузии и Кавказа, 1937, в. IV.
- Поло Марко. Путешествие Марко Поло конда XIII в. Записки Рус. географ. о-ва по этд. этнограф. Спб., 1902, т. XXVI.
- Пославский П. Бухара. Военный сборник. 1891, № 11 и 12.
- Потанин Г. П. Привоз и вывоз товаров г. Томска в пол. XVII в. Вестн. Рус. географ. о-ва, 1859, ч. 27.
- Приходо-расходная книга Болдина Дорогобужского монастыря 1585—1586 гг. РИБ, т. II, № 102.
- Просвирина С. К. Русская деревянная посуда. М., 1955.
- Пыляев М. И. Драгоценные камни, их свойства, местонахождение и употребление. Спб., 1896.
- Расходная книга Казенного двора 1584—85 гг. ДАИ, т. I, № 131.
- Расходная книга Нижегородского Благовещенского монастыря 1603—1604 гг. РИБ, т. 11, № 51.
- Роспись платья, пожалованного Борисом Годуновым в 1599 г. АИ, т. 11, № 19.
- Савва В. И. О посольском приказе в XVI в. Харьков, 1917, вып. 1.
- Савваитов П. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора. Спб., 1896.
- Он же. Строгановские вклады в Сольвычегодский Благовещенский собор. Спб., 1886.
- Салтыков А. Б. Фарфор и известия о нем в допетровской Руси. (Рукопись.)
- Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Спб., 1884 и 1885, вып. IX, XV.
- Сборник кн. Хилова. Спб., 1879.
- Свири А. П. Опись тканей XIV—XVII вв. бывш. Троице-Сергиевой Лавры, 1926.
- Семенов А. А. Некоторые особенности материальной культуры прошлых эпох Средней Азии. Сб. Известия Среднеазиатского комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы. Ташкент, 1928, вып. 3.
- Семенов А. А. Рецензия на сб. Оружейной палаты 1925 г. То же изд.
- Семенов А. А. Топография Новгородского торго в 1583 г. Новгород. историч. сб. 1936, вып. 1.
- Сербина К. И. Книга Большого Чертежа и ее редакция. ИЗ, 1945, № 14.
- Середонин С. М. Сочинения Джильса Флетчера как исторический источник. Спб., 1891.
- Симаков И. Е. Искусство Средней Азии, 1883.
- Смирнов И. И. Восточная политика Василия III. ИЗ, № 27.
- Смирнов Н. А. К истории борьбы держав за колониальное порабощение Турции в XIV—XVIII вв. Труды Москов. ин-та истории, философии и литературы, 1938, т. II.
- Он же. Россия и Турция в XVI—XVII вв. М., 1946.
- Смирнов П. П. Экономическая политика Московского государства в XVII в. Русская история в очерках и статьях, под ред. М. В. Довнар-Запольского, Киев, 1912, т. III.
- Он же. Новое челобитие 1627 г. московского купечества об изгнании иностранцев. Чтения в Ист. об-ве. Нестора летописца, 1912, кн. 22, вып. 4.
- Соболев В. И. Очерки по истории украшения тканей. М.—Л., 1934.
- Соловьев С. М. История России. 3-е изд., т. V.
- Он же. Русская промышленность и торговля в XVI в. Современник, 1857, т. 161, кн. 1.
- Соймонов Ф. И. О торговых за Каспийское море с древних, средних и новейших времен, 1765.

- Он же. Описание Каспийского моря в нач. XVIII в. с дополнениями издателя Миллера. Спб., 1763.
- Спасский Г. И. Книга, глаголемая Большой Чертеж. М., 1848.
- Списки населенных мест Российской империи по Кавказскому краю. Тифлис, 1870.
- Список с писцовых книг по г. Казани 1566—68 гг. Казань, 1877.
- Статейный список приезда и пребывания в России англ. посла Елизара Флетчера. Временник, т. VIII. М., 1850.
- Сташевский Е. Д. Экономическая политика Московского государства в XVI—XVII вв. Русская история в очерках и статьях под ред. М. В. Довнар-Запольского. Киев, 1912, т. III.
- Сугорский И. Н. Сношения с Персией при Годунове. Русский сб., 1890.
- Сыроечковский В. Е. Гости-сурожане. М.—Л., 1935.
- Он же. Мухаммед-Герат и его вассалы. Ученые записки МГУ. М., 1940, вып. 61.
- Он же. Пути и условия сношений Москвы с Крымом на рубеже XVI в. ИАН, ООИ, 1932, № 3.
- Таможенная Белозерская грамота ААЭ, т. I, № 230.
- Таможенная грамота о взимании в В. Новгороде всяких пошлин 1571 г. ААЭ, т. I, № 282.
- Таможенные грамоты о сборе в В. Новгороде поворотной, явчей, пятинной, привозной и весчей пошлин. ААЭ, т. I, 331, 332, 334.
- Тер-Аветисян С. В. Город Джуга. Материал по истории торговых сношений Джульфинских купцов XV—XVII вв. Тбилиси, 1937.
- Тизенгаузен В. Первое русское посольство в Херате. Зап.-вост. отд. имп. рус. арх. о-ва, 1886, т. I.
- Тихомиров М. Н. Город Дмитров, Дм., 1947.
- Он же. Древняя Москва. М., 1947.
- Он же. Источниковедение истории СССР. М., 1940, т. I.
- Он же. Малоизвестные летописные памятники XVI в. (Летописный отрывок о постройке городов в Московском государстве). ИЗ, № 10, 1941.
- Он же. Новый памятник московской политической литературы XVI века. Труды общества изучения Московской области, вып. 6. Московский край в его прошлом. М., 1930, ч. 2.
- Толстой Д. История финансовых учреждений России со времени основания государства до кончины Екатерины II. Спб., 1848.
- Торговая книга конца XVI в. Записки отд. русск. и славян. археологии, 1851, т. I.
- Трусовиц Х. Посольские и торговые сношения России с Китаем (до XIX в.). М., 1882.
- Уляницкий В. А. Сношения России с Средней Азией и Индией в XVI—XVII вв. Чтения, 1888, кн. 3.
- Умняков И. К. К вопросу об исторической топографии средневековой Бухары. Сб. Туркестанского Вост. Ин-та в честь проф. А. Э. Шмидта. Ташкент, 1923.
- Фелькерзам А. Старинные ковры Средней Азии. «Старые годы», 1914, X—XII; 1915, VI.
- Ферсман А. Е. Драгоценные и цветные камни ССР. Л., 1925, т. 11.
- Он же. Из истории культуры камня в России. М.—Л., 1946.
- Он же. Самоцветы России. П., 1920.
- Фирсов Н. Н. Некоторые черты из торговопромышленной жизни Поволжья. Изв. О-ва арх., истор. и этнограф. при Казанском Ун-те, Казань, 1898, т. XIV, вып. 5.
- Флетчер Д. О государстве русском. М., 1906.
- Флоринский В. М. Русские простонародные травники и лечебники XVI—XVII вв. Казань, 1880.
- Ханыков Я. В. Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства с их окрестностями. Записки Русск. географ. о-ва, 1851, кн. V.
- Хлебников П. Х. Астрахань в старые годы. Спб., 1907.
- Хождение инок Зосимы 1419—1422 гг. Палестинский сб., вып. 24. Спб., 1889.
- Хождение арх. Агrefенья, ок. 1370. Там же, вып. 48.
- Хождение Трифона Коробейникова. Там же, вып. 27.
- Хождение на Восток Ф. А. Котова в перв. четв. XVII в. Изв. отд. русск. языка и словесн. имп. Академии наук, 1907, т. XII, книга 1.
- Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1923.
- Чечулин Н. Д. Города Московского государства в XVI веке. Спб., 1889.

- Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М.—Л., 1948, т. I.
Он же. Русская метрология. М., 1944.
- Чулошников А. Торговля Московского государства с Средней Азией в XVI—XVII вв. МИУТИТ СССР, 1933, ч. 1.
- Шабельская Н. Материалы и технические приемы в древнерусском шитье. Сб. Вопросы реставрации. М., 1926, т. I.
- Шахматов А. А. Путешествие Г. Мисюря Мунехина на Восток и хронограф 1512 г. Изв. отд. русск. языка и словесн. АН, 1899, кн. 1.
- Шильтбергер И. Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394—1427. Записки имп. Новорос. ун-та, 1867, т. I, вып. 1—2.
- Шмидт С. О. Предпосылки и первые годы Казанской войны (1545—1549 гг.). Труды Московского Государственного Историко-Архивного института, т. VI. М., 1954.
- Шпаковский А. Я. Торговля Московской Руси с Персией в XVI—XVII вв. Сб. Историко-этнограф. кружка при Ун-те св. Владимира. Киев, 1915, вып. VII.
- Шишкин В. А. Города Узбекистана. Ташкент, 1943.
- Шубин Н. Волга и волжское судоходство (история, развитие и современное состояние судоходства и судостроения). М., 1927.
- Щавинский В. А. Очерки по истории техники живописи и технологии красок в древней Руси. М.—Л., 1935.
- Эммаусский А. В. Вятская земля в период образования Русского государства. Киров, 1949.
- Эрнст Н. А. Путиваль и его посад в перв. половине XVII в. Юбилейный сб. Историко-этнограф. кружка при Ун-те св. Владимира. Киев, 1914.
- Якубовский А. Развалины Ургенча. Л., 1930.
- Он же. Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв. МИУТИТ ССР.
- Янжул И. В. Исторический очерк русской торговли с Средней Азией. Москов. Унив. Известия, 1869, № 5.
- Яницкий Н. Ф. Торговля пушным товаром в XVII в. Киевские Универ. Известия, 1912, № 9.
- Янчевский Н. Колониальная политика на Дону торгового капитала Московского государства в XVI—XVII вв. Ростов-на-Дону, 1930.
- Fischer R. The Russian fur trade 1550—1700. London, 1943.
- Heyd W. Histoire du commerce du Levant au Moyen-âge. Paris, 1886, II.
- Martin F. R. Figurale persische Stoffe aus dem Zeitraum 1550—1650. 1889.
- Mohammed Ben-Manssur. Auszüge aus dem persischen Werke «Das Buch der Edelsteine». Fundgruben des Orients, 1818, v. VI.
- Polyektow M. The ways of communication between Russia and Georgia in the XVI and XVII centuries. The Journal of modern history, 1930, v. II, № 3.
- Pope A. A survey of Persian Art, v. II, III. London — New-Jork, 1939.
- Sarre F. und Martin F. R. Die Ausstellung von Meisterwerken muhammedanischer Kunst in München, 1910. М., 1912.
- Shefer. Le voyage de monsieur d'Aramon ambassadeur pour le roy en Levant. Paris, 1887.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ — Акты Археографической Экспедиции.

АИ — Акты Исторические.

Веселовский — Н. — Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, под ред. Н. Веселовского.

Готье — Ю. — Английские путешественники в Московском государстве в XVI в., перевод Ю. Готье.

ДАИ — Дополнения к Актам Историческим.

ИАН, ОИИ — Известия Академии Наук, Отделение общественных наук.

ИЗ — Журнал «Исторические Записки».

МИУТ и ТССР — Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

ПДРВ — Продолжение Древней Российской Вивлиофики.

РИБ — Русская Историческая Библиотека.

РИО — Русское Историческое Общество.

СГГД — Собрание Государственных Грамот и Договоров.

ЦГАДА — Центральный Государственный Архив Древних Актов

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	4
Введение	5
Торговые пути Русского государства в страны Востока	10
Основные центры торговли России с Востоком	41
Предметы русского вывоза и ввоза	51
Организация русской торговли со странами Востока	98
Заключение	112
Библиография	114
Список сокращений	121
<i>Приложение: Карта «Торговые пути из Русского государства в страны Востока в XVI веке».</i>	

Мария Васильевна Фехнер

ТОРГОВЛЯ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА
СО СТРАНАМИ ВОСТОКА В XVI в.

Редактор А. И. Кантер
Художник-сформитель В. Е. Кантер
Художественный редактор
Е. Н. Пергаменщик
Технический редактор Э. Л. Розен
Корректор Л. Г. Тихомирова

Сдано в набор 27/II-56 г.

Подп. к печати 19/V-56 г.

Форм. бум. 70×92 . Физ. печ. л. 7,75 +
+ 8 вклеек. Усл. печ. л. 10,23. Уч.-изд.
л. 11,72. Тираж 3000. А06811. Изд. инд. ДМ-41.

Цена 5 р. 60 к.

Госкультпросветиздат, Москва,
проезд Владимирова, 9-а
Заказ № 300. Типография ГКПИ,
Москва, ул. Маркса и Энгельса, 14.